

Жан Бодрийяр

ДУХ ТЕРРОРИЗМА

...

ВОЙНЫ В ЗАЛИВЕ
НЕ БЫЛО

BOOM!

Жан Бодрийяр

ДУХ ТЕРРОРИЗМА

**ВОЙНЫ В ЗАЛИВЕ
НЕ БЫЛО**

**РИПОЛ
КЛАССИК**

Москва, 2016

УДК 1
ББК 87
Б75

Перевод с французского А. Качалова

Бодрийяр, Ж.

Б75 Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. — М. : РИПОЛ классик, 2016. — 224 с.

ISBN 978-5-386-09139-2

В сборник вошли сразу две из самых известных публикаций выдающегося французского философа Жана Бодрийяра: «Войны в Заливе не было» и «Дух терроризма», посвященные анализу двух глобальных событий — Войны в Персидском заливе 1991 года и террористической атаки на США 11 сентября 2001 года. Бодрийяр по максимуму воспользовался этими двумя поводами обратиться к самой широкой публике и постарался превратить предлагаемые вниманию работы в квинтэссенцию основных положений своей философии, наглядно и доступно проиллюстрировав их всем известными примерами.

Война в Заливе прославилась не только участием большого количества стран, но и трансляцией телеканалами на весь мир в режиме реального времени. Однако Бодрийяр утверждает, что это «не-война», это «не-событие», это то, чего не было. Сама постановка вопроса о, казалось бы, совершенно очевидном факте, о том, что видели все в прямом эфире, вызвала довольно серьезный скандал, а блестящая аргументация принесла философу мировую известность. Название книги теперь рассматривается многими как поговорка, мем, даже своего рода мантра. Эта работа Бодрийяра легла в основу не менее культового, чем «Матрица», голливудского фильма «Хвост виляет собакой».

Если война в Заливе была для Бодрийяра не-событием, то теракт 11 сентября 2001 явился для него, напротив, «абсолютным событием». «Дух терроризма», состоящий из цикла статей, посвященных анализу терроризма и породившей его глобализации, является логическим продолжением «Войны в Заливе не было». Тему терроризма философ разрабатывал еще задолго до того, как она стала актуальной для всех. Поэтому он первый, кто смог предложить наиболее развернутый и оригинальный анализ проблемы.

УДК 1
ББК 87

“La guerre du Golfe n’a pas eu lieu” de Jean Baudrillard.
© Editions Galilee 1991
“L’esprit du terrorisme” de Jean Baudrillard.
© Editions Galilee 2002
“Power inferno” de Jean Baudrillard.
© Editions Galilee 2002
© Качалов А. В., перевод на русский язык, 2016
© Лях С. Б., художественное оформление, 2016
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

ISBN 978-5-386-09139-2

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ	7
ВОЙНЫ В ЗАЛИВЕ НЕ БЫЛО	13
Войны в Заливе не будет	13
Война в Заливе идет на самом деле?	21
Войны в Заливе не было.....	60
ДУХ ТЕРРОРИЗМА.....	95
Дух терроризма.....	95
<i>POWER INFERNO</i>	
Реквием по башням-близнецам	120
Гипотезы о терроризме.....	131
Насилие глобального	153
Под маской войны	167
Порнография войны	175
В поисках абсолютного Зла.....	181
МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ НИЦШЕ	189
ПРИМЕЧАНИЯ	205

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ

... За семь с половиной тысяч лет истории цивилизации, начиная с Шумера, мир не воевал всего около 360 лет...

Современный мир постоянно и непрерывно меняется во всех формах своего проявления. Как ни цинично и ни печально звучит аксиома, но мы все и наш мир в целом живем в эпоху террористической и военной пандемии. Да, не удивляйтесь, не эпидемии, охватывающей на определенное время некую территорию и после прохождения апогея постепенно затихающей и уходящей в небытие. А именно пандемии, которая, охватывая все цивилизационное пространство, не оставляет ни временных, ни территориальных пустот, заставляя всю цивилизацию перебаливать собой. Это страшная, но реальная аксиома сегодняшнего дня.

Две глобальные войны XX века и выход на грань ядерной катастрофы в период длительной «холод-

ной войны» создали яркие предпосылки неминуемого ухода цивилизации от грани открытой и всемирной войны, которая при уровне современной технологии грозит миру апокалиптическим исчезновением. Таким образом создалась ситуация приверженности к «локальным кровопусканиям», когда конфликты не перерастают в очередной глобальный военный кошмар, а превращаются в нескончаемую череду локальных конфликтов и перемежающихся террористических актов.

Если в системе двухполярного построения мира середины XX века можно было найти некие логические объяснения столкновения социальных доктрин, то дальше мир все более стал перемещать свою активность в виртуальное кино, телевизионное, компьютерное пространство. Информация и ее бесконечное муссирование с постоянным накоплением дефектности и дезинформационности стали обыденностью практически каждого читающего и смотрящего в экран жителя нашей планеты.

Манипулирование информационным полем, виртуализация прагматических действий, к которым цивилизация привыкла за прошедшие семь с половиной веков, начиная с Шумера, перестают быть неотъемлемой частью современных военных и террористических технологий, а становятся лишь постановочными мизансценами в сверхкреативном спектакле.

Автор в присущей ему нестандартной манере представляет свою теорию современного мирового противостояния в террористической и военной средах, опираясь на две противоположные доктрины современной малой войны — максимальной прагматизации и брутальности, с одной стороны, и максимальной абстрактности и размытости — с другой.

Зачастую у читателя может складываться странное впечатление заикленности автора на неких доктринальных концепциях и посылах, но, как в системе отрицания отрицания, это только усиливает ощущение безысходности от массового вовлечения мирового сообщества в происходящие процессы определенными силами и практическую беспомощность большинства противостоять этому процессу «цивилизационного перебалливания военно-террористическим синдромом современности».

Книга потребует от читателя не только внимательного прочтения, но и серьезного включения в сопереживание и логику автора, последовательно и своеобразно излагающего свою картину мирового противостояния.

Часть фактов относятся к прошедшим событиям и не включают яркие, циничные и трагические события нескольких последних лет. Но несмотря на это, мировоззренческая теория, предложенная автором, заслуживает самого глубокого внимания

и анализа даже со стороны тех, кто при первичном прочтении будет с ней категорически не согласен.

Терроризм существует на планете столько же, сколько существует сама цивилизация, и исчезнет также с исчезновением жизни на нашей планете. Человеческий разум создает и модернизирует миллиарды концепций и теорий, вписывающихся в те или иные временные рамки. Скоротечность, нарастание объема и постоянное ускорение информационных потоков в XXI веке нуждаются в своих теориях, позволяющих понять и объяснить суть происходящего и постараться экстраполировать это знание хотя бы на ближайшее будущее.

Изменение политического ландшафта, изменение в сторону все большей циничности политической системы воспитания и самих геополитических технологий, расширение системы множественности стандартов (о системе двойных стандартов говорить уже не приходится), тотальный отход от глобальных дипломатических и моральных устоев в поведении делает нашу среду обитания не просто опасной, но и крайне жестокой. И формы этой жестокости также постоянно меняются вместе с совершенствованием современных технологий, особенно в сфере «информационного отравления». Большинство людей может лишь догадываться о всем комплексе психологических приемов, с помощью которых их подвергают ежедневной, а порой и ежечасной обработке,

заставляя становиться невольными участниками тех агрессивных процессов, к которым это самое большинство практического отношения не имеет...

Это маленький срез сегодняшней картины нашего мира. Постарайтесь вместе с автором пройти по логическим закоулкам его пусть и не безупречной, но заслуживающей внимания и глубокой теории осознания самой страшной и самой неизбежной доктрины мира — доктрины террористической войны...

Иосиф Линдер,
Президент Международной
Контртеррористической Тренинговой
Ассоциации, профессор,
доктор юриспруденции,
Член Союза писателей России,
автор более 35 книг по разведке,
контрразведке, терроризму,
истории специальных служб,
военно-политической истории,
боевым и военным искусствам

ВОЙНЫ В ЗАЛИВЕ НЕ БЫЛО

ВОЙНЫ В ЗАЛИВЕ НЕ БУДЕТ¹

С самого начала было ясно, что это война, которая никогда не произойдет². После горячей войны (кровопролитный вооруженный конфликт), после холодной войны (равновесие страха) настало время мертвой войны — размороженной холодной войны, которая не оставила нам выбора, кроме как схватиться с трупом войны, сделала неизбежным контакт с этим разлагающимся мертвецом, которого уже никому в Заливе не воскресить. То, что там делают Америка, Саддам Хусейн и страны Персидского залива, это и есть труп войны.

Война вступила в фазу окончательного кризиса. Уже слишком поздно для (горячей) третьей мировой, она уже состоялась, продистиллированная капля за каплей в годы холодной войны. Другой уже не будет.

Казалось бы, что распад Восточного блока³, благодаря разблокировке системы апотропии⁴, откроет войне новые пространства свободы. Ничего подобного, потому что апотропия не закончилась, как раз наоборот. В прошлом эта система функционировала как взаимное сдерживание между двумя блоками, исходя из потенциально-виртуального⁵ эксцесса средств уничтожения. Сегодня она продолжает функционировать, и даже эффективнее, чем прежде, в качестве системы самоустрашения, полного самосдерживания и саморазубеждения, вплоть до самороспуска Восточного блока. Но с другой стороны, эта система самоапотропии столь сильна, что и американская, да и вообще вся западная власть также парализована своим собственным могуществом и неспособна принять и распределить его в виде баланса сил.

Вот почему войны в Заливе не будет. То, что война увязла в этом бесконечном саспенсе⁶, не обнадеживает, не утешает. В этом смысле важность [gravité] не-события, ареной которого стал Залив, даже больше, чем само событие войны: происходящее соответствует очень опасному периоду разложения трупа, что и вызывает тошноту и беспомощность оцепенения. И здесь наши символические механизмы защиты снова оказываются слишком слабыми: у нас пропадает возможность как-то влиять на исход войны, и мы переживаем все происходящее с таким же по-

стыдным безразличием, будто мы все являемся заложниками.

Не-война характеризуется дегенеративной формой войны, которая заключается в манипуляциях с заложниками и переговорах. Заложничество и шантаж — вот самые чистые продукты системы апотропии. Заложник занял место воина. Он стал главным героем, протагонистом-симулякром, а точнее, в своем полном бездействии главным недействующим лицом не-войны. Воины пропали в пустоте (пустыне), на сцене остались лишь заложники, в том числе и все мы — в качестве заложников информации⁷ на глобальной сцене массмедиа. Заложник — призрачный актер, статист на сцене беспомощности войны. Сегодня заложник что-то вроде стратегического объекта, завтра он станет чем-то вроде рождественского подарка, меновой стоимости и ликвидного актива. Фантастическая деградация фигуры, которая представляла собой воплощение невозможного обмена. Благодаря Саддаму Хусейну (который стал капиталистом заложнической стоимости, вульгаризатором коммерческого рынка заложников, пришедшего на смену рынку рабов и пролетариев) даже такого рода крепкая валюта (стоимость) ослабла и стала символом немощной войны. Заняв место военного вызова, заложничество становится синонимом бессилия [*débilité*] войны.

Все мы заложники медиаугара, заставляющего нас верить в войну, так же как когда-то в револю-

цию в Румынии, и мы помещены в симулякр войны, словно под домашний арест. Все мы стратегические заложники *in situ* [на месте]: наше место обязательного пребывания — экран телевизора, где мы ежедневно подвергаемся виртуальной бомбардировке и в то же время выступаем в качестве меновой стоимости. В этом смысле нелепая комедия, которую ломает перед нами Саддам Хусейн, всего лишь отвлечение внимания [*diversion*] как от войны, так и от международного терроризма одновременно. Его мягкий терроризм, по крайней мере, положит конец жесткому терроризму (палестинцев и любых других), доказывая тем самым, что в этом отношении, как и во многих других, он является идеальным сообщником Запада.

Эта невозможность перехода к действию, это отсутствие стратегии ведут к триумфу шантажа как стратегии (со стороны Ирана был еще определенный вызов, Саддам применяет уже только шантаж). Подлость Саддама Хусейна заключается в вульгаризации всего, к чему он прикоснется: религиозный вызов превратился в имитацию священной войны, заложник из жертвы превратился в прибыль, страстное отрицание западного мира — в националистическую возню, а война — в невозможную комедию. Но мы сами помогли ему в этом. Позволив ему поверить, что он выиграл войну против Ирана⁸, мы подтолкнули его к иллюзии по-

беды над Западом. Бунт наемника — единственная ироничная и забавная черта всей этой истории.

Мы пребываем ни в логике войны, ни в логике мира, но в логике апотропии, которая неуклонно прокладывает себе путь на протяжении сорока лет холодной войны, чтобы прийти к развязке в нынешних событиях — в логике немощных событий, к которым относятся как события в Восточной Европе⁹, так и война в Персидском заливе. Перипетия анорексичной истории, а теперь и анорексичной войны: отныне она не пожирает противника, поскольку не видит в нем врага, достойного вызова и уничтожения (и видит Бог, Саддам Хусейн не достоин ни того, чтобы ему был брошен вызов, ни того, чтобы быть уничтоженным), а, следовательно, пожирает саму себя. Зеленый свет ООН с невероятным количеством мер предосторожности и уступок — это деинтенсификация статуса войны, права на войну. Это использование средств предохранения, перенесенное на акт войны: занимайтесь войной, как и любовью, — с презервативом! По шкале Рихтера война в Заливе не достигла бы и двух-трех баллов. Эскалация нереальна; все происходит так, как если бы путем манипуляций с измерительными приборами создали фикцию землетрясения. Это не высшая степень войны и не нулевая, а немощная и чахоточная, война в асимптотической форме, которая позволяет неограниченно приблизиться к войне, но так с ней

и не столкнуться; это степень транспарентности¹⁰, которая позволяет наблюдать войну лишь в глубине камеры-обскуры.

Подозрения начались уже с отсутствия объявления войны, отсутствия этого символического акта, предваряющего переход к реальным действиям: уже это предвещало и отсутствие ее развязки, как, впрочем, и отсутствие самих военных действий, а заодно — и различия между побежденным и победителем (победитель легко становится заложником побежденного: пресловутый стокгольмский синдром). Раз эта война никогда и не началась, то это война без конца. Мечта о войне в чистом виде, войне орбитальной, очищенной ото всех ее политических и локальных перипетий, привела к тому, что мы докатились до немощной войны, до ее возможной [virtuelle] невозможности; война превратилась в какой-то нелепый танец с саблями, где противники соревнуются в деэскалации, как будто сама искра, само событие войны стало чем-то невыносимо обценным¹¹, впрочем, как и любые реальные события, которые мы более не в состоянии воспринимать. Поэтому все перемещается в сферу виртуального; и то, с чем мы теперь имеем дело, апокалипсис виртуальности, чья гегемония, в конечном счете, гораздо более опасна, чем реальный апокалипсис.

Существует широко распространенное убеждение, что между виртуальным и реальным есть ло-

гическая связь, в соответствии с которой все имеющееся в распоряжении вооружение не может быть однажды не использовано, а такая концентрация военной силы, с которой мы имеем теперь дело, не может не привести к столкновению. Но это аристотелевская логика, которая к нам больше не имеет никакого отношения. В наши дни виртуальное решительно берет верх над реальным, и нам приходится довольствоваться такой крайней виртуализацией, которая, вопреки Аристотелю, является сдерживающим фактором от перехода к действию. Мы пребываем уже не в логике перехода от возможного-виртуального к реальному, но в гиперреалистической логике апотропии реального виртуальным.

В этом процессе заложничество в очередной раз очень показательно. Сначала словно экстрагированное, как молекулы в экспериментальном процессе, а затем продистиллированное капля за каплей в процессе обмена — виртуальная, а не реальная, смерть заложников представляет собой ставку в игре. Кстати, они всегда и не умирают, а просто пропадают без вести. Никогда не воздвигнут памятник неизвестному заложнику, всем слишком стыдно — этот коллективный стыд, присущий заложникам, отражает полную деградацию реальной враждебности (войны) в виртуальное гостеприимство («гости»¹² Саддама Хусейна).

Переход к действию вообще пользуется дурной славой: он соответствует резкому [brutale] снятию вытеснения, а следовательно, психотическому процессу. Кажется, что эта боязнь перехода к действию определяет сегодня все наше поведение: боязнь всякой реальности, всякого реального события, всякого реального насилия, всякого слишком реального наслаждения. Для борьбы с этой боязнью реального мы создали гигантский аппарат симуляции, позволяющий нам переходить к действию *in vitro* [в пробирке] (это относится даже к зачатию). Катастрофе (происшествию) реального мы предпочитаем изгнание в виртуальный мир, универсальным зеркалом которого служит телевидение.

Война также не избежала этой виртуализации, что напоминает хирургическую операцию, цель которой — представить войну с подтяжкой на лице, косметически обработать фантом ее смерти, ввести в заблуждение еще большими телеухищрениями, чем мы наблюдали в Тимишоаре¹³. Даже сами военные потеряли право на потребительскую стоимость, право на реальную войну. Апотропия прошла повсюду и не пощадила никого. Как и политики, военные уже не знают, что делать с их реальной функцией — функцией смерти и разрушения. Они обречены на иллюзию войны, так же как политики обречены на иллюзию власти.

P.S. Доказывать невозможность войны именно в тот момент, когда она вот-вот должна произойти, когда все больше накапливается признаков ее наступления, это глупое пари. Но еще более глупо было бы упустить такую возможность.

ВОЙНА В ЗАЛИВЕ ИДЕТ НА САМОМ ДЕЛЕ?

Хороший вопрос! На основании доступных нам данных (избыток комментария при недостатке образов) можно предположить, что мы имеем дело с широкомасштабной рекламной кампанией, вроде той, которая нахваливала когда-то бренд (GARAP¹⁴), а что за продукт за ним скрывался, так никто и не узнал. Чистая реклама, которая имела огромный успех именно потому, что принадлежала к сфере чистой спекуляции.

Эта война также чистая и спекулятивная, до такой степени, что мы не представляем себе уже самого реального события, того, что оно могло бы означать и чем бы оно могло быть. Это напоминает недавнюю рекламную интригу, державшую нас в саспенсе: сегодня я снимаю верх, а завтра я сниму низ¹⁵; сегодня я развяжу виртуальную войну, а завтра я развяжу реальную войну. Фоном идет еще и третья печально известная реклама, в которой жадный и манящий банкир признается: «Меня ин-

тересуют ваши деньги». Только теперь вместо банкира — Саддам, говорящий Западу: меня интересует ваша власть (и те готовы поделиться с ней), а затем арабам, с таким же лицемерием: меня интересует ваша религиозная война (и те готовы инвестировать в него).

И вот таким образом война прокладывает себе дорогу — рекламными трюками и спекуляцией, где не последнюю роль играют заложники, включенные рекламщиками в список товаров для продажи; она идет, не раскрывая при этом ни планов, ни балансов, ни возможных потерь и готовящихся операций. Ни одно предприятие не выжило бы в такой неопределенности, за исключением основанного именно на управлении спекулятивными рисками, иначе это называется стратегией извлечения прибыли из того, что хуже [pire] всего (pire созвучно PИНР — Очень Прибыльный Бессмысленный Проект), иными словами — из войны. Сама война приняла этот спекулятивный оборот: стала предприятием очень прибыльным, но с очень неопределенным будущим. Она может обанкротиться в любой момент...

Тем не менее с этого времени прибыль от рекламы становится просто фантастической. Проиграет или же нет, Саддам гарантированно получит ореол [label] неповторимой харизматичности. Победит или же нет, американское оружие получит ореол технологически не имеющего равных.

А огромные материальные расходы уже сопоставимы с теми, которые повлекла бы реальная война, если бы она состоялась.

Мы до сих пор еще не вышли из виртуальной войны, то есть из состояния сложного, хотя подчас и смехотворного ее развертывания на фоне глобальной неопределенности относительно готовности вести войну, даже со стороны Саддама. Отсюда этот недостаток образов, который неслучаен, но не вследствие цензуры, а вследствие невозможности отобразить эту неопределенность войны.

Рекламно-информационная, спекулятивная, виртуальная, эта война уже не соответствует известной формуле фон Клаузевица¹⁶ «война есть продолжение политики другими средствами», а, скорее, обозначает отсутствие политики, продолжаемое другими средствами. Не-война представляет собой страшное испытание для статуса и неопределенности политики, так же как биржевой крах (универсум спекуляции) представляет собой решающее испытание для экономики и неопределенности экономических целей или так же как какое-либо событие является страшным испытанием для неопределенности, целей и задач информации. Поэтому информация «в режиме реального времени» растворяется в абсолютно нереальном пространстве и, в конечном счете, передает на телеэкраны лишь ничем не наполненное и бесполезное моментальное изображение, обнаруживая тем

самым свою основную функцию, состоящую в наполнении пустоты и затыкании дыры экрана, через которую улетучивается существо [substance] событий.

Реклама также не является экономикой, продолжаемой другими средствами. Напротив, она является чистым продуктом неопределенности относительно рациональности целей производства. Именно поэтому она стала неудержимо расширяющей свою сферу функцией, которая заполняет пустоту наших экранов по мере исчезновения какой-либо экономической целесообразности или рациональности. Вот почему она успешно конкурирует с войной на наших экранах, и обе они могут чередоваться в одном общем виртуальном образе.

Медиа привлекают внимание к войне, война привлекает внимание к медиа, а реклама конкурирует с войной. Реклама — самый живучий паразит всей нашей культуры. Она, без сомнения, пережила бы даже ядерную войну. Это наш Страшный суд. Впрочем, есть у нее и подобие биологической функции: так же как растения-паразиты или микрофлора кишечника, пожирая нашу субстанцию (пищу для ума), она позволяет нам усваивать то, что мы поглощаем, — превращает мир и насилие мира в удобоваримую субстанцию.

Так что же это: война или реклама?

Война, вместе со всеми своими военными фальшивками, предположительными солдатами и гене-

ралами, предполагающимися экспертами и телеведущими, которые постоянно спекулируют на ее тему целыми днями на наших глазах, словно вертится перед зеркалом: достаточно ли я хороша, достаточно ли эффективна, достаточно ли эффектна, достаточно ли совершенна, чтобы выступить на арену истории? Конечно, эти полные беспокойства вопросы усиливают неопределенность относительно того, разразится ли она вообще. И именно эта неопределенность расплзается по нашим экранам, как настоящее нефтяное пятно. При этом образ перемазанной нефтью слепой и беспомощной морской птицы на побережье Персидского залива становится символическим отражением того, чем являемся все мы, глядя в наши экраны, стоя лицом к лицу с этим вязким и непостижимым событием.

В отличие от предыдущих войн, которые имели определенные политические цели — завоевание или доминирование, тем, что поставлено на карту сейчас, является сама война: ее статус, ее смысл, ее будущее. Она не имеет иной цели, кроме доказательства самого своего существования (этот кризис идентичности касается существования каждого из нас). Она действительно значительно потеряла в своем правдоподобии. Кто, кроме арабских масс, все еще склонен в нее поверить и запылать ее жаром? Тем не менее спектакулярное¹⁷ влечение к войне остается неизменным. В отсутствие воли к

власти (достаточно ослабшей) и воли к знанию (достаточно проблематичной) сегодня повсеместно остается лишь воля к спектаклю, а с ней упорное желание сохранения призраков и фикций (такова судьба религий, в которые уже никто не верит: они сохраняются в виде развоплощенных практик). Возможно ли еще сохранение войны?

Безусловно, Иран и Ирак сделали все возможное, чтобы сохранить фикцию кровопролитной, братоубийственной, изматывающей и нескончаемой войны (в духе Первой мировой). Но она была туземной и из другой эпохи, поэтому ничего не доказывает относительно статуса и возможности современной войны. Хоть третьей мировой войны и не было, но все мы уже по ту ее сторону, если можно так выразиться, в утопическом пространстве после-войны-которой-не-было, и именно в саспенсе, вызванном этим не-было, разворачиваются нынешние конфликты, и возникает вопрос: возможно ли войне вообще быть?

Вероятно, что нынешний конфликт — это всего лишь тест, отчаянная попытка убедиться, что война все еще возможна.

Нулевая война: она напоминает те матчи чемпионата мира по футболу, которые зачастую заканчиваются серией пенальти (жалкое зрелище) из-за невозможности решить исход игры. Словно игроки наказывают сами себя с помощью этих «штрафных» за то, что не в состоянии играть и вы-

игрывать в условиях настоящей борьбы. Почему бы тогда не начать сразу с пенальти и обойтись без самой игры с ее бесплодным противостоянием? Так и с этой войной: она могла бы начаться сразу с конца и избавить нас от вынужденного зрелища нереальной войны, в которой ничего не достигает своей крайней точки и которая, независимо от своего результата, оставит после себя лишь привкус неудобоваримого (теле)программирования¹⁸, а весь мир оставит в раздражении, как после неудачного полового акта.

Эта война излишков (средств вооружения, материальной части и т. д.), война избавления от балласта, чистки складов, распродажи и уценки, а также экспериментального внедрения и презентации будущего ассортимента вооружений. Война миров, переполненных излишками чрезмерного технического вооружения (включая Ирак), обреченных как на их трату (включая человеческие потери), так и на необходимость избавиться от них. Так же как лишнее время питает ад праздности, так и технологические излишки питают ад войны. Излишки — воплощение тайного насилия этого мира, которое выражается в несварении и неконтролируемой дефекации. Пресловутые американские военные излишки после Второй мировой войны, которые представлялись нам как роскошь, стали угнетающим глобальным бременем, а война, в рамках своих возможностей, прекрасно функцио-

нирует в качестве способа очистки (желудка) и опорожнения (кишечника).

В то время как критически мыслящий интеллект, как тип, находится в процессе исчезновения, свойственная ему фобия реальности и действия, наоборот, как кажется, растекается по всей кровеносной и церебральной системе наших институций. В этом смысле весь мир находится в процессе интеллектуализации, включая военных.

Посмотрите, как они путаются в объяснениях, рассыпаются в доказательствах, теряются в технических нюансах (война медленно дрейфует в сторону технологического маньеризма) или в деонтологии¹⁹ чистой, без сучка и задоринки, электронной войны, — да это прямо эстеты, которые своими речами оттягивают время наступления до бесконечности, а принятие решения до неразрешимости²⁰. Их war-processors²¹, их радары, их лазеры, их мониторы делают переход к войне одинаково лишним и невозможным, подобно тому, как использование word-processor делает лишним и невозможным переход к акту письма, потому что уже заранее лишает его какой-либо драматической неопределенности.

Генералы также исчерпывают их искусственный интеллект, упорно корректируя свои сценарии, шлифуя скрипты своей войны до такой степени, что время от времени просто теряют сам сюжет [texte] после обработки ошибок. Известный фило-

софский принцип эпохе²² стал универсальным — как на экранах, так и на поле боя.

Должны ли мы радоваться тому, что все эти технологии цифровой обработки войны [war-processing] привели к элизии²³ срока наступления и насилия войны? Только в известной степени, поскольку отсрочка войны на неопределенный период сама по себе чревата губительными во всех отношениях последствиями.

В силу того, что эта война была антиципирована²⁴ во всех своих деталях и исчерпана во всех своих сценариях, в конечном итоге она начинает напоминать героя фильма «*Italien des Roses*» (сыгранного Ришаром Боренже в фильме Шарля Маттона), который в течение полутора часов не решается спрыгнуть с крыши высотки на глазах толпы, сначала взволнованно следящей за каждым его движением, а потом разочарованной и раздраженной состоянием ожидания, точно так же, как сегодня мы разочарованны и раздражены медиашантажом и иллюзией войны. Хотим ли мы, чтобы она, в конце концов, произошла, если она уже как бы произошла десяток раз? Точно как в «*Italien des Roses*»: мы знаем, что итальянец не спрыгнет, и, в конце концов, нам уже наплевать, спрыгнет ли он вообще, потому что реальное событие уже пережило себя и кредит его воображаемого исчерпан.

В этом и заключается вся проблема антиципации. Есть ли еще шанс произойти тому, что тща-

тельно запрограммировано? Есть ли еще шанс быть истинным тому, что тщательно и наглядно доказано (показано)? Когда слишком многое указывает в одном и том же направлении, когда объективные причины нагромождаются друг на друга, эффект становится обратным. А следовательно, все то, что указывает на войну: развертывание вооруженных сил, нарастание напряженности, концентрация вооружения и даже зеленый свет ООН, — становится неоднозначным и, отнюдь не увеличивая вероятность столкновения, функционирует в качестве превентивной аккумуляции, субституции²⁵ и отвлечения внимания [diversion] от перехода к военным действиям.

После пяти месяцев в виртуальной стадии война сейчас входит в свою термальную стадию²⁶, в соответствии с правилом, согласно которому то, что никогда не начиналось, заканчивается, так и не состоявшись. Полная неопределенность этой войны проистекает из того, что она заблаговременно закончена и вместе с тем нескончаема. Со временем это чревато серьезными последствиями. Виртуальное порождает виртуальное — избегая случайного [accident], которым могло бы стать лишь вмешательство в дело Другого. Но никто не хочет и слышать о Другом. В конечном счете, неразрешимость этой войны зиждется на исчезновении инаковости, элементарной враждебности, самого врага. Война превратилась в холостую машину²⁷.

Благодаря этой войне невероятная неразбериха арабского мира начинает распространяться и на западный мир — и это справедливая месть. В свою очередь, мы отчаянно пытаемся объединить и стабилизировать их, чтобы легче осуществлять контроль, — это перетягивание каната исторического масштаба: кто кого стабилизирует, прежде чем сам не будет дестабилизирован²⁸ В столкновении с вирulentной и непостижимой нестабильностью арабского и исламского мира, чьим характерным средством защиты является истерия во всем своем многообразии проявлений [versatilité], западный мир начинает демонстрировать, что его ценности уже не могут больше претендовать на какую-либо универсальность, за исключением чрезвычайно хрупкой универсальности ООН.

На западную логику декомпенсации (Запад стремится к тому, чтобы как-то смягчить, даже подвить свою мощь) восточная логика Саддама отвечает гиперкомпенсацией. Далекий от успеха в противостоянии с Ираном, он принимается за Запад. Он действует за пределами своих возможностей, там, где только Бог может ему помочь. Он совершает акт магической провокации, а Богу или кому-то еще, с ним связанному, предопределено делать все остальное (как правило, эта роль отводится арабским массам).

Американцы же, из-за своего рода эгоцентрического великодушия или глупости, могут вести

борьбу с противником, лишь представив его себе по своему образу и подобию. Они одновременно и миссионеры, и новообращенные в свой собственный образ жизни, который они триумфально проецируют на мир. Они не в состоянии представить себе Другого и, следовательно, вести войну с ним персонально. То, с чем они воюют, — это инаковость Другого, а то, к чему они стремятся, — редукция²⁹ этой инаковости, обращение в свою веру, а в противном случае, если редукция окажется невозможна, истребление (как в случае с индейцами). Они не могут представить себе, что обращение и покаяние с их собственного благоволения не может найти отклик в Другом, и они буквально в шоке оттого, что Саддам обманывает их и отказывается подчиняться их аргументам. Очевидно, поэтому его и решили устранить, не из ненависти или расчета, но за преступление, вероломство, измену, своеволие и коварство (точно как в случае с индейцами).

Вот израильтяне не такие щепетильные. Они рассматривают Другого во всей его неприкрытой враждебности, без иллюзий и сомнения. Другого, араба, нельзя обратить, его инаковость непоправима, его нельзя изменить, его можно лишь усмирить и покорить. При этом они все же признают Другого, хоть и не понимают его. Американцы же не только не понимают, но и не признают.

В Заливе не разыгрывается какая-то решающая партия между гегемонией Запада и бросив-

шим ему вызовом остальным миром. Запад ведет борьбу с самим собой при участии подставного наемника, после того как вел борьбу с Исламом (Иран), опять же при участии подставного Саддама. Саддам — все тот же фальшивый враг. Сначала сторонник Запада в противостоянии с исламом, теперь сторонник ислама в противостоянии с Западом — в любом случае он изменил своему собственному делу, поскольку взял в заложники не только несколько тысяч случайных граждан западных стран, но и целые арабские массы, удерживая их в самоубийственном энтузиазме ради собственной выгоды. В тот же самый момент, на Рождество, между прочим, когда он освобождает заложников (столь же демагогично поглаживая Запад по шерстке, как тогда, когда он поглаживает детей перед телекамерами), он подает свою публичную заявку [ОРА] на ведение священной войны.

Таким образом, ошибочно думать, что он способствовал объединению арабского мира, и хоть сколько-нибудь верить в какое-то его благородство. На самом деле он поступит как сутенер: заставит его работать на себя, выжмет все соки, а затем оставит ни с чем. Такие люди, как он, необходимы, чтобы время от времени канализировать извергающиеся силы. Они выполняют роль клизмы или слабительного для искусственного опорожнения. Это форма апотропии конечно же за-

падная стратегия, но Саддам, в своем тщеславии и вздорности, стал ее идеальным исполнителем. Тот, кто так любит обманки³⁰, сам является всего лишь обманкой, и его ликвидация может только способствовать демистификации этой войны (которая также является обманкой), кладя конец объективному соучастию.

Однако не по этой ли самой причине Запад решил его устранить?

Демонстрация американских пленных по иракскому телевидению. Это снова политика шантажа и заложничества, попытка унижить США созерцанием этих «раскаявшихся»³¹, принужденных к символическому признанию американского позора. Это и наш позор, ведь телеэкраны также творят над нами насилие, насилие над нашим взглядом, как над истязаемым, манипулируемым и бессильным пленником, насилие принудительного вуайеризма в ответ на принудительный эксгибиционизм изображения. Вместе с созерцанием этих пленных и заложников телеэкраны показывают нам наше собственное бессилие и беспомощность. В таких случаях, как этот, информация полностью выполняет свою функцию, которая заключается в убеждении нас с помощью общенности того, что мы видим, в нашей собственной униженности. Принудительная перверсия взгляда равнозначна признанию нашего собственного позора и превращает нас в таких же «раскаявшихся».

То, что американцы позволили себя унижить, не отвлекаясь от своей чистой программируемой войны, указывает на слабость их символического военного запала. Унижение остается наихудшим истязанием, надменность (Саддама) — наихудшим видом поведения, шантаж — наихудшим видом взаимоотношений, а подчинение ему — наихудшим видом позора. То, что это символическое насилие, которое хуже любого сексуального насилия, в итоге снесли, даже и глазом не моргнув, показывает всю глубину западного мазохизма или же его безответственности. Вот принцип американского образа жизни: *Nothing personal!* [ничего личного, без обиды]. Воюют они тем же способом: прагматично, а не символично. И таким образом они подвергаются смертельной опасности, которой не в силае противостоять. Может быть, они принимают это как уравнивающий фактор, как, несмотря на весь символизм, искупление за свое могущество?

Два ярких образа, две или, может, три сцены, которые относятся к безобразным формам или облачениям, соответствующим маскараду этой войны: журналисты CNN в газовых масках в своей иерусалимской студии; накачанные наркотиками и истязаемые пленные, раскаивающиеся на экранах иракского телевидения; и, возможно, еще перепачканная нефтью морская птица, вглядывающаяся своими слепыми глазами в небо Залива. Маскарад

информации с ее паническим шантажом: искаженные лица, предающийся проституированию образ, образ непостижимого страдания. Нет образа поля боя, лишь образы [газовых] масок, помятых или слепых ликов, образы искажения. Там идет не война, а обезображивание мира.

Глубокое презрение кроется в такого рода «чистой» войне, которая доводит противника до беспомощности и бессилия, но не уничтожает его тела, которая за дело чести почитает обезвреживание и нейтрализацию, но не убийство. В этом смысле она еще более отвратительна, чем другие войны, потому что сохраняет жизнь. Она отбирает что-то меньшее, чем жизнь, это как унижение, это хуже, чем если бы она просто отбирала жизнь. Несомненно, здесь кроется какая-то политическая ошибка, поскольку нельзя победить и вовсе без борьбы. Таким образом, американцы, не ведя борьбу с Другим, а просто его устраняя, наносят особое (личное) оскорбление, такое же, как если кто-то не торгуется о цене товара, отказывая тем самым в каком-либо личном взаимоотношении с продавцом. Тот, чью цену вы принимаете без дискуссии, наиболее презираем вами. Тот, кого вы обезвреживаете, даже на него не взглянув, чувствует оскорбление и вынужден мстить. Возможно, что-то от этого есть в показе униженных пленников по телевидению. В некотором роде это заявление Америке: если вы не

хотите знать, как выгядим мы, мы вам покажем, как выгядите вы.

Так же как психическое, или экран психики, превращает все болезни в симптомы (уже не осталось органических заболеваний, причины которых не пытались бы найти где-то в другом месте, в интерпретации расстройства на другом уровне: все симптомы проходят через своего рода черный ящик, где психические образы переворачиваются и инвертируются, болезнь становится обратимой, неуловимой, ускользя от всякой реалистической терапии), так и война, обращенная в информацию, перестает быть реальной войной и становится войной виртуальной, в некотором роде симптоматической. И так же, как и все, что преобразуется в психическое, становится предметом бесконечных спекуляций, так все, что преобразуется в информацию, становится предметом спекуляций, которым нет конца, и приводит к полной неопределенности. На наших телеэкранах нам остается лишь симптоматическое чтение эффектов войны, либо эффектов дискурса о войне, или полностью спекулятивных стратегических оценок, аналогичных оценкам в области исследования общественного мнения. Так, на протяжении всего одной недели оценка уничтоженного иракского военного потенциала выросла с 20 % до 50 %, чтобы потом упасть к 30 %. Эти цифры колеблются так же, как котировки акций на фондовом рынке. «Сухопутное на-

ступление можно ожидать сегодня, завтра, через несколько часов, в любом случае на этой неделе... Погодные условия идеальны для боевых действий» и т. д. И кому верить? Здесь нечему верить. Мы должны научиться читать симптомы как симптомы, а телевидение — как истерический симптом войны, которая не имеет никакой критической массы. Впрочем, она, судя по всему, и не собирается достигать критической массы, оставаясь в инерциальной фазе, и имплозивность³² информационного аппарата с его тенденцией к снижению степени информативности, как кажется, усиливает имплозивность самой войны с ее тенденцией к снижению степени конфронтации.

Информация подобна неинтеллектуальной [несамонаводящейся] ракете, которая никогда не находит свою цель (и, к сожалению, даже свою противоракету!), следовательно, взрывается где угодно или теряется где-то в космосе на неизвестной орбите, по которой вечно вращается как космический мусор.

Информация есть не что иное, как блуждающая ракета с непредсказуемым пунктом назначения, которая хоть и стремится к своей цели, но всегда попадает в случайные ложные цели [обманки] — она сама и есть обманка, которая на самом деле распространяется [разлетается] повсюду, но в основном с нулевым результатом. Утопичность целевой рекламы или целевой информации напо-

минает ракеты-мишени [целевые ракеты]: никто не знает, куда она попадет, и ее целевым предназначением, по-видимому, является не попадание, но, так же как в случае с ракетой, сам запуск. По сути, единственным впечатляющим образом является вид ракет, снарядов, космических аппаратов лишь в сам момент их запуска. То же самое касается рекламы или пятилетних планов: все сосредоточено на кампании по запуску, а ее влияние [попадание] и результаты настолько случайны, что часто мы о них и вовсе не слышим. Весь эффект заключается в программировании, а весь успех — в создании виртуальной модели. Взять хотя бы ракеты типа «Скад»: их стратегическая эффективность близка к нулю, а единственный (психологический) эффект их воздействия заключается в том, что Саддаму удалось-таки их запустить³³.

То, что производство ложных целей [обманок] стало значимой отраслью военной промышленности, так же как производство плацебо стало значимой отраслью фармацевтической промышленности, а фальшивки процветают в арт-индустрии, не говоря уже о том, что информация стала попросту приоритетной отраслью индустрии, — все это признак того, что мы вступили в мир обмана [désceptif], где вся культура усердно трудится над своей подделкой [contrefaçon]. Это также означает, что этот мир больше не питает никаких иллюзий о себе.

Все началось с лейтмотива точности, хирургической, математической, пунктуальной эффективности, что является еще одним способом не признавать противника как такового, так же как лоботомия является способом не признавать безумия как таковое. И вся эта техническая виртуозность заканчивается самой нелепой неопределенностью. Изоляция противника всеми способами электронной интерференции³⁴ создает своего рода вал, за которым он становится невидимым. Он превращается в «stealthy» [незаметный], и его способность к сопротивлению становится неопределимой. Уничтожая его дистанционно, в этой транспарентности, становится невозможно даже различить, жив ли он еще или уже мертв.

Концепция чистой войны, как и чистой бомбы или же интеллектуальной [самонаводящейся] ракеты, равно как и сама эта война, задуманная как технологическая экстраполяция разума, — все это верный признак безумия, так же как стеклянные колпаки или мыльные пузыри на головах некоторых персонажей Иеронима Босха — признак их слабоумия. Эта война, подобно Белоснежке³⁵, заключена в стеклянный гроб, откуда выкачаны весь плотский тлен и вся военная страсть. Чистая война, которая заканчивается грязным нефтяным пятном.

Французы предоставили самолеты и АЭС, русские — бронетехнику, англичане — секретные бункеры и взлетно-посадочные полосы, немцы — газ,

голландцы — противогазы, а вот итальянцы — эквиваленты всего вышеуказанного, но в виде ложных целей [обманок]: бутафории танков и бункеров, надувные бомбардировщики, оборудование для имитации теплового излучения ракет и т. д. Ввиду такого количества таких чудесных вещей, совсем недалеко до еще более дьявольской фантазмагии: почему бы не дать фальшивые противогазы палестинцам? почему бы не разместить заложников на каком-то ложноцелевом стратегическом объекте, бутафорском химическом заводе, например?

Был ли сбит французский самолет? Животрепещущий вопрос, ведь на кону наша честь. Ведь это служило бы доказательством нашего участия в боевых действиях, однако иракцы, словно с каким-то злорадством, опровергают это (может быть, у них есть более точные сведения относительно нашего участия?). В любом случае, мы и здесь снова имеем дело с обманками, фальсификацией потерь, жертвами-тромплями (как в Тимишоаре или в случае имитации уничтожения гражданских объектов в Багдаде).

Война высокой технологической концентрации, но слабая по содержанию. Может быть, она уже превысила свою критическую массу в результате чрезмерного сосредоточения?

Прекрасная иллюстрация схемы коммуникации, в которой отправитель и получатель находят-

ся по разным сторонам экрана и никогда друг с другом не (со)общаются. Вместо сообщений, с той и с другой стороны летят ракеты и бомбы, но личная, дуэльная взаимосвязь здесь полностью отсутствует. Так воздушная атака на Ирак может быть прочитана в категориях кодирования, декодирования и обратной связи (в этом случае чрезвычайно слабой, так как невозможно даже узнать, что удалось уничтожить). А сдержанность израильтян объясняется тем, что они пострадали от абстрактных запусков бесполезных ракет³⁶. Если бы Израиль атаковал настоящий «живой» бомбардировщик, это вызвало бы немедленный контрудар.

Коммуникация также представляет собой чистую связь, принципиально исключающую любое сильное чувство, любое личное переживание. Странно видеть эту бесчувственность, это глубокое безразличие друг к другу, которое разыгрывается в самом сердце насилия и войны.

То, что невидимые Stealthy-бомбардировщики начали эту войну, нацеленные на обманки и уничтожающие, без сомнения, ложные цели; то, что сначала секретные (опять «стелс») разведслужбы настолько обманулись относительно реального вооруженного потенциала Ирака, а затем все стратеги — относительно эффективности интенсивного ведения электронной войны, свидетельствует об иллюзионизме военной мощи, которая уже не соизмеряется с противником, а только лишь с соб-

ственными абстрактными (военными) операциями. Стоило бы отправить всех этих генералов, адмиралов и прочих липовых экспертов на надувной стратегический объект, чтобы посмотреть, привлекут ли такого рода обманщики настоящие бомбы на свою голову.

С другой стороны, американская невинность и наивность, заключающаяся в признании своих ошибок (когда пять месяцев спустя они заявили, что иракские силы остаются в почти нетронутом состоянии, тогда как они сами не готовы атаковать), и вся эта контрпропаганда, которая способствует еще большей путанице, была бы трогательной, если бы не свидетельствовала о том же виде стратегического слабоумия, что и триумфальные декларации вначале, и если бы нас по-прежнему не держали за совиновных свидетелей той подозрительной искренности, лозунг которой гласит: вот видите, мы все вам рассказываем. О да, мы всегда можем довериться американцам, они знают, как использовать свои неудачи при помощи обманчивой искренности.

Маленькая сказочка про ООН: ООН проснулась (или была разбужена) в своем стеклянном гробу (высотка в Нью-Йорке). Когда гроб упал и разбился вдребезги (одновременно с Восточным блоком), кусок яблока выскочил из ее горла, и она ожила, свежая словно роза, только для того, чтобы тотчас встретить ожидающего ее прекрасного

принца — Войну в Заливе, — также только что вышедшего из лимба [первый круг ада] после долгого траура. Без сомнения, вместе они произведут на свет Новый Мировой Порядок, если, конечно, не превратятся в двух бесплотных призраков после своей вампирской связи.

Видя, как камера скользит с улыбающегося лица Саддама на заложников, а затем на поглаживаемых по головкам детей, с вида (ложных) стратегических объектов на развалины молокозавода, понимаешь, что наше западное представление о телевидении и информации остается наивным и ханжеским, поскольку, вопреки очевидности, мы все еще надеемся на правильное их использование. А вот Саддам, он отлично знает, чем на самом деле являются медиа и информация; он использует их радикально откровенно, совершенно цинично, а значит, совершенно инструментально. Румыны также совсем недавно сумели использовать их для совершенно аморальной мистификации (с нашей точки зрения). Мы можем сожалеть об этом, но, учитывая принцип симуляции, которому подчиняется вся информация, даже самая праведная и объективная, учитывая структурную нереальность образов и их надменное безразличие к истине, надо сказать, что только циники не ошибаются относительно информации, когда используют ее как безусловный симулякр. Мы считаем, что они аморально искажают образы, но это не так: они лишь осоз-

нают глубокую аморальность образов и, за счет пародийного и абсурдно-гротескового их использования (как, например, Бокасса или Амин Дада³⁷), показывают, что они представляют собой на самом деле, показывают обесценную сущность западных демократических и политических структур, которые они позаимствовали у нас. Весь секрет слаборазвитых стран заключается в пародировании западной модели и выставлении ее на посмешище через гиперболизацию. Только мы сохраняем иллюзию информации и права на информацию. Они же не столь наивны.

Никакого acting-out [отыгрывания] или passage à l'acte [перехода к действию] — только acting: камера, мотор! Однако получается слишком много пленки, либо вовсе пустой, либо потерявшей свою чувствительность из-за слишком долгого пребывания в промозглой сырости холодной войны. Короче говоря, там просто нечего видеть. Лишь в будущем в архивных видеозаписях что-то рассмотрят поколения видеозомби, которые никогда не прекратят попыток воссоздания этого события, так никогда и не почувствовав бессобытийности этой войны.

Архив также является частью виртуального времени, это запас события «в режиме реального времени» с его мгновенностью распространения. Вместо «революции» реального времени³⁸, о которой говорит Вирильо³⁹, следует говорить скорее об

инволюции⁴⁰ в режиме реального времени, об инволюции события в мгновении всего, что происходит одновременно, и его исчезновении в самой информации. Если мы примем во внимание скорость света и время короткого замыкания чистой войны (наносекунды), мы заметим, что такого рода инволюция сталкивает нас именно с виртуальностью войны, а не с ее реальностью, сталкивает нас с ее отсутствием. Или же мы должны отменить саму скорость света?

Утопия реального времени делает событие одновременным в каждой точке земного шара. А то, что мы переживаем в режиме реального времени, это не событие в натуральную величину (точнее сказать, образ события в виртуальную величину), а созерцание разлагающегося события и вызывание его духа («спиритизм информации»: событие, ты здесь? Война в Заливе, ты здесь?) через комментарии и толкования в многословных телешоу говорящих голов, что лишь подчеркивает отсутствие какого-либо образа, подчеркивает невозможность образа, соответствующего нереальности этой войны. Это все та же апория⁴¹ *cinéma-vérité*⁴², которое стремилось обойти, закоротить нереальность изображения, чтобы заставить нас поверить в достоверность [*vérité*] объекта. CNN также стремится стать стетоскопом, приложенным к самому сердцу войны, к сердцу гипотетической войны, чтобы заставить нас поверить в ее ги-

потетический пульс. Но это выслушивание не дает ничего, кроме неясной эхографии, по которой невозможно определить симптомы, что и приводит к расплывчатым и противоречивым диагнозам. Единственное, на что мы можем надеяться, это увидеть смерть в прямом эфире (метафорически, конечно), иными словами, событие, как оно есть, должно дезорганизовывать, разрушать информацию, вместо того чтобы она искусственно измышляла его и истолковывала. Вот единственно возможная информационная революция, которая означала бы полный переворот нашего понимания информации, но она вряд ли произойдет в ближайшем будущем. А до тех пор будет продолжаться инволюция и окаменение события в информации, и чем ближе мы будем к реальному времени и прямому эфиру, тем дальше мы продвинемся в этом направлении.

Такая же иллюзия прогресса была в момент появления в фильме звука, а затем цвета, с каждым из этапов этого развития мы все больше отдалялись от интенсивной имажинерии⁴³ образа. Чем больше, как нам кажется, мы приближаемся к реальности (или достоверности), тем больше от нее мы отдаляемся, потому что ее не существует. Чем больше мы приближаемся к реальному времени события, тем больше мы впадаем в иллюзию виртуальности. Упаси нас Бог от иллюзии войны.

При определенной скорости, а именно при скорости света, исчезает даже тень. При определенной скорости, а именно при скорости информации, все теряет свой смысл. Велик риск констатировать (или опровергнуть) апокалипсис реального времени именно тогда, когда событие исчезает и становится черной дырой, из которой свет уже не может вырваться. Война имплозирует в реальном времени, история имплозирует в реальном времени, всякая коммуникация и сигнификация имплозируют в реальном времени. Сам апокалипсис, понимаемый как приход катастрофы, маловероятен. Он падает жертвой пророческой иллюзии. Мир недостаточно когерентный⁴⁴, чтобы привести нас к апокалипсису.

Тем не менее, обмениваясь мыслями по поводу этой войны с Полем Вирильо, мы, несмотря на диаметрально противоположность наших мнений (один из нас ставит на апокалиптическую эскалацию, а другой — на систему апотропии и бесконечную виртуализацию войны), пришли к выводу, что эта война решительно странная и развивается в обоих этих направлениях одновременно. Так же как неизбежна программируемая эскалация войны, неизбежно и ее не-бытие — войну закоротило между двумя крайностями: интенсификацией и апотропией. Одновременно война и не-война, ее развертывание и саспенс, с равной вероятностью как снижения напряженности, так и ее крайнего нарастания.

Самое удивительное, что обе гипотезы — апокалипсис реального времени и чистая война, в которой виртуальное торжествует над реальным, — находят свое одновременное подтверждение, в одном и том же пространстве-времени, и неуклонно продолжают друг друга. Это означает, что пространство события превратилось в гиперпространство многократного преломления, а пространство войны однозначно стало неевклидовым. И вероятно, эта ситуация останется без решения, а мы остаемся в неразрешимости войны, неразрешимости, вызванной буйством фантазии двух противоположных точек зрения.

Мягкая война и чистая война совсем заврались⁴⁵.

В источаемой радиоволнами микро[фонной] панике есть доля общественного согласия и благоволения. В силу своего рода аффективного, умиленного патриотизма публика в глубине души согласна быть слегка напуганной, чуть-чуть затерроризированной всякими бактериологическими угрозами, сохраняя при этом полное безразличие к войне. Но это равнодушие осуждается: мы не должны устраниваться с мировой арены, напротив, следует мобилизоваться, хотя бы в качестве статистов, чтобы спасти войну, однако мало у кого есть желание подменить ее страсть своей. То же самое происходит сегодня и с участием в политической жизни: оно в значительной мере вторично и осу-

ществляется на фоне спонтанного безразличия. Это как с верой в Бога: даже когда мы больше не верим, мы продолжаем верить в то, что мы верим. Те, кто своей истерикой старается подменить страсть войны, сразу же становятся на виду, они активны и пользуются поддержкой большинства. А те, кто выдвигает гипотезу глубокого безразличия, в меньшинстве и воспринимаются как предатели.

Усилиями медиа эта война высвобождает возрастающую по экспоненте массу глупости, и это не специфическая военная тупость, которой всегда предостаточно, а функциональная, профессиональная глупость тех, кто проповедует это событие в своих бесконечных комментариях: все эти продажные Бувары и Пекюше⁴⁶, неудачливые искатели потерянного образа, завсегдатаи эфира, мейстерзингеры⁴⁷ стратегии и информации, благодаря которым пустота телевидения ощущается, как никогда прежде. Эта война, надо сказать, представляет собой жестокое испытание. К счастью, никто не будет требовать от того или иного эксперта, генерала или интеллектуала на содержании объяснений нелепостей и абсурда, который они изрекли сегодня, потому что их затмят нелепости и абсурд дня завтрашнего. Вот так все и амнистируются благодаря сверхскоростной последовательности ложных событий и ложных обсуждений. Обеление глупости ее эскалацией, восстанавливающее неви-

новность, в некотором роде полную невинность промытых и выбеленных мозгов, отупевших не из-за насилия, а из-за ничтожности и ужасной невыразительности образов.

Жан-Пьер Шевенман⁴⁸ посреди пустыни: *Morituri te salutant!* [идущие на смерть приветствуют тебя] Абсурд. Франция со своими старыми «ягуарами» [самолеты] и президентским молчанием.

Генерал Бернар Капильон по телевизору: «Пользой, какую принесла нам эта война, стала возможность возвращения наших военных руководителей на телевидение». Страшно подумать, что в другие времена, на настоящей войне, они делали бы на поле боя.

Клубок противоречий [imbroglio]: так пацифистская демонстрация в Париже косвенно была за Саддама Хусейна, который хочет войны, и против французского правительства, которое ее не хочет и с самого начала дает понять, что если не откажется от нее, то согласится с большой неохотой.

Опустевшие магазины, прерванные отпуска, спад деловой активности, город вслед за массами не подает признаков жизни: вполне возможно, что эта война — паника наоборот, прекрасная возможность сбросить газ, притормозить, выпустить пар. Броуновское движение успокаивается, война заставляет забыть партизанщину повседневной жиз-

ни. Катарсис? Нет, зачистка территории. Или лучше сказать так: телевидение, приковывая к себе внимание, держит всех нас по домам и с помощью этого коллективного ступора в полной мере выполняет свою роль социального контроля; бессмысленно вертясь вокруг себя, словно дервиш, тем лучше оно фиксирует население, чем больше разочаровывает, совсем как плохой детектив, относительно которого мы никак не можем поверить, что он до такой степени плох [nul].

Ирак восстанавливается еще прежде, чем был разрушен. Послепродажное обслуживание. Подобная антиципация еще больше дискредитирует войну, которая и так не имеет недостатка в том, чем можно обескуражить даже тех, кто хотел в нее верить.

Порой доходит до черного юмора: эти двенадцать тысяч гробов, доставленных вместе с оружием и боеприпасами. И в этом случае американцы вновь продемонстрировали доказательство своей самоуверенности: их потери несоизмеримы с их прогнозами. Но Саддам бросил им вызов, заявив, что они не способны пожертвовать и десятью тысячами солдат ради войны, и американцы ответили на него, отправив двенадцать тысяч гробов.

Завышение ожидаемых потерь является частью той же мегаломанической иллюминации [акт божественного озарения], что и широкоразрекламированное развертывание операции «Щит пусты-

ни», и вакханалия бомбардировок. Пилотам уже даже не во что целиться. У иракцев недостаточно ложных целей (обманок), чтобы обеспечить ими бесконечные налеты. Ту же самую цель вынуждены бомбить по пять раз. Это издевательство.

Британская артиллерия ведет мощный огонь двадцать четыре часа. Там уже давно нечего уничтожать. Тогда почему так происходит? Для того чтобы «шумом канонады перекрыть шум танковых колонн,двигающихся к линии фронта»! Резонно, надо сохранить эффект неожиданности (и это 21 февраля). Самое интересное то, что там тогда никого уже не было, иракцы покинули это место. Это абсурд.

Саддам — наемник, американцы — миссионеры. Но как только наемник побежден, эти миссионеры де-факто становятся наемниками всего мира. Однако ценой за то, чтобы стать идеальным наемником, является избавление от всякой политической воли и всякого политического разума. Американцы не могут избежать этого: если они хотят быть полицейским для всего земного шара и Нового Мирового Порядка, они должны лишиться всякой политической власти [autorité] исключительно в пользу своих оперативных возможностей. Тогда они становятся просто исполнителями, а все остальные — просто статистами Нового Мирового Порядка, основанного на взаимном согласии и полицейском управлении.

Тот, кого сочтут диктатором, должен быть уничтожен, любые карательные действия сами по себе оказывают наиболее устрашающий эффект. Переняв израильский стиль, американцы отныне будут экспортировать его повсюду и, так же как израильтяне, замкнутся в спирали безусловной репрессии.

Для американцев не существует врага как такового. *Nothing personal*. Ваша война меня совсем не интересует, ваше сопротивление меня совсем не интересует. Мы уничтожим вас, когда сочтем это нужным. Они отказываются от переговоров, тогда как Саддам торгуется за свою войну, набивая цену только для того, чтобы затем ее опустить, то наседавая, то вымогая, словно уличный торговец, пытающийся всучить свой товар. Американцы ничего не понимают во всей этой психодраме торга, они все это терпят раз за разом, а затем, с уязвленной гордостью западного человека, ожесточаются и силой навязывают свои условия. Они ничего не понимают в этой зыбкой дуэли, в этой схватке, в мгновениях которой разыгрываются честь и бесчестие друг друга, они понимают лишь силу, и они уверены в своей добродетели. Если другие желают бросить вызов, играть и прибегать к хитростям, американцы с ощущением морального превосходства используют всю свою мощь. На все уловки Другого они ответят своим пуленепробиваемым характером и бронированными машинами. У них нет времени на обмен, на то, чтобы поторговаться.

В то время как для Другого, даже если он знает, что уступит, очень важно сделать это церемониально, с соблюдением формальностей. Он должен быть признан участником диалога — в этом весь смысл обмена и торга. Он должен быть признан врагом — в этом весь смысл войны. Для американцев торг и переговоры не имеют никакой ценности, тогда как для Других — это дело чести, личное (взаимное) признание, речевая стратегия (язык существует, и мы должны отдавать ему должное) и соблюдение темпа (спор требует ритма, это цена присутствия Другого). Американцев не волнуют все эти элементарные тонкости. Им еще многое предстоит узнать о символическом обмене.

Зато с экономической точки зрения они в выигрыше. Они не тратили время на дискуссии, не подвергались психологическому риску, связанному с участием в поединке с Другим; это выглядит как доказательство того, что темпа не существует, что Другого не существует, а единственное, что имеет значение, — это модель и мастерство управления ею.

С военной точки зрения решение затягивать эту войну, как они это делают (вместо того, чтобы применить израильское решение и немедленно использовать дисбаланс сил, пресекая тем самым любые ответные действия), представляет собой неуклюжее и бесславное решение, чреватое негативными последствиями (популярность Саддама среди араб-

ских масс). Но тем самым американцы добиваются саспенса, растягивают время, чтобы представить себе и всему миру зрелище своей виртуальной мощи. Они позволят этой войне продолжаться столько, сколько необходимо, но не для того, чтобы ее выиграть, а для того, чтобы убедить весь мир в непогрешимости своей (военной) машины.

Итак, победа модели важнее, чем победа на поле боя. Военный успех увековечивает торжество вооружения, но успех программирования увековечивает поражение времени⁴⁹. Цифровая обработка войны [war-processing], транспарентность модели в ходе развертывания войны, стратегия неизбежного выполнения программы, электрокуция⁵⁰ всякой живой реакции и всякой живой инициативы, включая собственную, — все это важнее с точки зрения системы всеобщей апотропии (как друзей, так и врагов), чем конечный результат на поле боя. Чистая война, выхолощенная война, запрограммированная война — более смертоносная, чем та, в жертву которой приносятся человеческие жизни.

Мы далеки от всеобщего уничтожения, холокоста или атомного апокалипсиса; тотальная война существует лишь в качестве архаичной воображаемой медиаистерии. Напротив, война такого вида, как эта — превентивная, устрашающая, карательная, — предупреждение всем: не впадайте в крайности и мерьте себя той же мерой, что и других

(комплекс миссионера); по правилам этой игры каждый должен не показывать всей своей силы и не вести войну всеми имеющимися средствами. Сила должна оставаться виртуальной и назидательной, добродетельной, так сказать. Первый опыт такого рода регулирования в планетарном масштабе является очень важным тестом. Так же как богатство измеряется не показной роскошью, а тайной циркуляцией спекулятивного капитала, так и война измеряется не степенью накала, а ее спекулятивным развертыванием в абстрактном, электронном информационном пространстве, том самом, где происходит и движение капитала.

Хотя подобная конъюнктура и не исключает всякую случайность (дерегуляция виртуального), однако вероятность прорыва, доведения до крайности, накала ожесточенности с обеих сторон, называемого войной, становится все слабее.

Саддам — истерик. Мастер постоянно всем гадить. Истерик неистребим: он возрождается из своих симптомов, как из пепла. Столкнувшись с истериком, другой становится параноиком, он развертывает мощный механизм защиты и недоверия. Он подозревает истерика в недобросовестности, хитрости и лицемерии. Он хочет принудить его к правде и транспарентности. Истерик неисправим. Использование уловок и несоблюдение договоренностей — в этом его сущность. Столкнувшись с такого рода распутством и двуличием, непреклон-

ность и маниакальность параноика могут лишь только усилиться. Самым жестоким упреком Буша в адрес Саддама Хуссейна было обвинение того в том, что он лгун, предатель, плохой игрок и мошенник. Lying son of a bitch! [Лживый сукин сын!] Саддам, как настоящая истеричка, никогда не собирался рожать свою войну, для него это была всего лишь ложная беременность. Напротив, ему до сих пор удавалось мешать Бушу родить свою. А с помощью Горбачева ему почти удалось основательно надуть⁵¹ американцев. Но истерик не склонен к суициду, это выгодная сторона Саддама. Он не есть ни безумец, ни самоубийца. А может попытаться его вылечить с помощью гипноза?

Иракцев и американцев объединяет, по крайней мере, одно: преступление, которое они совершили сообща (а с ними и весь Запад). Много в этой войне объясняется предыдущим злодеянием, относительно которого каждый считал, что останется безнаказанным, но в итоге тайное желание искупления которого питает войну в Заливе со всей ее неразберихой и жадой сведения счетов. Об этом предыдущем эпизоде предпочитают не говорить — настолько все (даже иранцы) согласились о нем забыть: о войне против Ирана. Саддам должен был отомстить за то, что он не смог победить, даже будучи агрессором, уверенным в своей безнаказанности. Он должен был отомстить Западу, который его в это вовлек, а американцы, со своей стороны,

должны были устранить неудобного соучастника этого вероломства.

Для любого правителя или деспота власть над своим собственным народом — превыше всего. В случае войны в Заливе это единственный шанс на разрешение или деэскалацию конфликта. Саддам предпочтет скорее уступить, чем уничтожить свою внутреннюю гегемонию, пожертвовать своей армией и т. д. В этом смысле перелет его авиации в Иран⁵² является скорее хорошим знаком: это не признак агрессии, а уловка налетчика, который прячет свою добычу, чтобы вернуть, когда выйдет из тюрьмы, а следовательно, это довод против каких-либо героических или самоубийственных намерений.

Тогда как одна часть интеллектуалов и политиков, специалистов в области мысленных оговорок⁵³ за войну, хоть и скрепя сердце, а другая часть от всего сердца против, но также по причинам весьма смутным, все сходятся в одном: эта война существует, мы с ней столкнулись. И ни у кого не возникает вопросов относительно самого события и его реальности, относительно жульнического характера этой войны, запрограммированной иллюзии вечно откладывающейся битвы, вопросов об интриге этой войны, искусственно раздутой благодаря информации, не говоря уже о невероятной вакханалии средств, систематической манипуляции данными, искусственной драматизации... Если

у нас нет практического понимания войны (а его нет ни у кого), давайте будем иметь хотя бы скептическое, не отказываясь при этом от патетического ощущения ее абсурдности.

Однако есть несколько видов абсурда: абсурд кровопролития и абсурд того, чтобы поддаться иллюзии кровопролития. Это как в басне Лафонтена: когда разразится настоящая война, вы даже не заметите разницы. Истинная победа программного моделирования войны состоит в том, что всех нас удалось втянуть в эту опасную симуляцию.

ВОЙНЫ В ЗАЛИВЕ НЕ БЫЛО

Поскольку исход этой войны был предрешен заранее, мы никогда не узнаем, как бы она выглядела, если бы она произошла на самом деле. Мы никогда не узнаем, как выглядели бы принимающие в ней участие иракцы, если бы имели шанс победить. Мы никогда не узнаем, как выглядели бы принимающие в ней участие американцы, если бы имели шанс проиграть. Но мы узнали лишь, как выглядит сверхсовременный метод электрокуции, парализации, лоботомии, испытанный на подопытном противнике вне поля боя и без возможности реакции с его стороны. Но это не война. И даже 10 000 тонн бомб ежедневно не доста-

точно, чтобы сделать ее войной. И даже прямой трансляции по CNN, информации в реальном времени не достаточно, чтобы установить подлинность войны. Вспоминается фильм «Козерог один»⁵⁴, в котором полет пилотируемого корабля на Марс транслировался в прямом эфире всеми телекомпаниями мира, но на самом деле его никогда не было и все происходило на студии в глухой пустыне.

Мы говорили о хирургической войне, и действительно есть что-то общее между этим поражением противника *in vitro* [в пробирке] и экстракорпоральным оплодотворением — в результате последнего также возникает живое существо, но этого недостаточно, чтобы оно превратилось в ребенка. Как ребенок, кроме как при Новом Генетическом Порядке, возникает в результате половой связи, так и война, кроме как при Новом Мировом Порядке, возникает в результате антагонистической, разрушительной, но взаимной связи между двумя противниками. Эта война является асексуальной хирургической войной, это цифровая обработка войны [war-processing], где враг фигурирует только лишь в виде цели на экране компьютера, так же как сексуальные партнеры фигурируют только лишь в виде никнеймов на экране Minitel rose [прообраз сайта знакомств и видеочата]. Если подобное общение можно назвать сексом, то и войну в Заливе можно назвать войной.

Иракцы взрывают гражданские объекты, чтобы убедить всех, что это грязная война. Американцы манипулируют спутниковой информацией, чтобы убедить всех, что это чистая война. Все это — иллюзия реальности. Последний трюк иракцев: тайно покинуть Кувейт, чтобы крупное наступление выглядело как посмешище. Вполне возможно, что потом окажется, что даже Республиканская гвардия⁵⁵ также была всего лишь фата-морганой, во всяком случае, в качестве таковой она до сих пор и использовалась. Но все это не более чем военные хитрости [stratagème], а война заканчивается всеобщей скукой и даже хуже — ощущением, что вас надули. Иракское бахвальство, американский фарс. Как будто какой-то вирус с самого начала проник в эту войну и уничтожил все ее правдоподобие. Быть может, поэтому оба противника так и не встретили друг друга лицом к лицу: первый — потерявшись в своей виртуальной войне, заранее обреченный на победу, второй — окопавшись в своей традиционной войне, заранее обреченный на поражение. Они ведь даже не переглянулись: когда американцы наконец-то появились из-за своей огневой завесы, иракцы уже скрылись за своей дымовой завесой⁵⁶...

Общее впечатление такое, что все это было шуткой, которую мы даже не успели оценить. Единственная эскалация — это эскалация обмана и обманок, которая открывает финал эпохи великих

противостояний, постепенно исчезающих во мгле. События в Восточной Европе все еще производили впечатление неожиданного сюрприза. В Заливе же не было ничего подобного, словно событие заранее уничтожил какой-то вирус-паразит, ретро-вирус истории. Вот почему и возникло само предположение, что этой войны не будет. И вот теперь, когда она закончилась, можно окончательно убедиться, что ее не было.

Слишком долго она была погребена в бетонных и пустынных иракских бункерах, американской электронной небесной тверди, в многословии телеэкранов, что также является еще одной формой захоронения. Сегодня все стремится поглубже зарыться в землю, включая информацию с ее подземными дата-центрами. Даже война закопалась для того, чтобы уцелеть. На арене этой войны, которую представляет собой Залив, все скрывают: самолеты прячут, танки зарывают в песок, Израиль залегает на дно, кадры съемок вырезаются, вся информация сгинула в песках — и только как медиум без меседжа неустанно работает телевизор, представляя наконец-то образ чистого телевидения.

Словно напуганное животное, война зарывается в нору. Она прячется в песке, она прячется в небе. Как и зарытая иракская авиация, она знает, что у нее нет никаких шансов, если она окажется на поверхности. И она ждет своего часа... который никогда не придет.

Сами американцы являются распространителями этой каталепсии. Несомненно, что война выпала из их плана, из его запрограммированного развертывания. Несомненно, что иракцы вступили в войну в их запрограммированной войне. Несомненно, что Другой выпал из их компьютеров. Всякая реакция, даже с их стороны (мы видели это в эпизоде с пленными, который должен был повлечь немедленную реакцию), всякое действие вопреки программе, всякая импровизация были отменены (и даже израильтянам заткнули рот). То, что тестируется здесь, через это лишение прав врага, через это экспериментальное лишение свободы войны, так это будущая работоспособность для всей планеты подобного способа удушающего, машинного, виртуального и неизбежного в своем развертывании достижения цели. В такой перспективе война просто не могла произойти. Нет больше места для войны, как и для какой-либо иной формы ее существования.

Война, лишенная своей страсти, своих фантазмов, своего показного блеска, без флера, без насилия, без образа; война, разоблаченная своими же специалистами, а затем с помощью всевозможных ухищрений электроники заново покрытая технологиями, словно второй кожей. Но это тоже своего рода обманка, ловушка, которую технология расставляет сама перед собой. Обманки Саддама Хусейна все еще были предназначены для того, чтобы

ввести противника в заблуждение, тогда как американцы своими технологическими уловками обманывают лишь самих себя. Первые дни стремительного наступления, когда эта технологическая мистификация просто зашкаливала, останутся одним из самых невероятных надувательств, одной из самых невероятных коллективных иллюзий в новейшей истории (вместе с событиями в Тимишоаре). И надо сказать, что все мы (со)участники этой фантазмагии, так же как и любой рекламной кампании. Когда-то безработные представляли собой резервную армию Капитала, сегодня, вследствие нашего порабощения информацией, все мы представляем собой резервную армию всевозможных глобальных мистификаций.

Саддам выстроил (сознательно или нет) всю свою войну в качестве обманки, в том числе обманки поражения, которое больше походит на истерический обморок, вроде детской игры: ку-ку, меня тут нет! Но и американцы также выстроили свою операцию как иллюзию, как параболическое зеркало их собственной мощи, безотносительно того, что было напротив, а напротив им привиделась угроза, сопоставимая с их собственными размерами, иначе они не смогли бы даже поверить в свою собственную победу. Сама их победа в виде триумфа иллюзии представляет собой отражение иракской иллюзии поражения. В конечном счете, эти двое были в сговоре, как воры на ярмарке, а

мы все вместе дали им себя обмануть. Вот почему эта война так и осталась непостижимой и неопределимой, потому что всякая стратегия уступила место стратагеме [военной хитрости].

Из двух противников один — торговец коврами, другой — торговец оружием, у них нет ни общей логики, ни общей стратегии, хотя они оба — жулики. Между ними нет достаточной коммуникации, чтобы вести войну друг против друга. Саддам вообще никогда не будет сражаться, а американцы вечно будут сражаться лишь с вымышленным двойником на экране. Ведь они видят Саддама таким, каким он должен бы быть, современным героем, достойным того, чтобы его победить (четвертая по численности армия в мире!). Но Саддам остается торговцем коврами, и он принимает американцев за других торговцев коврами, более сильных, чем он, но менее хитрых. Он даже не подозревает об апотропии. Ведь для того, чтобы такого рода система сдерживания путем устрашения могла функционировать, должна происходить коммуникация. Апотропия — это игра рациональной стратегии, которая предполагает коммуникацию в реальном времени между двумя противниками, тогда как в этой войне никогда, ни разу коммуникации не было, был лишь временной лаг, Саддам маневрировал в медленном времени шантажа, затягивания, заведомой лжи и уступок — это возвращающееся время «Тысячи и одной ночи»,

полная противоположность реальному времени. Также апотропия предполагает виртуальную эскалацию между двумя противниками. В противоположность этому вся стратегия Саддама основана на деэскалации (установить максимальную цену, чтобы потом постепенно ее сбавить). И соответственно, развязки у них получаются совершенно разные. Неудачный торг завершается отступлением: торговец сворачивает свой ковер и уходит. Так и Саддам скрылся без лишних церемоний. Неудавшееся запугивание завершается применением силы, так и поступили американцы. Опять же, никакой связи между ними, каждый играет на своем поле и в отсутствие другого. Нельзя даже сказать, что американцы победили Саддама: он устранился, произвел деэскалацию, а они не смогли довести эскалацию до такой степени, чтобы его уничтожить.

Наконец, кто бы еще другой мог оказать всем столько услуг так быстро и так дешево, если не Саддам Хусейн? Он способствовал росту безопасности Израиля (спад интифады, нарастание международного общественного мнения в пользу Израиля), укрепил славу американского оружия, дал политический шанс Горбачеву, открыл двери Ирану и шиитам, реанимировал ООН и т. д., и все это даром, потому что он сам заплатил за это цену крови⁵⁷. Можно ли представить себе более достойного восхищения человека? И он даже не низвергнут!

Он остается героем для арабских масс. Все происходит так, как если бы он был агентом ЦРУ, замаскированным под Саладина⁵⁸.

Не поддаваться правдоподобию любой информации, любого образа, какими бы они ни были. Быть виртуальнее, чем сами события, не пытаться восстановить истину, у нас нет для этого никаких средств, но не давать себя обмануть, а для этого погрузить в виртуальность, откуда они и происходят, войну и всю информацию. Обернуть систему апотропии против самой себя. Быть метеочувствительными к глупости и вранью, как к плохой погоде.

Что касается этой войны, то это яркая иллюстрация неумолимой логики, которая просто не позволяет нам рассматривать иные гипотезы, кроме гипотезы реальности этого события. Это реалистическая логика, которая живет иллюзией конечного результата. Опровержение фактов к ней никогда не относится. Окончательное решение такого сложного уравнения, как война, никогда не опирается на очевидность войны. Это вопрос улавливания логики ее развертывания без каких-либо иллюзий пророчества. Быть за или против войны — это глупо, если хоть на мгновение мы не подвергаем сомнению само правдоподобие этой войны, ее достоверность, степень ее реальности. Всевозможные политические и идеологические спекуляции лишь усиливают ментальную апотропию (глу-

пость). Своим немедленным согласием с ее очевидностью они лишь только питают нереальность этой войны и лишь только усиливают этот блеф своим неосознанным обманом.

Настоящими поджигателями войны являются те, кто пребывает в идеологии подлинности этой войны, тогда как сама война оказывает свои губительные последствия на другом уровне посредством фальсификации, гиперреальности, симулякра и всей той стратегии ментальной апотропии, которая осуществляется на уровне как фактов, так и образов антиципацией реального через виртуальное, а события — через виртуальное время, в неизбежной путанице того и другого. Все те, кто даже не подозревает об этом, невольно усиливают тот ореол обмана, который окружает нас со всех сторон.

Иракцы словно были подвергнуты лоботомии и электрокуции током, проведенным журналистами от телевидения, и в неподвижности застыли возле своих танков, даже не деморализованные, а дещеребрализованные, скорее пораженные, чем побежденные, — можно ли это назвать войной? Сегодня еще можно увидеть клочья этой войны, тлеющие в пустыне, точно как клочья карты из рассказа Борхеса⁵⁹, тлеющие то здесь, то там на пространстве территории (более того, как ни странно, империя из этого рассказа располагалась как раз где-то на востоке).

Фальшивая война, вводящая в заблуждение, даже не иллюзия — дезиллюзия⁶⁰ войны, связанная не только с военной расчетливостью, которая производит уродливую профилактику этой военной машины, но также и с ментальной дезиллюзией самих воюющих и глобальным разочарованием всех остальных, которое принесла информация. Потому что апотропия является тотальной машиной (она и есть настоящая военная машина) и происходит не только в сердце события, там, где информационное обеспечение⁶¹ войны поглотило пространство и время, где виртуальность (обманки, программирование, антиципация исхода), подобно вакуумной бомбе, поглотила весь кислород, всю энергию войны, — апотропия происходит также и в наших головах. Основная функция информации — введение в заблуждение. Не суть важно, о чем нас она «информирует», не суть важно, насколько она «охватывает» события, потому что главное сам охват: то, к чему она стремится, всеобщее согласие [consensus] в результате смерти мозга. Дополнением к безусловности симулякров на поля боя является приучение всех нас к безусловному восприятию симулякров в эфире. Нужно исключить всякую возможность понимания события. Результатом этого является душная атмосфера надувательства и оупения. А если люди смутно осознают, что стали жертвой этого умиротворения и дезиллюзии образов, они продолжают терпеть

это надувательство и оставаться в плену очевидности монтажа этой войны, очевидности, которую внушают нам всеми способами: через глаза, уши, слова [discours].

Вот ироничный учет, который помогает смягчить шок или, скорее, блеф этой войны. Простой подсчет показывает, что из 500 000 американских солдат, которые в течение семи месяцев принимали участие в вооруженных операциях в Заливе, втрое больше могли бы потерять жизнь только в ДТП, если бы остались дома. Может быть, стоит рассмотреть вопрос об увеличении количества чистых войн, чтобы сократить число жертв в мирное время?

На таком основании можно было бы развить философию перверсивных⁶² последствий, относительно которых мы склонны считать, что они всегда пагубны, тогда как в действительности пагубные причины (войны, болезни, кризисы) очень часто влекут за собой благотворные перверсивные последствия. Они хоть и перверсивные, но более интересные, чем многие другие, в частности, потому, что они принципиально никогда не были объектом изучения. За исключением, конечно, Мандевиля и его «Басни о пчелах»⁶³, где он доказывает, что каждое общество процветает как целое именно благодаря порокам отдельных индивидов. Но ход вещей все больше и больше отдаляет нас от такого рода их понимания.

Например, апотропия сама по себе. Она реально функционирует лишь при равных условиях. В идеале каждая из сторон должна располагать одинаковым вооружением, прежде чем согласиться на то, чтобы отказаться от его применения. Поэтому само распространение вооружения (атомного) только и может гарантировать эффективность глобальной системы сдерживания путем устрашения и оттянуть войну до бесконечности. Нынешняя политика нераспространения играет с огнем: всегда будет достаточно безумцев, готовых бросить архаичный вызов по эту сторону ответного атомного удара, о чем свидетельствует пример Саддама. Раз дело обстоит таким образом, мы должны уповать скорее на распространение вооружения, чем на (никогда не соблюдаемое) его ограничение. И в этом случае следовало бы принять во внимание, какие благотворные перверсивные последствия может принести распространение. Нужно стремиться к эскалации виртуального (уничтожения), чтобы добиться деэскалации в реальном мире. В этом заключается парадокс апотропии. Так же как в случае информации, культуры или любых иных материальных и духовных благ: только лишь их изобилие вызывает к ним безразличие и нейтрализует их негативные перверсивные последствия. Как в той басне: чтобы обеспечить общественное благо, нужно умножать частные пороки.

Исходя из вышесказанного, последствия того, чего не было, могут быть столь же существенными, как последствия реального исторического события. Гипотезу можно сформулировать так: в случае войны в Заливе, так же как и в случае событий в Восточной Европе, мы уже больше не имеем дело с «историческими событиями», но с местами крушений. Восточная Европа — место крушения коммунизма, построение которого представляло собой реальное историческое событие, основанное на утопическом мировоззрении, в то время как его крушение основано ни на чем и ничего не основывает, ведя лишь к пустынной свалке, образовавшейся в результате отступления истории и тотчас заваленной всяким историческим хламом.

Война в Заливе также является местом крушения — эта виртуальная и скрупулезная операция, где вооруженная конфронтация внезапно обрывается и где ни одна политическая сила не может доказать свою состоятельность, оставляет такое же впечатление не-бытия. Крушение Ирака и смятение арабского мира — как следствие столкновения, которого не было и которое, вероятно, никогда не произойдет. Однако такого рода победа в этой невойне означает также крушение западной политики на всем Ближнем Востоке, неспособной даже избавиться от Саддама и изобрести или навязать что-либо еще, кроме этого пустынно-полицейского порядка, называемого новым мировым.

Как следствие этого не-бытия и как живое доказательство слабости [débilitéé] западной политики, Саддам по-прежнему существует, и он снова стал тем, кем всегда был, — наемником Запада. Он заслужил взыскание за то, что посмел забыть свое место, но при этом заслужил и право продолжать травить газами курдов и шиитов, поскольку ему хватило такта не использовать это оружие против «собак с Запада», а также заслужил право сохранить свою Республиканскую гвардию, поскольку ему хватило ума не пожертвовать ее в бою. Чудесным образом (а мы-то думали, что она уничтожена) Республиканская гвардия вновь проявляет всю свою доблесть в борьбе против мятежников. Впрочем, это в духе Саддама проявлять свою воинственность и свою свирепость исключительно против своих внутренних врагов — для него, как и для любого настоящего диктатора, конечная цель политики, тщательно завуалированная в других странах эффектами демократии, состоит в том, чтобы сохранить контроль над собственным народом всеми возможными способами, вплоть до террора. Эта особенность, обнажающая суть политики и вместе с тем представляющая собой алиби для демократии, воплощается в диктатурах и, несомненно, объясняет необъяснимую слабость великих держав по отношению к ним. Саддам ликвидирует коммунистов — Москва заигрывает с ним даже еще охотнее; травит газами курдов —

никто не заикается против этого; устраняет религиозных лидеров — и весь ислам примиряется с ним. Откуда такая безнаказанность? Почему мы довольствуемся нанесенным ему идеальным подобием военного поражения в обмен на идеальное подобие победы американцев? Это позорное возвращение к власти Саддама, после того как он отбыл номер клоуна во главе священной войны, ясно показывает согласие с обеих сторон относительно того, что войны на самом деле не было. И даже последняя фаза этой вооруженной мистификации ничего не меняет, потому что 100 000 мертвых иракцев стали не чем иным, как ценой крови, оставленным залогом, последней обманкой, которой пожертвовал Саддам в соответствии с рассчитанной эквивалентностью для того, чтобы сохранить свою власть. Хуже всего, что эти мертвые, кроме того, служат в качестве алиби для тех, кто не считает, что их подстрекали и обманывали на пустом месте: лишь мертвые могли бы доказать, что эта война все-таки была войной, а не постыдным и никчемным надувательством, запрограммированной и мелодраматизированной версией того, что некогда было драмой войны (еще Маркс говорил об этой второй, мелодраматичной версии первоначального события). Однако можно быть уверенным, что следующая такого рода мыльная опера [mélo] будет принята с еще большей доверчивостью, некритической и беззаботной.

Какую же работу проделал Саддам для американцев, начиная с его борьбы с Ираном и до этого разгрома, выполненного, что называется, под ключ! Тем не менее все не так неоднозначно, потому что такого рода крушение лишает американскую мощь всякой демонстративной доблести (ценности), а всех остальных — веры в западную идеологию модернизации, демократизации и секуляризации, воплощением которой в арабском мире был Саддам.

Совершенно очевидно, что Запад возмечтал об исламской перестройке по абсолютно новой модели, реализованной в Восточной Европе, — о демократии, неудержимо водворяющейся в странах, побежденных силами Добра. Арабские страны будут освобождены (народы не могут не хотеть освободиться), а женщины Саудовской Аравии будут иметь право на управление (транспортными средствами). Увы! Это совсем не так. Победить не значит убедить, и побежденные, растворившись в песках, оставляют победителям лишь горький привкус нереальности победы, выполненной на заказ. Поражение также дает возможность повысить ставку, а затем удвоить ее, последовательность ходов никогда не прекращается. Конечный результат непредсказуем, и уж конечно нельзя рассматривать его в категориях свободы.

В этой войне не было места какой-либо случайности, все разворачивалось согласно запрограм-

мированному распорядку, бесстрашно и бесперебойно. Не случилось ничего, что могло бы превратить все это в поединок.

Даже статус жертв с обеих сторон может быть поставлен под сомнение. Минимальные потери коалиции представляют собой серьезную проблему, которая не возникала ни в одной из предыдущих войн. Ничтожное количество жертв можно лишь приветствовать, но это не мешает ему оставаться ничтожным. Как ни странно, но война без жертв перестает казаться настоящей войной, она скорее представляется прообразом экспериментальной вычищенной войны, еще более бесчеловечной — потому, что без человеческих потерь. Нет героев и с другой стороны, где смерть настигла в основном принесенных в жертву статистов, оставленных в качестве прикрытия в окопах Кувейта, или штатских, послуживших в качестве наживки и мучеников «грязной войны». Пропавшие без вести, брошенные на произвол судьбы в полной неразберихе войны и при полном презрении своего вождя, лишены даже коллективной славы, которую могла бы обеспечить им их численность (неизвестно даже, сколько их было).

«Пропавший», наряду с заложником и раскаявшимся, стал характерной фигурой в нашем политическом универсуме. Прежде были жертвы и предатели, теперь только пропавшие и раскаявшиеся, и все чистенькие. Даже трупы теперь зачищают.

«Они уже были похоронены, мы не можем их считать», — заявляет генерал Шварцкопф⁶⁴. В Тимишоаре их было слишком много, тут их как бы нет совсем, но это суть одно и то же. Не-желание знать является частью не-войны. Ложь и позор проявились в ходе всей этой войны, словно передаваемые (половым путем) болезни.

Вычищенная война. Так же как Кувейт и Ирак восстанавливали еще прежде, чем они были разрушены, в каждой фазе этой войны все происходило так, как будто все уже было закончено виртуально. За неимением лучшего стимулировали угрозой химической войны, кровопролитной войны, мировой войны — каждый мог выбрать на свой вкус, словно боясь увидеть висячий вялый член войны: было необходимо всех напугать и держать в состоянии возбуждения [érection]. Эта бесполезная (половая) стимуляция была наслаждением всех телеканалов. Обычно такое поведение осуждается как напыщенная и пустая театральная аффектация — почему бы не осудить все событие в целом, если оно подвергнуто такой же истерии?

Во многих отношениях эта война была такого же рода скандалом, как события в Тимишоаре. Не столько война сама по себе, сколько манипуляция сознанием, шантаж возможным сценарием — наихудшим скандалом была потребность в коллективном оболванивании, в содействии каждого этой войне, содействии в искажении реальности и

транспарентности этой войны. Можно говорить чуть ли не о медийном домогательстве, наподобие сексуального. Увы! Проблема всегда одна и та же, и она остается неразрешимой: где начинается реальное насилие и где заканчивается насилие по обоюдному согласию? Блеф и информация служат афродизиак⁶⁵ для войны, так же как трупы в Ти-мишоаре с их многократным показом по всем мировым телеканалам послужили афродизиак⁶⁵ для румынской революции.

Однако, в конце концов, что мы имеем против афродизиак⁶⁵? Ничего, если благодаря им мы получаем оргазм. И вот медиамикстура стала необходимым условием для любого событийного оргазма. И необходима она именно потому, что нам не хватает события, потому что нам не хватает убеждения. У нас есть настоящая потребность в симуляции, пусть даже и симуляции войны, более насущная, чем потребность в молоке, сладостях или свободе, и у нас есть непосредственная интуиция, каким образом это можно получить. И это тоже фундаментальные достижения нашей демократии: функция образа, функция шантажа, функция информации, функция спекуляции. Обсценная функция афродизиака — как приманка события, приманка войны. Функция наркотика.

У нас нет потребности в реальной войне, а к реальной драме у нас нет вкуса. То, что нам нужно, это афродизиачный аромат умножения лжи,

галлюцинации насилия, потому что ото всего мы получаем лишь галлюциногенное наслаждение, которое, как и в случае с наркотиками, является наслаждением нашего безразличия и нашей безответственности, а следовательно, и нашей истинной свободой. Это и есть высшая форма демократии. Наслаждение, черпаемое из ментальной спекуляции образами, эквивалентной спекуляции капитала в краткосрочных биржевых сделках или спекуляции грудой трупов в Тимишоаре, — через такое наслаждение и формируется наш окончательный уход от реальности. Однако, в конце концов, что мы имеем против наркотиков?

Ничего. За исключением того, что коллективная дезиллюзия становится ужасной, когда иллюзии заканчиваются — например, когда вскрывается правда о трупах в Тимишоаре или когда становится известно об ухищрениях этой войны. Сегодня скандал заключается уже не в нарушении моральных ценностей, а в нарушении принципа реальности. Серьезнейший скандал в эпизоде с Тимишоарой, заразивший с тех пор всю сферу информации комплексом Тимишоара, заключается в принудительном фигурировании трупов, превращении их в статистов, отчего в тот же самый момент все, кто это видел и в это поверил, сами принудительно становятся статистами, трупами в массовом захоронении знаков информации. Мерзость заключается в злоупотреблении реальным, фальсифика-

ции события, расхищении войны. Что за пародия, что за издевательство это место немассового захоронения в Тимишоаре по сравнению с настоящими братскими могилами в истории человечества! Что за издевательство, что за надувательство, каким была война в Заливе, и это не попытка реабилитации других войн, а попытка использовать тот же пафос, тем более омерзительная, что у этой войны нет даже оправдания.

Самодовольство информации и средств массовой информации напоминает в этом случае политическую самоуверенность западной империи. Все эти журналисты, превозносящие себя как проводников универсального сознания, все эти телеведущие, превозносящие себя как стратегов, в то же время низвергают всех нас в поток бессмысленных образов. Эмоциональный шантаж при помощи массового уничтожения и массового надувательства. Вместо того чтобы разговаривать об уровне социальной толерантности к иммиграции, лучше бы поговорили об уровне умственной толерантности к информации. Относительно последнего можно точно сказать, что он явно зашкаливает.

Безумный спектакль войн, которые не происходят, — прозрачный ледник лжи, который не сходит. Все эти события, как в Восточной Европе, так и в Заливе, под видом освобождения или войны ведут лишь к исторической и политической дезил-

люзии (кажется, что то же самое произошло с пресловутой китайской культурной революцией: всякая более или менее согласованная стратегия внутренней дестабилизации прерывает спонтанность масс), постсинхронизированные⁶⁶ события, относительно которых никогда не было ощущения, что мы видим оригинальную версию. Плохие актеры, плохие дублеры, плохой стриптиз: на протяжении этих семи месяцев война развивалась как затяжной стриптиз, согласно рассчитанной эскалации обнажения и приближения к раскаленной точке взрыва (как в случае эротического излияния), вместе с тем оттягивая этот момент и поддерживая мнимый саспенс («поддразнивая») до такой степени, что, когда голое тело наконец-то появилось, его нагота уже никого не привлекла, желание пропало совсем и оргазм был прерван. То есть эскалацию нам вводили, словно через капельницу, в час по чайной ложке, все дольше и дольше оттягивая переход к действию. И, во всяком случае, эта война очень напоминает афоризм Ницше: «Мы больше не верим, что истина остается истиной, если с нее снять все покровы». Так же и с этой войной: мы больше не считаем, что война остается войной, когда нас убеждают отбросить все сомнения и представить, что военная операция была полностью открытой. Нагота войны столь же виртуальна, как нагота эротического тела во время стриптиза.

На высоких склонах курортного Куршевеля во время интенсивных бомбардировок через громкоговорители транслировались новости о войне в Заливе. Так, может быть, иракцы где-то там внизу, в своих пустынных бункерах, также имели право слушать сводки о состоянии снежного покрова на горнолыжных станциях в Куршевеле?

22 февраля был днем апокалипсиса: это был день, когда за огневой завесой началось сухопутное наступление, а у нас во Франции, вследствие какого-то черного юмора, это был день самых чудовищных снежных заторов на дорогах. В то время как колонны бронемашин двигались на штурм Кувейта, полчища автомашин двигались на штурм снежных равнин. При этом танки продвигались гораздо быстрее и беспрепятственнее, чем вал отдыхающих. А число жертв на снежном фронте превысило число убитых на военном. Неужели нам так не хватает смерти, даже во время войны, что мы вынуждены искать ее во время отдыха?

Застыв в пробке, всегда можно развлечься, слушая радиосообщения из Залива: время информации никогда не останавливается — чем медленнее мы движемся по дороге, тем быстрее информация циркулирует в эфире. Вот и одна молодая пара развлекалась, чередуя созерцание войны по телевизору с созерцанием своего еще не родившегося ребенка, снятого на видеокассету с помощью УЗИ в утробе матери. Когда война замирала, при-

сматривались к ребенку. То же состязание на уровне образов: война, прежде чем разразиться, ребенок, прежде чем родиться. Развлечения виртуальной эры.

Расправа Саддама над шиитами и курдами⁶⁷ под благосклонным взглядом американских дивизий, которые загадочным образом остановились в своем блистательном наступлении, «чтобы не унижить весь народ в целом», представляет собой кровавую аналогию разгрома Парижской коммуны в 1871 году под взглядом прусской армии. А доброты, которые в течение семи месяцев вопили, неважно, за или против войны, но всегда ради правового дела; те, кто клеймили заблуждения проиракской политики десять лет спустя, когда это было уже неактуально, — все эти мученики прав человека в очередной раз сидят набрав в рот воды. Мир воспринимает это как расплату за поражение, или, вернее, глядя с американской точки зрения, как расплату за победу. Те же американцы, после того как сбросили сотни тысяч тонн бомб, теперь заявляют, что воздерживаются от «вмешательства во внутренние дела государства».

Все-таки удивительно, что мы называем арабов и мусульман фундаменталистами и традиционалистами с таким же отвращением, с каким мы называем кого-то расистом, в то время как мы сами живем в типично традиционалистском [intégriste] обществе, хоть и загнивающим [désintégration]. Мы

не практикуем жесткий фундаменталистский традиционализм, мы практикуем мягкий, изоциренный и постыдный демократический традиционализм всеобщего согласия. Тем не менее этот консенсуальный традиционализм (фундаментализм Просвещения, прав человека, левизны власти, интеллектуального самобичевания и сентиментального гуманизма) столь же суров, как и любой религиозный фундаментализм или племенной традиционализм первобытных обществ.

Один традиционализм объявляет другой не иначе как абсолютным Злом (это слова Франсуа Миттерана по поводу дела Салмана Рушди — ничего себе, и откуда только проистекает такая форма архаического мышления?). Разница между этими двумя видами традиционализма (жестким и мягким) заключается в том, что наш (мягкий) располагает всеми ресурсами для того, чтобы уничтожить другой, и не отказывается от такой возможности. Всякий раз, будто невзначай, этот просвещенный фундаментализм притесняет и разрушает другой, который может ему бросить лишь символический вызов. Чтобы оправдать себя, мы даем воплотиться угрозе, превращая фетву, наложенную на Салмана Рушди, в дамоклов меч, нависший над западным миром, поддерживая непропорциональный уровень страха в полном неведении о разнице между символическим вызовом и технической агрессией. Однако в долгосрочной перспек-

тиве символический вызов более серьезен, чем победоносная агрессия. Если простая фетва, простой смертный приговор, может ввергнуть Запад в такую депрессию (неописуемо ужасную комедию представлял собой показной ужас писателей и интеллектуалов по этому поводу), если Запад предпочитает верить в эту угрозу, то это потому, что он парализован своим собственным могуществом, в которое он сам не верит, именно в силу его масштабности (диспропорция целей порождает чрезмерное напряжение, это скорее исламский «невроз», а наша диспропорция возможностей, напротив, порождает серьезную депрессию, невроз бессилия). Если бы Запад верил в свое могущество, он даже на мгновение не принял бы близко к сердцу эту угрозу. Самое забавное, что Другой также не верит в свое бессилие, а тот, кто не верит в свое бессилие, сильнее, чем тот, кто не верит в свое могущество, хоть бы оно было в тысячу раз больше. Арабская «Книга хитростей»⁶⁸ дает тому тысячу свидетельств, но у Запада нет никакого понимания такого рода вещей.

Именно так мы и докатились до нереальной войны, когда чрезмерно развитая технологическая мощь переоценивает реальную силу врага, которого не желает даже увидеть. И если она удивляется, что победа далась так легко, то это потому, что не знает ни как поверить, ни как перехитрить саму себя. Зато она смутно осознает то, что в своем ны-

нешнем виде она может быть уничтожена самой ничтожной хитростью.

Американцам не мешало бы удивиться еще больше их «победе», их силе и придумать ей эквивалент в понимании (Другого), в противном случае их могущество сыграет с ними злую шутку. Так, например, если бы хитрый, но глупый Саддам уступил всего на неделю раньше, он нанес бы американцам значительное политическое поражение. Но хотел ли он этого на самом деле? Во всяком случае, ему удалось вновь обрести свое положение, несмотря на то что американцы твердо зареклись его устранить. Но зареклись ли на самом деле? Саддам всегда играл в американские игры, но даже как побежденный оказался лучшим игроком в плане диверсии и коварства. Книга хитростей скрывает еще много тайн, неизвестных Пентагону.

Брехт: «Это пиво — не пиво, но это компенсируется тем, что эти сигары — тоже не сигары. Вот если бы пиво не было пивом, а сигары были бы настоящими сигарами, тогда была бы проблема»⁶⁹. Точно так же и эта война — не война, но это компенсируется тем, что информация (о ней) тоже не информация. Так что все в порядке. Вот если бы эта война не была войной, а ее отображение было бы достоверным — вот тогда была бы проблема. Ведь тогда не-война оказалась бы тем, чем она и является на самом деле, — скандалом. Аналогично, если бы война была бы настоящей войной, а ин-

формация не была бы информацией, эта не-информация оказалась бы тем, чем она и является на самом деле, — скандалом. В обоих случаях была бы проблема.

Есть, кстати, еще одна проблема для тех, кто верит, что эта война была на самом деле: как могло случиться так, что настоящая война не стала источником достоверного отображения? А также проблема тех, кто верит в «победу» американцев: как могло случиться так, что Саддам по-прежнему на своем месте, словно ничего и не случилось?

Между тем все прекрасно согласуется, стоит лишь предположить, что эта победа не была победой, а поражение Саддама также не было поражением. Все уравнивается, и все становится в порядке: война, победа и поражение одинаково нереальные и одинаково несуществующие. Та же согласованность и в ирреальности противников: тот факт, что американцы никогда не видели иракцев, компенсируется тем фактом, что иракцы никогда с ними не воевали.

И снова Брехт: «Когда что-то (есть) в ненужном месте — это беспорядок. Когда в нужном месте ничего нет — это порядок».

Новый Мировой Порядок полностью состоит из такого рода компенсаций, и скорее ничего нет, чем что-то есть, как на поле боя и экранах, так и в наших головах — это консенсус на основе апотропии. В нужном месте (в Заливе) ничего не было —

это не-война. В нужном месте (телевидение, информация) ничего не было: никаких образов, лишь заполнение пустоты. В наших головах тоже почти ничего не произошло, и это тоже в порядке вещей. То, что ничего не было в том или ином нужном месте, гармонично компенсируется тем, что в другом месте также ничего не было. Таким образом, общий мировой порядок унифицирует все отдельные порядки.

В Восточной Европе мировой порядок был наведен согласно той же парадоксальной диалектике: там, где что-то было (коммунизм, но с глобальной точки зрения это как раз беспорядок), сегодня нет ничего, но это — порядок. Там все в демократическом порядке, даже если там творится полный бардак.

Арабские иммигранты: там, где их не должно было бы быть (в Европе), там беспорядок. Там, где они должны были бы быть (в своих странах), но где их нет, там порядок. То, что в арабском мире ничего не возможно, даже война, что арабы уstraшенные, обманутые, обессиленные и обезвреженные. — это порядок. Но это гармонично компенсируется тем, что в явном месте силы (Америка) также ничего нет, кроме полного политического бессилия.

Вот такой он — Новый Мировой Порядок.

Вариация на тему Клаузевица: не-война есть отсутствие политики, продолжаемое другими сред-

ствами... Она исходит уже не из политической воли к власти, витального импульса, антагонистического насилия, а из желания навязать всеобщий консенсус с помощью апотропии. Это консенсуальное насилие может быть столь же смертоносным, как и конфликтное насилие, но оно направлено на устранение всякого соперничества в гегемонии, даже холодного, основанного на равновесии страха, каким оно было на протяжении последних сорока лет. Подобное насилие уже было осуществлено во всех демократиях, взятых по отдельности, ныне оно осуществляется в масштабе всего мира, который мыслится как глобальная демократия, управляемая с помощью единого порядка под эмблемой ООН и Прав человека. Война в Заливе — это первая консенсуальная война, первая война, которая велась легально и глобально ради того, чтобы положить конец себе самой и исключить всякую возможность военного конфликта, способного поставить под угрозу систему мирового контроля, отныне единую. Это уже было целью системы взаимной апотропии (Востока и Запада), теперь мы вступаем в монополистическую стадию под эгидой американского господства. Логически при такой форме консенсуса и демократии отпадает необходимость в войнах, однако эта система, несомненно, будет по-прежнему в них нуждаться локально и эпизодически. Война в Заливе представляет собой один из подобных эпизодов, но он

переходный, и именно поэтому она колеблется между мягкой и жесткой [soft ou hard] формами: виртуальная война или все же реальная? Но в этом колебании решительно перевешивает одна сторона, и вскоре уже не останется ничего, кроме виртуального насилия консенсуса — симультанного всемирного консенсуса в режиме реального времени: это будет уже завтра, и это будет началом мира, лишённого завтрашнего дня.

Строго говоря, электронная война не имеет политических целей: она выступает в качестве профилактической электросудорожной терапии всякого будущего конфликта. Так же как в современной коммуникации больше нет собеседника (адресата), так и в электронной войне больше нет противника, есть лишь непокорный элемент, который необходимо нейтрализовать и консенсуализировать, чем и занимаются американцы, народ-миссионер, который приведет весь мир к демократии с помощью электрошока. Таким образом, совершенно бессмысленно задаваться вопросом о политических целях этой войны: единственная ее цель (трансполитическая) — привести весь мир к наименьшему общему глобально-демократическому знаменателю (который по мере распространения демократии все больше и больше стремится к нулевой степени политики). При этом наименьшим общим множителем является информация во всех своих проявлениях, которая по мере своего

распространения до бесконечности все больше и больше стремится к нулевой степени контента.

В этом смысле консенсус, как нулевая степень демократии, и информация, как нулевая степень высказывания, находятся в тесном сродстве: Новый Мировой Порядок будет одновременно консенсуальным и телевизиальным. Вот почему точечные бомбардировки аккуратно обходили антенны иракского телевидения (которые просто бросаются в глаза в небе Багдада). Война уже не то, чем была когда-то...

Ключевая ставка, решающая ставка во всем этом деле — консенсуальная редукция ислама к мировому порядку. Не уничтожение, но приручение всеми доступными средствами: модернизация (даже военная), политизация, демократизация, национализм, права человека — все, что может электрокутировать сопротивление, символический вызов, который представляет собой ислам для всего Запада. И здесь нет никакого чуда, противостояние будет продолжаться до тех пор, пока этот процесс не закончится, и наоборот, прекратится как бы само собой в тот день, когда эта форма радикального вызова будет ликвидирована. Так уже было с вьетнамской войной: в тот день, когда Китай был нейтрализован, а «дикий» Вьетконг — мятежные и освободительные силы — был вытеснен настоящей бюрократической и военной организацией, способной обеспечить восстановление по-

рядка, война во Вьетнаме моментально прекратилась, но на такое политическое приручение ушло десять лет (и совершенно неважно, благодаря коммунизму или демократии оно было осуществлено). То же самое и с войной в Алжире: ее конец, который казался невозможным, произошел сам собой, и не благодаря прозорливости де Голля, а в тот самый момент, когда партизаны со всем их революционным потенциалом были наконец ликвидированы, а алжирская армия и бюрократия, созданные в Тунисе и никогда не принимавшие участия в борьбе, оказались в состоянии взять власть и установить порядок.

Таким образом, наши войны представляют собой не столько военную конфронтацию, сколько приручение непокорных сил планеты, этих, в полицейских терминах, неконтролируемых элементов, в число которых входит не только ислам в целом, но дикие племена, языковые меньшинства и т. д. Все то, что самобытно и непокорно, должно быть редуцировано и поглощено. Это закон демократии и Нового Мирового Порядка. В этом смысле ирано-иракская война была первым успешным этапом: Ирак, пусть даже он вовсе не победил, послужил орудием ликвидации наиболее радикальной формы антизападного вызова.

В том, что этот подвиг наемника обусловил нынешний поворот событий и обернулся необходимостью уничтожить его самого, заключена жесто-

кая, хотя и вполне закономерная ирония. Все, что с нами случается, мы сами заслужили своим позором. Это не оправдывает Ирак, который объективно остается сообщником Запада даже в нынешней конфронтации, с учетом того, что вызов ислама — символический вызов непокорной и опасной инаковости в очередной раз в политическом, военном и религиозном плане оказался отклонен, смягчен и извращен авантюрой Саддама. Даже воюя против Запада, он сыграл свою роль в приручении ислама, сам того не желая. Его устранение, если оно состоится, всего лишь избавит от опасных обязательств. Истинная ставка — вызов ислама и всего, что за ним стоит, вызов всех форм культуры, непокорных западному миру, — остается прежней. И никто не знает, чья возьмет. Потому что, как сказал Гельдерлин: «Там, где возрастает опасность, возрастает и спасение»⁷⁰. А значит, чем сильнее возрастает гегемония всемирного консенсуса, тем сильнее возрастает и риск, или шанс, ее крушения...

ДУХ ТЕРРОРИЗМА

С глобальными⁷¹ событиями, от смерти леди Дианы до Чемпионата мира по футболу, или же с событиями реальными и жестокими, такими как война и геноцид, мы сталкивались не раз. Но глобального символического события, то есть события, не просто растиражированного на весь мир, а такого, которое способно нанести удар по самой глобализации, не было ни одного. Застой, продолжавшийся в течение всех девяностых годов, был настоящей «забастовкой событий» (по выражению аргентинского писателя Маседонио Фернандеса). Так вот, забастовка закончена. События перестали бастовать. В случае с терактами в нью-йоркском Всемирном торговом центре⁷² мы имеем дело с событием абсолютным, настоящей «мате-

рю» событий, событием в чистом виде, которое сконцентрировало в себе все те события, которые так никогда и не произошли.

Нарушены все условия игры истории и власти, так же как и условия анализа. Нужно сбавить темп. Когда события застаивались, следовало их предвосхищать и двигаться быстрее, чем они. Когда они ускорились до такой степени, необходимо двигаться медленнее них. Однако нельзя допустить, чтобы нас накрыла лавина пустых слов [discours] и тень войны: неповторимая ослепительность образов должна остаться незамутненной.

Во всем, что было сказано и написано, обнаруживаются необычайная абреакция⁷³ на само событие и фасцинация⁷⁴, которую оно вызвало. Священный союз против терроризма, моральное осуждение соразмерны необычайному ликованию, заключенному в созерцании разрушения этого глобального всемогущества, больше того, созерцании, в некотором смысле, саморазрушения, самоубийства во всем его великолепии. Ибо это оно само, своей запредельной мощью, инспирировало то насилие, которое захлестнуло весь мир, а следовательно, инспирировало то террористическое воображаемое, которое (без нашего ведома) живет в каждом из нас.

То, что мы воображали это событие, то, что весь мир, без исключения, грезил им — поскольку нельзя не мечтать об уничтожении всякого могуще-

ства, ставшего до такой степени гегемонистским, — вещь совершенно неприемлемая для западного морального сознания, но тем не менее это факт, и именно он определяет патетическое неистовство всех тех дискурсов, которые хотят избежать самой этой мысли.

В конечном счете они это сделали, но мы этого хотели. Если не принимать это в расчет, то данное событие теряет все свое символическое измерение и превращается в чистую случайность, становится совершенно произвольным действием, убийственной фантазмагорией нескольких фанатиков, которых просто вовремя не уничтожили. Но мы точно знаем, что это не так. Отсюда весь этот антифобический бред экзорцизма зла: это говорит о том, что в каждом из нас присутствует этот смутный объект желания. Без нашей глубокой сопричастности это событие никогда не вызвало бы такого воздействия, и символическая стратегия террористов, несомненно, была рассчитана на это наше постыдное соучастие.

Это выходит далеко за рамки ненависти к доминирующей глобальной силе, которую испытывают обездоленные и эксплуатируемые, к которым мировой порядок обращен своей худшей стороной. Это окаянное желание поселилось даже в сердцах тех, кто участвуют в разделе мирового пирога. Аллергия на всякий окончательный и безапелляционный порядок, на всякую безапелляционную

власть, по счастью, универсальна, а две башни Всемирного торгового центра, именно в своем полном подобии, идеально олицетворяли этот окончательный и безапелляционный порядок⁷⁵.

В этом нет никакого влечения к смерти или к разрушению, ни даже действия перверсивных последствий. Это вполне логично и неизбежно, что неимоверное усиление могущества усиливает и желание его уничтожить. И оно само — соучастник собственного уничтожения. Когда две башни обрушились, создалось впечатление, что в ответ на самоубийство самолетов-смертников они сами совершили самоубийство. Сказано: «Даже Бог не может объявить войну сам себе». Ну так вот — может. Запад, действуя с позиции Бога (Божественного всемогущества и абсолютного морального закона), стал склонен к самоубийству и объявил войну сам себе.

Бесчисленные фильмы-катастрофы свидетельствуют о существовании такого фантазма, который они словно заговаривают, пытаясь утопить его образ во всевозможных спецэффектах. Но всеобщее притяжение, которое они вызывают, равно как и порнография, показывает, что переход к действию всегда рядом — стремление отрицания всякой системы становится тем сильнее, чем больше она приближается к совершенству и всемогуществу.

При этом очень вероятно, что террористы (как, впрочем, и эксперты!) не предусмотрели обруше-

ние башен-близнецов, которое в символическом отношении вызвало гораздо больший шок, чем атака на Пентагон. Символическое обрушение всей системы произошло при непредвиденном внутреннем соучастии, как будто бы башни, обрушиваясь сами собой и совершая самоубийство, вступили в игру, чтобы довершить событие.

В определенном смысле вся система в целом своей внутренней непрочностью способствовала инициированию акции. Чем больше система централизуется на глобальном уровне, концентрируясь в пределах единой сети, тем больше она становится уязвимой в любой точке этой сети (всего один юный филиппинский хакер со своего ноутбука смог запустить вирус ILOVEYOU⁷⁶, который облетел весь мир, поражая целые компьютерные сети). В нашем случае всего девятнадцать камикадзе благодаря абсолютному оружию собственной смерти, усиленному технологической эффективностью, запустили глобальный катастрофический процесс.

Какой еще путь, кроме террористического, можно избрать для изменения положения вещей в ситуации полной монополизации глобальной власти, в ситуации столь чудовищной концентрации всех функций в технократической машинерии при полном единомыслии⁷⁷ и полном отсутствии инакомыслия? Это сама система создала объективные условия для столь жестокого возмездия. Прибрав

все карты для себя, она вынудила Другого менять правила игры. И новые правила будут жестокие, потому что ставка жестока. Системе, переизбыток могущества которой сам по себе представляет невозможность вызова, террористы ответили категоричным действием, в котором заключена также невозможность обмена. Терроризм — акт восстановления непокорной единичности в самом сердце системы обобщенного обмена⁷⁸. Все сингулярности⁷⁹ (племена, отдельные личности, культуры), которые заплатили смертью за установление глобального оборота всего и вся, управляемого единственной властью, сегодня мстят за себя с помощью террористического разворота.

Террор против террора — за этим больше не стоит никакой идеологии. Отныне мы далеко за пределами идеологии и политики. Энергия, которая питает террор, не имеет строгой причины и не может быть понята в рамках какой-либо идеологии, даже исламистской. Ее цель уже больше не в том, чтобы преобразовать мир, а в том, чтобы его радикализировать с помощью жертвоприношения (на что в свое время были направлены ереси), в то время как цель системы в том, чтобы реализовать себя с помощью силы.

Терроризм, как и вирусы, повсюду. Терроризм проник везде, он следует как тень за системой господства, всегда готовый выйти из тени, подобно двойному агенту. Больше нет демаркационной ли-

нии, которая позволяла бы его обозначить, терроризм находится в самом сердце культуры, которая с ним борется, а видимый разрыв (и ненависть), который в глобальном плане разделяет эксплуатируемые и слаборазвитые страны с западным миром, тайно соединяется с внутренним разломом в господствующей системе. Эта система может противостоять любому видимому антагонизму. Но другой, вирусной структуре — как если бы диспозитив⁸⁰ власти выделял свой антидиспозитив, фермент своего собственного исчезновения, — такой форме практически автоматической реверсии⁸¹ своей собственной мощи система ничего не может противопоставить. И терроризм является ударной волной этой бесшумной реверсии.

Таким образом, это не столкновение цивилизаций или религиозных убеждений, и это выходит далеко за рамки ислама и Америки, на которых пытаются сфокусировать конфликт, чтобы создать иллюзию видимого противостояния и возможности силового решения. Речь действительно идет о фундаментальном антагонизме, который указывает сквозь призму Америки (которая может быть и эпицентр глобализации, но не единственное ее воплощение) и сквозь призму ислама (который также не является воплощением терроризма) на столкновение торжествующей глобализации с самой собой. В этом смысле вполне можно говорить о мировой войне, но только не третьей, а четвертой

и единственной действительно мировой, поскольку ставкой в этой войне является сама глобализация. Первые две из мировых войн соответствовали классическому представлению о войне. Первая мировая война положила конец верховенству Европы и эпохе колониализма. Вторая — покончила с нацизмом. Третья мировая, которая конечно же была, но велась в виде холодной войны и апотропии, положила конец коммунизму. С каждым разом, от одной войны к другой, мы все больше приближались к единому мировому порядку. Сегодня этот порядок, практически подошедший к своему концу, сталкивается с антагонистическими силами, которые рассеяны внутри самого глобализма и которые проявляются во всех современных общественных потрясениях. Фрактальная война всех отдельных клеток, всех сингулярностей, которые восстают в качестве антител. Прямое столкновение настолько недостижимо, что время от времени требуется спасать саму идею войны с помощью показных инсценировок вроде войны в Заливе или сегодняшней — в Афганистане. Но четвертая мировая война, она, как истина, всегда где-то рядом. Она есть то, что неотступно преследует любой мировой порядок, любое гегемонистское господство — если бы ислам господствовал в мире, терроризм был бы направлен против ислама. Так как то, что сопротивляется глобализации, и есть сам мир.

Терроризм immoralен. Событие, связанное с Всемирным торговым центром — этот символический вызов, — immoralно, и оно является ответом на глобализацию, которая immoralна сама по себе. Так давайте будем также immoralны, ведь если мы хотим что-то понять во всем этом, то нужно заглянуть по ту сторону Добра и Зла. Так как мы имеем дело с событием, которое бросает вызов не только моральной, но и любой форме интерпретации, попытаемся обрести понимание Зла. Ключевой момент заключается именно в следующем: в абсолютно неправильном понимании западной философией, философией Просвещения, того, что касается соотношения Добра и Зла. Мы naивно полагаем, что прогрессированию Добра, возрастанию его влияния во всех областях (наука, техника, демократия, права человека) соответствует поражение Зла. Похоже, никому невдомек, что сила Добра и Зла возрастет одновременно и в той же динамике. Победа одного не ведет к исчезновению другого, как раз наоборот. Метафизически Зло рассматривается как досадная случайность, но эта аксиома, из которой вытекают все виды манихейской борьбы Добра со Злом, иллюзорна. Добро не редуцирует Зло, как и наоборот: они одновременно и несводимы друг с другом, и тесно взаимосвязаны. По сути, Добро не могло бы победить Зло иначе, как не перестав быть Добром, поэтому, как только оно достигло глобальной монополии на

власть, оно навлекло на себя тем самым ответную вспышку пропорционального насилия.

В традиционном универсуме еще был баланс между Добром и Злом, согласно диалектическому соотношению, которое хоть как-то обеспечивало напряженность и равновесие нравственной вселенной, примерно как во время холодной войны противостояние двух держав обеспечивало равновесие страха. Следовательно, не было превосходства одного над другим. С началом тотальной экстраполяции Добра (гегемония позитива над любой формой негатива, исключение смерти и всякой силы, противостоящей господству, — торжество ценностей Добра по всем направлениям) этот баланс нарушился. Начиная с этого момента Зло как бы приняло форму скрытой автономии и развивается теперь по экспоненте.

Собственно говоря, это и произошло в сфере политики после исчезновения коммунизма и глобального торжества либерального господства: именно тогда появился призрачный враг, распространяющийся по всей планете, проникающий всюду, как вирус, возникающий в каждой промежуточной власти. Ислам. Но ислам — это лишь движущийся фронт кристаллизации этого антагонизма. Антагонизм повсюду — он в каждом из нас. Следовательно, террор против террора. Но террор асимметричный. Именно эта асимметрия делает глобальное всемогущество полностью безоруж-

ным. В столкновении с самим собой оно может лишь погрязнуть в собственной логике соотношения сил, без какой-либо возможности играть на территории символического вызова и смерти, о которых оно больше не имеет никакого представления, потому что вычеркнуло их из своей собственной культуры.

До сих пор этой интегрирующей силе в основном удавалось поглощать и переваривать любой кризис, любую негативность, создавая тем самым глубоко безнадежную ситуацию (не только для проклятьем заклеянных⁸², но и для обеспеченных и привилегированных, живущих в полном комфорте). Фундаментальным событием является то, что террористы прекратили лишать себя жизни впустую, то, что они пустили в ход свою собственную смерть так агрессивно и эффективно, основывая свою стратегию просто на интуиции, на интуиции того, что их противник чрезвычайно уязвим и что система достигла лишь квазисовершенства, а значит, может вспыхнуть от одной искры. Террористам удалось сделать из своей собственной смерти абсолютное оружие против системы, которая существует за счет исключения смерти и идеалом которой является нулевая смерть⁸³. Любая система, в которой смерть равна нулю, сама в сумме дает ноль. И все средства апотропии и уничтожения бессильны против врага, который уже сделал из своей смерти оружие воз-

мездия. «Что нам американские бомбардировки! Наши люди столь же жаждут умереть, как американцы жаждут жить!»⁸⁴. Отсюда такая неэквивалентность: 7000 жертв⁸⁵ [смертей] одним ударом по системе нулевой смерти.

Итак, все здесь поставлено на смерть, причем не на грубое вторжение смерти в реальном времени и в прямом эфире, но на вторжение смерти более чем реальной, символической и жертвенной, то есть абсолютного и безапелляционного события.

Этот и есть дух терроризма.

Ни в коем случае не атаковать систему, исходя из соотношения сил. Это воображаемое (революционное), навязанное самой системой, которая выживает только за счет того, что постоянно заставляет тех, кто ее атакует, вести бой на всегда принадлежащей ей территории реального. Вместо этого перенести борьбу в символическую сферу, где основными правилами являются вызов, реверсия, повышение ставок. Так что на смерть ответить можно только смертью — равной или превосходящей [ставкой]. Бросить вызов системе в виде дара [жертвы], на который она не может ответить иначе как собственной смертью или собственным крушением.

Террористическая гипотеза состоит в том, что система сама должна покончить с собой в ответ на многократные вызовы смертей и самоубийств. Поскольку ни система, ни власть сами не смогут из-

бавиться от символического долга, в этой ловушке и заключается единственный шанс их коллапса. В этом головокружительном цикле невозможного обмена смерти смерть террориста — микроскопическая пробоина, но через нее все засасывается, образуются полость и гигантская воронка. Вокруг этой незначительной пробоины реального и власти вся система собирается, скручивается, зацикливается на себе и разрушается своей собственной сверхэффективностью.

Тактика террористической модели заключается в том, чтобы вызвать избыток реального и заставить систему обрушиться под этим избытком реального. Вся ирония ситуации состоит в том, что мобилизованное насилие системы оборачивается против нее самой, потому что террористические акты — это одновременно и зеркало собственного запредельного насилия системы, и модель символического насилия, которое в ней запрещено, это единственный вид насилия, которое система не может осуществить, — насилие своей собственной смерти.

Вот почему все видимое могущество бессильно против самой незначительной, но символической смерти нескольких лиц.

Нужно признать очевидное: появился новый терроризм, новый вид боевых действий, который заключается в том, чтобы участвовать в игре и изучать ее правила лишь для того, чтобы эффектив-

нее их нарушать. Мало того что эти люди борются не на равных, поскольку делают ставку на собственную смерть, на что нечем возразить («они трусы»⁸⁶), так они еще и приспособливают все средства господствующего могущества. Деньги и биржевые спекуляции, информационные и авиационные технологии, зрелищный размах и медиасети — террористы усваивают все: и модернизацию, и глобализацию, — не меняя курса на их уничтожение.

Верх коварства — даже банальность американской повседневности — они используют в качестве прикрытия для ведения двойной игры. Они спят в своих пригородах, читают и учатся в кругу семьи, чтобы однажды пробудиться, подобно бомбе замедленного действия. Безупречность исполнения этой подпольной деятельности почти столь же террористична, как и зрелищность акта 11 сентября. Ведь под подозрение подпадает каждый: а может быть, это безобидное существо — потенциальный террорист? Если они остались незамеченными, то и всякий из нас невыявленный виновник (каждый самолет тоже становится подозрительным), и в принципе, пожалуй, это правда. Вполне возможно, это убеждение связано с бессознательной склонностью к преступлению, замаскированной и тщательно подавляемой, но всегда способной если не снова проявиться, то, по крайней мере, тайно вибрировать при созерцании Зла. Так событие раз-

ветвляется до бесконечности, превращаясь в источник еще более изощренного ментального терроризма.

Радикальное отличие состоит в том, что террористы, владея всеми смертоносными средствами, которыми владеет система, обладают еще более фатальным оружием — своей собственной смертью. Если бы они ограничились борьбой против системы ее же оружием, они тотчас же были бы уничтожены. Если бы они противопоставили системе только собственную смерть, они быстро бы исчезли, принося бесполезные жертвы — то, чем терроризм почти всегда занимался прежде (сравните палестинские теракты-самоубийства) и почему он был обречен на поражение.

Все меняется с того момента, когда террористы начали сопрягать все доступные современные средства со своим в высшей степени символическим оружием. Последнее до бесконечности умножило их разрушительный потенциал. Именно этот коэффициент усиления (с которым мы не можем примириться) дает им такое преимущество. И наоборот, стратегия нулевой смерти, стратегия «чистой» технологической войны абсолютно не совпадает с этой стратегией преображения «реального» могущества в символическое.

Небывалый успех терактов представляет проблему, и, чтобы разобраться в этом, нужно отбросить наши западные воззрения и увидеть, что про-

исходит в головах террористов и в их организации. Такая эффективность терактов требует идеально-го планирования и максимальной рациональности, что мы с трудом представляем у других. И даже в этом случае, как и при любой рациональной организации, на которой основаны спецслужбы, всегда возможны утечки и просчеты.

Так вот, секрет такого успеха в другом. В отличие от наших организаций, у террористов нет никаких трудовых договоров, у них есть некий пакт и жертвенные обязательства. Такие обязательства надежно защищены от любого предательства и всякой коррупции. Чудо состоит в том, что им удалось адаптироваться к глобальной сети и техническому протоколу, нисколько не теряя этого соучастия в жизни и в смерти. В противоположность контракту пакт не связывает отдельных лиц, даже в «самоубийстве» нет никакого индивидуального героизма — это коллективный жертвенный акт, скрепленный идеальным требованием. И сопряжение двух систем [dispositifs] — операциональной структуры и символического пакта — сделало возможным осуществление акта такого масштаба.

Мы больше не имеем представления о символическом расчете, как в покере или при потлаче: минимальная ставка — максимальный результат. Именно это было достигнуто в результате теракта на Манхэттене и является достаточно хорошей

иллюстрацией теории хаоса: первоначальный удар привел к непредсказуемым последствиям, тогда как гигантское развертывание операции («Буря в пустыне») американцами привело лишь к смехотворному эффекту — ураган, закончившийся, если можно так сказать, трепетанием крыльев бабочки.

Суицидальный терроризм был терроризмом бедных, нынешний терроризм — терроризм богатых. И особенно пугает нас то, что они стали обеспеченными (в их распоряжении находятся все средства), не переставая желать нашей смерти. Конечно, согласно с нашей системой ценности, они жульничают: делать ставку на собственную смерть — это не по правилам. Но их это не заботит, и новые правила игры устанавливаем уже не мы.

Все средства хороши, чтобы дискредитировать их действия. Например, называть их самоубийцами или мучениками. Чтобы сразу добавить, что мученичество ничего не доказывает, оно ничего общего не имеет с истиной и даже (если продолжать цитировать Ницше) мученик — главный враг истины. Конечно, их смерть ничего не доказывает, но в системе, где сама истина неуловима (или мы претендуем на то, что обладаем истиной?), вообще ничего нельзя доказать. Впрочем, этот в высшей степени моральный аргумент опрокидывается. Если добровольный мученик-камикадзе ничего не

доказывает, то и невольные мученики — жертвы терактов — также ничего не доказывают, и есть что-то неуместное и обценное в том, чтобы делать из этого моральный аргумент (это вовсе не принимает в расчет их страдания и смерть).

Еще один недобросовестный аргумент — террористы обменивают свою смерть на место в раю. Их действие не бескорыстно, следовательно, оно не праведно. Их акт был бы бескорыстным, если бы они не верили в Бога, если бы смерть им не оставляла надежды, как это происходит в нашем случае (а ведь христианские мученики не рассчитывали ни на что, кроме этой Божественной эквивалентности). То есть террористы снова борются не на равных, поскольку они получают право на спасение, на что мы не можем даже больше надеяться. Нам остается лишь носить траур по нашей смерти, тогда как они могут сделать из своей очень крупную ставку.

По сути все это — причина, доказательство, истина, награда, цель и средства — типично западная форма расчета. Даже смерть мы оцениваем в процентном соотношении, наподобие соотношения цены и качества. Экономический расчет — это расчет нищих, которые даже не имеют мужества назначить свою цену.

Что может случиться, кроме войны, которая сама по себе экран конвенционной защиты? Говорят о биотерроризме, о бактериологической войне,

или ядерном терроризме. Но все из вышеназванного принадлежит не к порядку символического вызова, а скорее к порядку окончательного решения⁸⁷ — к уничтожению без славы, без риска и без слов.

Итак, совершенно неправильно видеть в террористической акции чисто деструктивную логику. Представляется, что их собственная смерть неотделима от их действий (это как раз то, что делает акт символическим), и это вовсе не безличное уничтожение другого. Все дело в вызове, дуэли, то есть в личном, дуальном взаимоотношении с противостоящей силой. За то, что противник унижил вас, он должен быть унижен вами. А не просто уничтожен. Нужно заставить его потерять лицо. А этого никогда не добиться одной голой силой и простым устранением другого. Он должен быть атакован и разбит в пылу вражды. Кроме пакта, связывающего террористов между собой, тут еще есть что-то вроде дуэльного пакта с противником. Таким образом, это совершенно противоположно трусости, в которой обвиняют террористов, и это совершенно противоположно тому, что делали, к примеру, американцы во время войны в Заливе (и то, что повторяется в Афганистане): операциональная ликвидация незримой цели.

За всеми этими перипетиями мы должны сохранить, прежде всего, ясность образов. Мы должны сохранить их содержательность и их фасцинацию,

так как они, хотим ли мы этого или нет, являются нашей первичной сценой⁸⁸. А события в Нью-Йорке, одновременно с радикализацией ситуации в мире, радикализировали и соотношение образа с реальностью. Если раньше мы имели дело с непрерывным распространением банальных образов и с непрерывным потоком дутых событий, то террористический акт в Нью-Йорке воскресил одновременно и образ, и событие.

Среди прочих средств системы, которые были обращены против нее самой, террористы использовали отображение в реальном времени и мгновенное распространение этих образов по всему миру. Они присвоили это средство наряду с биржевыми спекуляциями, электронной информацией и воздушным сообщением. Роль образов весьма неоднозначна: прославляя и усиливая событие, вместе с тем они берут его в заложники. Одновременно с бесконечным размножением происходят отвлечение внимания [diversion] и нейтрализация (как это уже было с майскими событиями 1968 года⁸⁹). Об этом всегда забывают, когда говорят об «опасности» СМИ. Образ потребляет событие, в том смысле, что он поглощает его и делает готовым к употреблению. Конечно, это придает событию небывалую доньше силу воздействия, но уже в качестве события-образа.

Что же тогда такое реальное событие, если вся реальность пронизана образами, фикциями, вир-

туальностью? В данном случае можно говорить (возможно, с некоторой скидкой) о воскрешении реального и насилия реального в мире, обреченном на виртуальность. «Закончились все ваши виртуальные истории, эта — реальная!» Так же можно было бы говорить о воскрешении истории после ее объявленного конца. Но превзошла ли реальность фикцию на самом деле? Если это так выглядит, то потому, что реальность поглотила ее энергию и сама стала фикцией. Можно даже сказать, что реальность ревнует к фикции, что реальное завидует успеху образов... Это своего рода дуэль между ними, в которой каждая из сторон хочет доказать, что это она наиболее невероятна.

Обрушение башен Всемирного торгового центра невообразимо, но этого недостаточно, чтобы стать реальным событием. Чрезмерного насилия недостаточно, чтобы обнажить реальность. Потому что реальность — это принцип, и именно этот принцип утрачен. Реальность и фикция безнадежно перепутаны, и фасцинация теракта — это прежде всего фасцинация образа (события, одновременно катастрофические и вызывающие восхищение, сами по себе остаются в значительной степени воображаемыми).

В таком случае, следовательно, реальное привносится в образ как примесь страха, как дополнительное острое ощущение. Это не только ужасающе, но еще и реально. Первично не насилие реаль-

ного, к которому затем добавляется острое ощущение от образа, первичен скорее образ, к которому добавляется острое ощущение от реального. Что-то вроде сверхфикции, фикции, идущей за пределы фикции. Баллард⁹⁰ (вслед за Борхесом) говорил, например, о повторном изобретении реального как предельной и самой ужасной фикции.

Это террористическое насилие, следовательно, не возвращение реальности и истории. Это террористическое насилие не реально. Оно в определенном смысле хуже — это символическое насилие. Насилие само по себе вполне может быть банальным и безопасным. Только символическое насилие порождает сингулярность. И в этом сингулярном событии, в этом манхэттенском фильме-катастрофе, сопрягаются в наивысшей точке два элемента массовой фиксации XX века: белая магия кино и черная магия терроризма. Видимый свет образа и невидимый свет терроризма.

Постфактум мы пытаемся придать этому событию какой-либо смысл, как-то интерпретировать его. Но бесполезно — такова радикальность зрелища, жестокость зрелища, которое одно оригинально и неустранимо. Зрелище терроризма внушает терроризм зрелища. И против этой имморальной фиксации (даже если она вызывает всеобщее моральное осуждение) политический порядок не может ничего сделать. Это наш театр жестокости, единственный, который у нас еще остался, экстра-

ординарный в том плане, что соединяет в себе наивысшую точку спектакулярности⁹¹ и наивысшую точку вызова. Это одновременно микромодель ослепительного ядра реального насилия с максимальным резонансом — а значит, наиболее чистая форма спектакулярного — и жертвенная модель, противопоставляющая историческому и политическому порядку наиболее чистую символическую форму вызова.

Любая бойня может быть прощена, если она имела какой-то смысл, если ее можно интерпретировать как историческое насилие — такова моральная аксиома права на насилие. Любое насилие может быть прощено, если оно не было ретранслировано средствами массовой информации («Терроризм — ничто без медиа»). Но все это — иллюзия. Нельзя найти правильный способ использования средств информации, они являются частью события, являются частью террора, и они действуют в обоих направлениях.

Акт возмездия развивается по принципу такой же непредсказуемой спирали, как и террористический акт, никто не знает, на чем он остановится, где повернет вспять и что за этим последует. Как на уровне образов и информации нет возможности различения между спектакулярным и символическим, так нет возможности различения между преступлением и возмездием. И в этом неконтролируемом развязывании реверсивности заключа-

ется настоящая победа терроризма. Победа ощущается в подспудном разветвлении и проникновении события по всей системе — не только в виде прямой экономической, политической, биржевой и финансовой рецессии⁹², и как следствие — моральной и психологической рецессии, но также и в рецессии системы ценностей, всей либеральной идеологии, свободного движения капиталов, товаров, людей и т. д., рецессии всего того, что составляло гордость западного мира и чем он пользовался, чтобы оказывать влияние на весь остальной мир.

Вплоть до того, что либеральная идея, еще новая и свежая, уже начинает умирать в сознании и нравах, и либеральная глобализация будет осуществляться в форме совершенно противоположной: в виде полицейской глобализации, тотального контроля и террора безопасности. Либерализация закончится максимальным принуждением и ограничением и приведет к созданию общества, которое будет максимально приближено к фундаменталистскому.

Спад производства, потребления, финансовых спекуляций и экономического роста (но только не коррупции!): все происходит так, словно глобальная система совершила стратегическое отступление, болезненную переоценку своих ценностей — казалось бы, в ответ на террористический удар, но на самом деле в ответ на свое внутреннее требова-

ние — вынужденную регуляцию результата абсолютного беспорядка, который она навязала сама себе, глубоко проникнувшись, так сказать, своим собственным поражением.

Еще одним аспектом победы террористов является то, что все другие формы насилия и дестабилизации порядка действуют в их пользу: информационный терроризм, биологический терроризм, распространение слухов о сибирской язве и прочей недостоверной информации — все приписывается Бен Ладену. Терроризм мог бы записать в свой актив даже стихийные бедствия. Ему выгодны все формы дезорганизации и нарушения циркуляции. Сама структура глобального обобщенного обмена играет на руку невозможному обмену. Это как автоматическое письмо⁹³ терроризма, поддерживаемое произвольным терроризмом информации. Со всеми паническими последствиями, которые из этого следуют: если во всей этой истории с сибирской язвой⁹⁴ отравление сознания происходит само собой, благодаря мгновенной кристаллизации, как в химическом растворе от простого контакта молекул, это значит, что вся система достигла критической массы, что делает ее уязвимой для любой агрессии.

Из этой экстремальной ситуации сложно найти выход, ни в коем случае это не война, которая представляется как дежавю, с таким же потоком вооруженных сил, фантомной информации, бес-

смысленных обстрелов, лживых и патетических речей, технологического развертывания и оболванивания. Короче говоря, как война в Заливе не-событие, событие, которого на самом деле не было.

Впрочем, в этом есть определенный смысл: подменить подлинное и потрясающее событие, уникальное и непредсказуемое, псевдособытием, монотонным и уже виденным [déjà vu]. Террористический акт соответствовал прецессии события всем моделям интерпретации, тогда как эта тупо милитаристская и технологическая война, наоборот, соответствует прецессии модели событию, следовательно, ложной цели и не-бытию. Война как продолжение отсутствия политики другими средствами.

POWER INFERNO РЕКВИЕМ ПО БАШНЯМ-БЛИЗНЕЦАМ⁹⁵

Прежде всего, почему башни-близнецы? Почему две парные башни Всемирного торгового центра?

Еще до недавнего времени все высотные здания на Манхэттене противостояли друг другу в вертикальной конкуренции, образуя знаменитую архитектурную панораму города. Эта картина изменилась в 1973 году вместе со строительством Все-

мирного торгового центра. Тогда изображением системы перестал быть обелиск или пирамида, им стали перфокарта и статистическая диаграмма. Эта графическая форма архитектуры олицетворяет уже не систему конкуренции, а цифровую и счетную систему, где конкуренция уступила место сетям и монополии.

Сам факт наличия этих двух идентичных башен означал конец всякой конкуренции, конец всякой оригинальной референции⁹⁶. Если бы была только одна башня, это не было бы совершенным олицетворением монополии. Только редупликация знака действительно кладет конец тому, что он обозначал. И в этом удвоении есть особая фасцинация. При всей своей высоте, выше всех остальных зданий, эти две башни означали, тем не менее, предел вертикальности. Они были другой расы, чем все остальные здания. Они достигли высшей точки в точном отображении друг друга. Здания Рокфеллеровского центра еще отражались своими фасадами из стекла и стали в бесконечном зеркальном пространстве города. Башни-близнецы уже не имели фасадов, им нечего было отражать. Вместе с риторикой вертикальности исчезла и риторика зеркальности. Благодаря этим монолитам, полностью симметричным и герметичным, остается только что-то вроде черного ящика, серии, замкнутой на дубликацию, как будто архитектура, по образу всей системы, генерируется на основе кло-

нирования, на основе неизменного генетического кода.

Нью-Йорк — единственный в мире город, который на протяжении всей своей истории с поразительной точностью являет собой актуальную форму системы со всеми ее перипетиями. Следовательно, следует предположить, что обрушение башен — событие само по себе уникальное в истории современных городов — предвосхищает драматическое завершение этой архитектурной формы и системы, которую она олицетворяет. В своей информационной, счетной, финансовой, цифровой моделизации эта архитектурная форма в каком-то смысле была мозгом. Следовательно, нанеся удар по башням, террористы затронули нервный центр системы. Насилие глобализации происходит также и посредством архитектуры, через страх жить и работать в этих саркофагах из стекла, стали и бетона. Страх умереть в них неотделим от страха в них жить. Вот почему сопротивление этому насилию происходит также и через разрушение этой архитектуры.

Подобные архитектурные монстры всегда вызывают неоднозначную фасцинацию, противоречивое чувство притяжения и отвращения, а стало быть, в какой-то степени тайное желание увидеть их исчезновение. В случае башен-близнецов это усиливается их полной симметричностью, их полным подобием, которое, безусловно, является

эстетическим качеством, но в большей степени преступлением против формы, тавтологией формы, которая влечет за собой желание ее разрушить. Даже само их разрушение двойным ударом с интервалом в несколько минут не нарушило этой симметрии: первый удар — тревожное ожидание, когда можно было еще думать, что это случайность, а затем второй удар, который подтвердил, что это террористический акт.

Обрушение башен — это главное символическое событие. Представьте, что башни не обрушились вовсе или что обрушилась только одна: эффект был бы совсем другим. Доказательство хрупкости глобального всемогущества не было бы столь очевидно. Башни, которые были эмблемой этого могущества, также олицетворяют и его драматический конец, более подходящий на самоубийство. Вид их самообрушения, будто в результате имплозии, создавал впечатление, что они сами совершили самоубийство в ответ на самоубийство самолетов-смертников.

Хотя башни были одновременно как архитектурным объектом, так и символическим, целью конечно же был символический объект. Можно было бы думать, что это физическое разрушение башен привело к их символическому обрушению. Однако все наоборот: это символическая агрессия привела к их физическому обрушению. Словно сила, которая до сих пор поддерживала башни,

внезапно потеряла всю энергию. Словно это высокомерная сила внезапно не выдержала чрезмерной нагрузки — воли оставаться единственной моделью мира. Утомившись столь тяжелой ролью быть эмблемой системы, они не выдержали физически, они осели вертикально, полностью обессиленные, на глазах всего изумленного мира.

Это вполне логично, что неимоверное усиление могущества усиливает и желание его уничтожить. Но это еще не все: в некотором смысле оно само — соучастник собственного уничтожения. И это внутреннее отрицание становится тем сильнее, чем больше система приближается к совершенству и всемогуществу. Следовательно, все произошло при своего рода непредвиденном соучастии — как будто вся система в силу своей внутренней непрочности включилась в игру собственной ликвидации, то есть в игру терроризма. Сказано: «Даже Бог не может объявить войну сам себе». Ну так вот — может. Запад, действуя с позиции Бога, Божественного всемогущества и абсолютного морального закона, стал склонен к самоубийству и объявил войну сам себе.

На вопрос, что следует построить на месте разрушенных башен, нет правильного ответа — невозможно вообразить ничего равного, что в такой же степени было бы достойно разрушения. Башни-близнецы были достойны. Чего нельзя сказать о многих других архитектурных сооружениях. Боль-

шинство из них не заслуживают разрушения или принесения в жертву — этого заслуживают только впечатляющие [prestige] сооружения. Суждение не такое уж парадоксальное и позволяет сформулировать в адрес архитектуры фундаментальный вопрос: не следовало ли бы строить только то, что благодаря своей грандиозности было бы достойно разрушения? Оглянитесь вокруг, и — с учетом этого вопроса — вы увидите, как мало сооружений его выдержат.

У этого теракта есть известные прецеденты в виде сознательного уничтожения величественных сооружений, красота или могущество которых были словно провокацией. Преступное уничтожение храма Артемиды в Эфесе Геростратом, Рима Нероном, поджог Золотого храма, описанный у Мисимы⁹⁷. Не говоря уже об анархистской попытке подрыва Гринвичской обсерватории, «чтобы освободить людей от времени», из «Секретного агента» Конрада⁹⁸.

Как бы то ни было, башни исчезли. Но они оставили нам символ своего исчезновения, символ возможного исчезновения того всемогущества, которое они олицетворяли. Что бы ни случилось в дальнейшем, это исчезновение уже произошло здесь, в настоящий момент.

С другой стороны, хотя две башни исчезли, они не были уничтожены. Даже стертые в пыль, они остались в форме своего отсутствия. Все, кто их

воочию лицезрел, не смогут прекратить представлять себе их и их очертаний в небе, видимых со всех точек города. Конец в материальном пространстве окончательно переносит их в пространство воображаемого. Благодаря терроризму башни стали наиболее красивым сооружением в мире — каковыми, безусловно, они не были во время своего существования.

Что бы мы ни думали об их эстетических достоинствах, башни-близнецы были абсолютным перформансом⁹⁹, и их разрушение, в свою очередь, также является абсолютным перформансом.

Однако это не оправдывает восторг Штокхаузена¹⁰⁰ по поводу того, что 11 сентября создано «величайшее произведение искусства, когда-либо существовавшее». Почему это исключительное событие должно было быть произведением искусства? Эстетическое присвоение столь же одиозно, как моральное или политическое, особенно когда вся исключительность [singulier] события заключается в том, что оно по ту сторону как эстетики, так и этики. Это значит — и в этом смысле заявление Штокхаузена справедливо, — что событие само по себе поразительно и не требует каких-либо толкований. Оно непредставимо, потому что поглощает все воображение и не имеет смысла. Оно замкнуто, как сказал бы Ротко¹⁰¹, во всех направлениях. Ничто не может с ним сравниться. Лишь его эхо можно обнаружить в некоторых фор-

мах современного искусства, которые можно считать террористическими и, следовательно, предвещающими такое событие, но никогда не представляющими его. А после такого события это слишком поздно для искусства, это слишком поздно для репрезентации¹⁰².

Ситуационистская¹⁰³ утопия эквивалентности искусства и жизни была, по сути, террористической: террористична в ней эта крайняя точка, когда радикальность художественного перформанса или идеи передается через сами вещи, через автоматическое письмо реальности, согласно поэтической проекции ситуации. Но если искусство могло только мечтать о том, чтобы стать таким материальным событием, которое поглощает любую возможную репрезентацию, и всегда было очень далеко от этого, то уничтожение башен просто таким событием является — и ничто из порядка воображения или репрезентации не может сегодня сравниться или соизмериться с ним.

Разве что тревожная аллегория этого африканского художника¹⁰⁴, чью работу стоило бы установить на месте Всемирного торгового центра. Эта статуя представляет его самого, его тело, пронзенное насквозь самолетами, что-то вроде современного святого Себастьяна. Утром 11 сентября он пришел в свою студию в ВТЦ и погиб там, погребенный вместе со своими работами под руинами башен. Пожалуй, это и есть вершина искусства:

магическое совершенство работы, одновременно реализованной, преобразованной и уничтоженной благодаря событию в натуральную величину, которое она предвосхитила.

Все происходит в первый момент. Все сопрягается в столкновении крайностей. Если мы отвергаем этот момент фасцинации, в котором, благодаря имморальности образа, концентрируется поразительная мгновенность постижения события, мы теряем все шансы уловить его исключительный характер. Все последующие дискурсы нас безвозвратно от этого отдаляют, а сила события теряется в политических и моральных рассуждениях.

Уникальное событие требует, соответственно, уникальной реакции, немедленной и безапелляционной, которая использовала бы его потенциальную энергию; все, что следует потом, включая войну, всего лишь его распыление и субституция. Отсюда трудность отношения к этому событию без того, чтобы поддаться искушению объяснить его тем или иным способом: всякая попытка придать ему смысл, даже самая пронизательная и благоприятная, таинственным образом его отрицает. Поскольку то, что является событием, проистекает из разъединения следствий и причин, из прецессии последствий и такого превышения каузальности¹⁰⁵, которое, по-видимому, перечеркивает сам ее принцип: ничто не происходит на самом деле, у чего нет достаточных причин происходить.

Все, что мы можем сделать, это ответить на событие другим событием, то есть анализом, по возможности столь же неприемлемым, как и событие само по себе. И так же как в уникальном [singulier] событии следствия освобождаются от своих причин, так и мышление, столкнувшись с ним, тоже должно освободиться от своих предпосылок и точек отсчета.

Существует ли прецессия мысли по отношению к событию? Складывается впечатление, что событие уже всегда здесь было, присутствовало до срока, и что оно движется быстрее, чем мысль, внезапно создавая вакуум вокруг себя и лишая мир всякой действительности. Кроме того, каким-то образом мы не переживаем его как произошедшее на самом деле, а переживаем как фантазмагорию, с ретроспективной тревогой, что его могло не произойти. Самая ничтожная деталь может все сорвать, и, без сомнения, по самой ничтожной причине, ведь судьба капризна и многие исключительные события никогда не происходили. Но когда событие происходит, это вызывает, подобно эффекту взрыва вакуумной бомбы, асфиксию всех будущих событий. То есть оно перечеркивает не только все, что ему предшествует, но и все, что за ним следует.

И все же мысль в некотором роде предшествует событию, потому что она также старается создать вакуум, чтобы там возникло то, что не было озна-

чено [signifié] и, вероятно, не будет означено никогда. Это то, что отличает радикальное мышление от критического анализа: последний старается выторговать свой предмет в обмене смысла и интерпретации, тогда как первое пытается спасти его от этой сделки и сделать обмен невозможным. Цель уже больше не в анализе, но в дуэли, в обоюдном вызове мысли и события. Это плата за то, чтобы сохранить событие в его буквальности.

Радикальное мышление определяется самим событием. Оно не рассматривает его как факт — любая интерпретация такого рода является искусственной [factice] интерпретацией. И если верно, что большинство событий можно свести к уровню факта, то имя события заслуживают только те, которые такой редукции избегают. Анализ уже не является зеркалом, поскольку встать лицом к лицу с реальным невозможно (реальное само по себе невозможно, и тот факт, что оно имеет место, не отменяет его объективную невозможность).

Следует оценивать событие в его невозможности, в его невообразимости, именно как происшествие [accident]. Если событие происходит, оно выдирает концепты из их референтного поля. Что делает бесполезным любые попытки подведения итогов, включая определение Зла или худшего зла. Безусловно, система будет функционировать и дальше, без передышки, но теперь и без конца, даже без своего апокалипсиса. Поскольку апока-

липсис уже здесь, в виде неумолимой ликвидации цивилизации, возможно, даже всего человечества. Но то, что ликвидируется, нужно еще и разрушить¹⁰⁶. А мысль и событие заодно в этом акте символического разрушения.

ГИПОТЕЗЫ О ТЕРРОРИЗМЕ

Гипотезу, согласно которой 11 сентября было всего лишь случайностью или перипетией на пути неотвратимой глобализации, давайте отклоним сразу. Гипотеза, по сути, отчаянная, поскольку тогда произошло нечто экстраординарное, и отрицать это — значит признать, что ничто уже больше не может стать событием, что все мы обречены на безупречную логику глобального всемогущества, способного поглотить любое сопротивление, любой антагонизм и даже черпать в них силу: террористический акт лишь увеличивает засилье планетарного единовластия и единомыслия.

Этой нулевой гипотезе противостоит максимальная гипотеза, максимальная ставка на событийный характер 11 сентября — событие определяется здесь как то, что в рамках системы обобщенного обмена внезапно создает зону невозможного обмена: невозможного обмена смерти в центре самого события и невозможного обмена

этого события на какой-либо дискурс. Отсюда его символическая сила, и именно эта символическая сила поразила нас всех в событиях на Манхэттене.

Согласно нулевой гипотезе, террористическое событие является незначительным. Его не должно было бы существовать и, по сути, не существует, согласно представлению о том, что Зло является лишь иллюзией или случайной перипетией на пути Добра — в данном случае мирового порядка и благословенной глобализации. Теология всегда основывалась на этой ирреальности Зла как такового.

Другая гипотеза: это были безумные самоубийцы, психопаты, фанатики извращенной идеи, сами управляемые какой-то темной силой, которая просто эксплуатирует ресентимент¹⁰⁷ и ненависть угнетенных народов, чтобы утолить свою ярость разрушения. Или та же самая гипотеза, но более благосклонная, пытающаяся придать терроризму некоторое подобие исторического разума, усматривая в нем реальное выражение отчаяния угнетенных. Но этот тезис сам подозрителен, поскольку обрекает терроризм на репрезентацию глобальной обездоленности в жесте окончательного бессилия. Даже если он признает терроризм чистой формой политического протеста против мирового порядка, обычно это делается только для того, чтобы осудить его поражение и его перверсивное последствие в виде невольного укрепления этого порядка. Такова версия Арундати Рой¹⁰⁸, ко-

торая, выступая против гегемонистского могущества, выступает и против терроризма как его брата-близнеца, дьявольского двойника системы. Отсюда уже недалеко до предположения, что, если бы терроризм не существовал, система бы его выдумала... Так, может быть, теракт 11 сентября был делом рук ЦРУ?

Более того, эта гипотеза утверждает, что всякое враждебное насилие является, в конечном счете, сообщником существующего порядка, дисквалифицирует намерения активных участников и саму цель их акции. Последняя сводится к «объективным» последствиям (геополитические последствия 11 сентября) и никогда к собственно силе. С другой стороны, кто манипулирует кем? Кто кому играет на руку? Несомненно, что для возрастания своего собственного влияния террористы пользуются развитием системы, следуя за ней в параллельной гонке, где, в отличие от классовой борьбы и исторических войн, противники никогда не встречаются на самом деле.

Нужно пойти еще дальше: вместо гипотезы «объективного» соучастия терроризма и мирового порядка скорее следует выдвинуть точно противоположную — о глубоком внутреннем соучастии глобальной силы и той, которая выступает против нее извне: внутренняя нестабильность и слабость в определенном смысле идет навстречу стремительной дестабилизации террористического акта.

Без гипотезы об этой тайной коалиции, этой склонности к соучастию мы ничего не поймем в терроризме и в том, почему его невозможно победить.

Если цель терроризма состоит в том, чтобы дестабилизировать мировой порядок своими собственными силами в лобовом столкновении, тогда она абсурдна: соотношение сил слишком неравно. Кроме того, этот мировой порядок уже является местом такого беспорядка и такой дерегуляции, что в усилении этих тенденций нет необходимости. Как это видно сегодня повсюду, дополнительное усиление беспорядка чревато лишь усилением полицейского контроля и сил общественной безопасности.

Но быть может, именно в этом мечта террористов — мечта о бессмертном враге. Ведь если врага уже не существует, уничтожение его становится затруднительным. Очевидная тавтология, но терроризм тавтологичен, а итогом является парадоксальный силлогизм: если бы государство существовало на самом деле, это предоставляло бы терроризму политический смысл. Поскольку терроризм такого смысла очевидным образом не имеет (хотя имеет другие смыслы), это доказывает, что государства не существует, а его власть ничтожна.

Так в чем же скрытое послание террористов? В известной сказке о Ходже Насреддине он еже-

дневно переводил через границу своего осла, нагруженного вьюками с соломой. Каждый раз пограничники обыскивали вьюки, но оказывалось, что в них ничего нет. И Насреддин продолжал пересекать границу со своим ослом. Много лет спустя, на вопрос что за контрабандой он занимался, Ходжа отвечал: «Я перегонял ослов».

Таким же образом, опуская все очевидные движущие силы террористического акта — религию, мученичество, месть или стратегию, — можно спросить, что же на самом деле является объектом контрабанды. Все очень просто: то, что представляется нам как самоубийство, является невозможным обменом смертью, вызовом системе, брошенным при помощи символического дара смерти, которая становится абсолютным оружием (кажется, что башни это поняли, поскольку ответили своим собственным обрушением).

Такова суверенная гипотеза: в том и дело, что терроризм, в конечном счете, не имеет ни смысла, ни цели и не определяется своими реальными политическими и историческими последствиями. Но, как ни парадоксально, именно потому, что он не имеет смысла, он становится событием в мире все более перенасыщенном смыслом и эффективностью.

Суверенная гипотеза — это такая гипотеза, которая мыслит терроризм вне его показательного насилия, вне ислама и Америки, мыслит его как

возникновение радикального антагонизма в самом сердце процесса глобализации, как возникновение силы, непокорной этой интегральной¹⁰⁹, технической и ментальной реализации мира, этой неумолимой эволюции в направлении окончательного мирового порядка.

Витальная сила противодействия в схватке с летальной силой системы. Сила вызова глобальности, полностью растворенной в циркуляции и обмене. Сила непокорной сингулярности, ожесточающаяся по мере расширения гегемонии системы, вплоть до такого переломного события, как 11 сентября, которое не разрешает этот антагонизм, но которое сразу же переносит его в символическое измерение.

Терроризм ничего не изобретает и ничего не открывает. Он просто доводит все до крайности, до пароксизма. Он обостряет определенный порядок вещей, определенную логику насилия и неуверенности.

Сама система благодаря спекулятивному расширению всех видов обмена, алеаторных и виртуальных форм, которые навязываются повсюду, благодаря минимизации запасов и блуждающим капиталам, принудительной мобильности и ускорению, влечет то, что главным принципом становится принцип неуверенности, который и отражает терроризм в неуверенности каждого в собственной безопасности. Терроризм ирреален и ирреалисти-

чен? Но наша виртуальная реальность, наши системы информации и коммуникации также уже давно существуют вне принципа реальности. Что касается террора, то известно, что в гомеопатических дозах он присутствует повсюду, в институциональном насилии, как ментальном, так и физическом. Терроризм просто кристаллизирует все компоненты суспензии. Он доводит до конца эту оргию власти, либерализации, потоков и расчетов, олицетворением чего были башни-близнецы, являясь при этом резкой деконструкцией этой крайней формы эффективности и гегемонии.

Поэтому, стоя на Ground Zero¹¹⁰, среди развалин глобального всемогущества, мы можем лишь в отчаянии обнаружить свое собственное отражение [image].

Впрочем, ничего другого нельзя увидеть на Ground Zero — даже признаков враждебности по отношению к незримому врагу. Там лишь царит глубокое сострадание американского народа по отношению к самому себе — в развевающихся звездно-полосатых флагах, мемориальных плитах, культе жертв и постмодернистских героев, которыми являются пожарные и полицейские. Сострадание как национальная страсть народа, который хочет быть один на один с Богом и предпочел бы считать себя скорее пораженным Богом, чем какой-то злой силой. «God bless America»¹¹¹ [Боже, благослови Америку] превратилось в «Наконец-то

Бог поразил [blesser] нас». Сначала потрясение, но, в конечном счете, вечная признательность и благодарность за то Божественное внимание, которое сделало их жертвами.

Моральное сознание рассуждает таким образом: поскольку мы — Добро, поразить нас может только Зло. Но если для тех, кто считает себя воплощением Добра, Зло невообразимо, то поразить может только Бог. И за что это наказание, если только не за избыток Добродетели и Могущества, за эту чрезмерность, которая указывает на совладение Добром и Всемогуществом? Наказание за то, что в Доброте и воплощении Добра зашли слишком далеко. Это никого не смущает и не мешает по-прежнему творить Добро без зазрения совести. И следовательно, чувствовать себя еще ближе к Богу. И следовательно, еще больше игнорировать существование Зла.

Братом-близнецом сострадания (это тоже близнецы, как и башни) является высокомерие. Мы оплакиваем сами себя, но в то же время мы самые сильные. А что дает нам право быть самыми сильными, так это то, что мы теперь являемся жертвами. Это идеальное алиби, это психогигиена жертвы, которая позволяет ей смыть с себя всю вину и пользоваться своим несчастьем, словно, так сказать, кредитной картой.

Американцам не хватало такой травмы (в Перл-Харбор они были атакованы в военном плане, это

не было символической агрессией). Идеальный реверс для нации, наконец-то пораженной в самое сердце и — во искупление — ничем не ограниченной в осуществлении своей власти с чистой совестью. Созданная в мечтах научной фантастики ситуация: некая темная сила, которая хочет нас уничтожить, но которая до сих пор существовала только в нашем бессознательном (или в какой-то еще извилине головного мозга). И вот внезапно эта сила материализуется благодаря терроризму! И вот ось Зла завладевает бессознательным Америки и с жестокостью осуществляет то, что было лишь фантазмом и вымыслом!

Все это происходит потому, что Другой, как и Зло, невообразим. Все это происходит из-за невозможности представить себе Другого — друга или врага — в его радикальной инаковости, в его непреодолимой чуждости. Неприятие, проистекающее из полной идентификации с самим собой на основе моральных ценностей и технической мощи. Это Америка, которая считает, что есть только Америка, и, в отсутствии иного, всматривается в саму себя со все более безумным состраданием.

Давайте внесем ясность: Америка здесь лишь аллегория или универсальная фигура всякой власти, которая не может вынести даже призрака вражды. Как Другой, если он не идиот, психопат или фанатик, может хотеть отличаться, отличаться бесповоротно, даже без малейшего желания

присоединиться к нашему универсальному евангелию.

Таково высокомерие империи — как в аллегории Борхеса (Зеркальные существа¹¹²): побежденные народы были изгнаны по ту сторону зеркал, где, лишенные своего облика, они осуждены на то, чтобы отражать образ своих победителей. (Но однажды рабы начинают все меньше и меньше напоминать своих победителей, вновь обретают свои собственные черты, и в конце концов они разбивают зеркала и нападают на империю.)

Такое же изгнание по ту сторону зеркала мы находим у Филиппа Мюрея¹¹³ в его обращении «Дорогие джихадисты»: «Это мы вас создали, джихадисты и террористы, и вы закончите как узники нашего подobia. Ваш радикализм — это наш радикализм, который мы вам сбагрили. Мы можем это сделать, потому что мы безразличны ко всему, даже к нашим собственным ценностям. Вы не можете убить нас, потому что мы уже мертвы. Вы думаете, что боретесь с нами, но бессознательно вы уже стали частью нас, вы уже ассимилированы». И еще: «Вы хорошо поработали, но то, что вы сделали, это было самоубийство вашей исключительности [singularité]... Благодаря своему акту вы снова включились в глобальную игру, которую вы проклиняете».

Это констатация подлости нашей агонизирующей культуры, но также и констатация поражения

всякого насилия антагониста или того, кто себя таковым считает. Бедные бунтовщики, бедные наивные люди! «Мы победим вас, потому что мы более мертвы, чем вы!» Но речь идет не об одной и той же смерти. Когда западная культура видит, как одна за другой блекнут все ее ценности, она угасает в худшем смысле этого слова. Наша смерть — это вымирание, уничтожение, а не символическая ставка — в этом ее убожество. Но когда сингулярность пускает в ход свою собственную смерть, она ускользает от этого медленного истребления, и это красивая смерть. Это игра по-крупному, когда все ставится на одну карту. Лишая себя жизни, сингулярность доводит в то же время до самоубийства Другого — можно сказать, что террористические акты буквально «самоубили» Запад. То есть смерть на смерть, но уже как ставка в символической игре. «Мы уже опустошили наш мир, чего вы хотите еще?» — спрашивает Мюрей. Но именно этот наш уже опустошенный мир нужно еще и разрушить. Разрушить его символически. Это отнюдь не то же самое. И если первое мы могли сделать сами, то второе смогут сделать только Другие.

Даже в акте возмездия или на войне виден тот же самый недостаток воображения — та же самая невозможность восприятия Другого как полноправного противника, то же самое чудесное решение, которое состоит в том, чтобы истреблять его и стирать с лица земли без лишних церемоний.

Сделать ислам воплощением Зла было бы еще для него честью (и для нас заодно). Но мы не так это понимаем: когда говорится, что ислам является Злом, подразумевается, что он действует плохо, потому что он болен, что он применяет насилие, потому что он болен, а все из-за того, что счел себя униженной жертвой и пестует свой ресентимент, вместо того чтобы радостно вступить в Новый Мировой Порядок. Ислам регрессивен и фундаменталистичен от отчаяния. Но если он становится агрессивным, тогда он должен быть обессилен. Одним словом, ислам — это не то, чем он должен быть. А как тогда насчет Запада?

Мы также не в состоянии хотя бы на минуту представить себе, что эти «фанатики» могут заниматься своим делом полностью добровольно и «свободно», не будучи ослепленными, обезумевшими или манипулируемыми. Поскольку это мы обладаем монополией решать, где Добро, а где Зло, под чем подразумевается, что «свободный и ответственный» выбор может быть сделан лишь в соответствии с нашим моральным законом. Это означает, что всякое сопротивление, всякое нарушение наших ценностей может быть сделано лишь в ослепленном сознании (но как происходит это ослепление?). То, что человек «свободный и просвещенный» обязательно выберет Добро, это наше всеобщее предубеждение, к тому же парадоксальное, поскольку человек, поставленный перед тако-

го рода «рациональным» выбором, по сути, уже не свободен в своем решении (психоанализ также специализировался на интерпретации подобных «сопротивлений» [résistances]).

На этот счет Лихтенберг¹¹⁴ говорит нам нечто очень странное и очень оригинальное, а именно: истинное применение свободы заключается в злоупотреблении ею и в чрезмерном ее использовании. Включая ответственность за свою собственную смерть и смерть других. Отсюда абсурд определения «трусы» применительно к террористам: трусы — потому что выбрали самоубийство, трусы — потому что сделали жертвами невинных людей (в то же время мы не обвиняем их в том, что из своего действия они извлекают выгоду в виде пропуска в рай).

Следовало бы все-таки попытаться выйти за пределы морального императива безусловного уважения к человеческой жизни и представить себе, что можно уважать в Другом и в себе нечто иное, большее, чем жизнь (существование — это еще не все, это даже не самая важная вещь): судьбу, причину, гордость, славу и самопожертвование. Существуют символические ставки, которые выходят далеко за пределы существования и свободы, потеря которых для нас невыносима, потому что мы сделали из них ценности-фетиши универсального гуманистического порядка. Вследствие этого мы не можем представить себе теракт, совер-

шенный на условиях полной самостоятельности и «свободы совести». Однако выбор, понимаемый как символическое обязательство, иногда бывает весьма загадочным, как в случае Жана-Клода Романа¹¹⁵, человека, ведущего двойную жизнь, который убивает всю свою семью не из страха быть разоблаченным, но чтобы не причинять своим близким глубокое разочарование из открытия его двуличности. Самоубийство в этой ситуации не изгладило бы преступления, а просто перебрало бы позор на других. Где смелость, а где трусость? Вопрос о свободе — собственной или чужой — уже не помещается в рамках морального сознания, и высшая свобода должна давать нам возможность распоряжаться ею вплоть до злоупотребления ею или принесения ее в жертву. Омар Хайям: «Важней свободного сковать цепями ласки, / Чем даже тысячу рабов освободить».

В такой перспективе наблюдается почти полный разворот диалектики господства, парадоксальная инверсия отношений господина и раба. Когда-то господином был тот, кто подвергался риску смерти и мог пустить ее в ход. А рабом был тот, кто, лишенный смерти и судьбы, был обречен на выживание и на работу. А как сегодня? Мы, сильные мира сего, отныне застрахованные от смерти и сверхзащищенные со всех сторон, занимаем именно позицию раба, тогда как те, кто распоряжается своей смертью и для кого сохранение жиз-

ни не является единственной целью, как для нас, именно они сегодня символически занимают позицию господина.

Еще одно серьезное возражение, на этот раз не относительно мотива, но относительно символического содержания террористического акта. Является ли теракт 11 сентября — этот жестокий вызов, брошенный торжествующей логике глобализации, — символическим актом в полном смысле этого слова (то есть актом, ведущим к реверсии и трансмутации ценностей)? По мнению Каролины Генрих¹¹⁶, например, террористы, атакуя логику симуляции и безразличия¹¹⁷ во имя системы ценностей и высшей реальности, лишь возрождают новую логику идентичности. «Противостоя логике безразличия, — говорит Генрих, — террористы пытаются вернуть смысл тому, что его уже не имеет». Реальности, которая для нас является тем, чем является, то есть референциальной иллюзией, террористы лишь подставляют новые смыслы, новые ценности, идущие из глубины веков.

В этом же их упрекает и Филипп Мюррей: «Мы ликвидировали все наши ценности, в этом же смысл всей нашей истории, а вы нам опять приносите ваши призрачные ценности, вашу призрачную идентичность, вашу „слаженность“, которую вы противопоставляете разлагающемуся миру». Террористы принимают «симулированные» референты (башни, рынок, западную мегакульту-

ру) за реальные. Противостоя бесчеловечности полного обмена [l'échange intégral], они заново открывают метафизику истины (опять же, по мнению Каролины Генрих). Однако прежде всего следовало бы разобраться не с симуляцией, а с самой истиной. Нет никакого смысла бороться с симулякрами, чтобы возвратиться к истине. Нет никакого смысла бороться с виртуальностью, чтобы возвратиться к реальности.

Тем более что, по словам Каролины Генрих, террористы сами находятся в полной симуляции: террористический акт просчитывался с помощью моделирования. Это замечательный пример прецедента моделей по отношению к реальности (для выработки антитеррористических стратегий даже обращались к голливудским режиссерам в качестве консультантов). Кроме того, их акция во всех отношениях моделируется согласно технологическому устройству [dispositifs] системы. Как в таком случае, играя в ту же самую игру, что и она, можно стремиться к ниспровержению конечных целей системы?

Серьезное возражение, но упрощенное тем, что оно ограничивается религиозным и фундаменталистским дискурсом террористов, согласно которому они на самом деле намереваются противостоять глобальной системе во имя высшей истины. Но это не в дискурсе, а в самом действии происходит «минимальное вторжение реверсив-

ности», которое делает этот акт символическим. Террористы атакуют систему интегральной реальности действием, которое в сам момент его совершения не имеет ни истинного смысла, ни референции в ином мире. Речь идет о том, чтобы просто разрушить систему — которая сама безразлична к собственным ценностям — ее собственным оружием. Не только ее технологическим оружием, но и тем, что террористы усваивают прежде всего и из чего делают свое решающее оружие, — это бессмыслица и безразличие, которые лежат в основе системы.

Их стратегией является стратегия реверсии и переворота власти — не во имя морального или религиозного противостояния либо какого-то там «столкновения цивилизаций», а в силу чистого и простого неприятия этого глобального всемогущества.

Кроме того, совсем не обязательно быть исламом или апеллировать к высшей истине, чтобы счесть этот мировой порядок неприемлемым. Исламисты или нет, мы разделяем это фундаментальное неприятие, а в самом сердце этого могущества налицо многие признаки беспорядка, надлома и хрупкости. Это и есть «истина» террористического акта, другой не существует, и уж тем более не является ею фундаментализм, с которым этот акт отождествляется, чтобы легче его было дискредитировать.

Терроризм возрождает то, что в системе различий и обобщенного обмена не подлежит обмену. Различие и безразличие отлично между собой обмениваются. Событием является то, что не имеет эквивалента. И террористический акт не имеет эквивалента в виде какой-то трансцендентной истины.

Когда Каролина Генрих противопоставляет террористическому акту граффити как единственный символический акт в полном смысле этого слова, потому что граффити ничего не означает и использует пустые знаки, которые доводит до абсурда, она сама не понимает, насколько близка к истине: граффити как раз и является террористическим актом (и также в этом случае все началось с Нью-Йорка) не из-за вписанной в него претензии идентичности: «Меня зовут так-то, я есть, я живу в Нью-Йорке», — но из-за его невписываемости в стены и архитектуру города, из-за резкой деконструкции самого означающего (вытатуированные граффитистами составы метрополитена погружались в сердце Нью-Йорка точно так же, как «боинги» террористов вонзались в башни-близнецы).

Вся проблема заключается в проблеме реального. Согласно Жижеку¹¹⁸, главной страстью XX и XXI столетий является эсхатологическая страсть к реальному, ностальгическая страсть к предмету, либо уже утраченному, либо находящемуся в процессе исчезновения. И террористы, по сути, лишь удовлетворили это патетическое требование реального.

Так же и для Филиппа Мюрея терроризм джихадистов — это лишь судороги агонизирующего реального, осложнение подходящей к концу драматичной истории, которая корчится в судорогах именно потому, что умирает. Но это обращение к порядку Реальности и Истории само патетично, потому что соответствует предыдущей фазе, а не актуальной фазе интегральной реальности, которая является также фазой глобализации. На этой стадии ответом уже не может быть никакое отрицание. Единственным ответом на «фундаменталистское» наступление глобальной системы может быть только вторжение сингулярности, что не имеет ничего общего с реальным.

Самая новая и самая эксцентричная из числа интерпретаций 11 сентября та, согласно которой все является результатом внутреннего террористического заговора (ЦРУ, ультраправые фундаменталисты и т. д.). Этот тезис вырос из поставленной под сомнение воздушной атаки на Пентагон и, как следствие, атаки на башни-близнецы (Тьерри Мейсан. «Чудовищная махинация»).

А если все это ложь? Если все было сфальсифицировано? Тезис настолько ирреальный, что заслуживает быть принятым во внимание, как и всякое экстраординарное событие заслуживает быть поставленным под сомнение: в нас всегда сосуществуют одновременно ожидание радикального события и ожидание полного надувательства. Фан-

тазм махинации, который, впрочем, довольно часто подтверждается: уже и не счесть количество кровавых провокаций, покушений, «несчастливых случаев», срежиссированных всевозможными группировками и спецслужбами.

Опуская фактическую правду о 11 сентября, которую, по-видимому, мы никогда не узнаем, то, что остается от этого тезиса, — знакомое утверждение, что господствующее всемогущество является вдохновителем всего, в том числе последствий субверсии и насилия, принадлежащего порядку иллюзии реальности [trompe-l'œil]. Это самое худшее, но все же это совершили мы. Конечно, это не повод для гордости за наши демократические ценности, но это все же лучше, чем признать, что темные джихадисты оказались в состоянии нанести нам такое поражение. Еще в связи с катастрофой «боинга» над Локерби¹¹⁹ долгое время предпочитали гипотезу, согласно которой причиной катастрофы была техническая неисправность, а не террористический акт. Несмотря на то что признавать свои собственные недостатки нелегко, мы все же лучше предпочтем сделать это, чем признать силу другого (что не мешает параноическому разоблачению оси Зла).

Если бы оказалось, что такая мистификация возможна, если бы событие было раздуто на пустом месте, это очевидно означало бы, что оно не имеет никакого символического значения (если близнецы были взорваны изнутри, потому что

удара извне оказалось недостаточно для их обрушения, тогда очень трудно было бы сказать, что они совершили самоубийство!). Речь шла бы уже только о политическом заговоре. И все же... Даже если все это было делом какой-то клики экстремистов или военных, это все равно было бы ясным знаком (так же как теракт в Оклахома-Сити¹²⁰) саморазрушительного внутреннего насилия, смутной склонности общества к соучастию в его собственной гибели, проиллюстрированной распрями на высшем уровне между ЦРУ и ФБР, которые, взаимно нейтрализуя свою информацию, дали террористам беспрецедентный шанс на успех.

11 сентября со всей силой поднимает вопрос реальности, тогда как надуманная гипотеза заговора является побочным продуктом воображаемого. Отсюда, по-видимому, тот пыл, с которым этот тезис был отвергнут со всех сторон. Или, быть может, потому, что он антиамериканский и оправдывает террористов? (Но оправдать — это значит лишить их ответственности за событие, что совпадает с презрительной точкой зрения, согласно которой исламисты никогда не были способны на такой перформанс). Нет, это скорее негационистский¹²¹ аспект данного тезиса вызывает такую резкую реакцию. Отрицание реальности — само по себе террористично. Лучше все что угодно, чем оспаривание ее как таковой. То, что нужно спасать прежде всего, так это принцип реальности. Негационизм — враг обще-

ства номер один. Однако на самом деле мы уже живем в полной мере негационистском обществе. Больше ни одно событие не является реальным. Терракты, судебные процессы, война, коррупция, опросы общественного мнения — больше нет ничего, что не было бы сфальсифицировано или неразрешимо. Власть, госорганы, институции — первые жертвы этого грехопадения принципов истины и реальности. Повсюду бушует недоверие. Теория заговора — это лишь небольшой бурлескный эпизод в этой ситуации ментальной дестабилизации. Отсюда жгучая необходимость борьбы с этим ползучим негационизмом и спасения любой ценой лежащей под капельницей реальности. Ведь если терроризму и физической нестабильности можно противопоставить весь аппарат репрессии и апотропии, то от этой ментальной нестабильности нас ничто не защитит.

Впрочем, все стратегии общественной безопасности являются лишь продолжением террора. И настоящей победой терроризма является погружение всего Запада в манию безопасности, то есть в завуалированную форму постоянного террора.

Призрак терроризма вынуждает Запад терроризировать самого себя: планетарная полицейская сеть и являющаяся эквивалентом напряженности всеобщей холодной войны четвертая мировая проникает в наши тела и нравы.

Так, например, сильные мира сего недавно собрались в Риме, чтобы подписать декларацию, ко-

торая, как они все в унисон заявляют, поставит окончательную точку в холодной войне¹²². Однако сами не покинули даже аэродрома, остались за оградой, расположившись прямо на летном поле в окружении бронемашин, колючей проволоки и вертолетов, то есть всех этих символов новой холодной войны, войны вооруженной безопасности и непрерывной апотропии невидимого врага.

Ни политически, ни экономически уничтожение башен не наносит поражение глобальной системе. Тут действует нечто иное: электрошок агрессии, дерзость ее успеха и, как следствие, утрата доверия, крах имиджа. Потому что система может функционировать только тогда, когда может обмениваться на свой собственный образ, отражаться в себе, как башни отражались в своем полном подобии, ощущать свой эквивалент в виде идеальной референции. Именно это делает ее неуязвимой — и именно эта эквивалентность была разрушена. Именно в этом смысле, столь же неуловимом, как терроризм, система все же была поражена в самое сердце.

НАСИЛИЕ ГЛОБАЛЬНОГО¹²³

Сегодняшний терроризм не является преемником анархии, нигилизма и фанатизма, какими мы знаем их из традиционной истории. Сегодняшний

терроризм является современником глобализации, и, чтобы уловить его особенности, необходимо представить краткую генеалогию глобализации в ее соотношении с универсальным и сингулярным.

Между понятиями «универсальный» и «глобальный» есть обманчивое сходство. Универсализация связана с правами человека, разнообразными свободами, культурой, демократией. Глобализация — с технологиями, рынком, туризмом, информацией. Глобализация представляется неотвратимой, тогда как универсализация скорее на пути к исчезновению. По крайней мере, универсализм, понимаемый как система ценностей в контексте западной модерности¹²⁴, не имеющей аналогов ни в какой другой культуре.

Всякая культура, которая универсализируется, теряет свою сингулярность и погибает. Это произошло как со всеми теми культурами, которые мы уничтожили, насильно их ассимилируя, так и с нашей культурой в ее претензии на универсальность. Разница в том, что другие культуры погибли из-за своей уникальности [singularité], и это красивая смерть, тогда как мы умираем из-за потери какой-либо уникальности, из-за уничтожения всех наших ценностей, и это плохая смерть.

Мы полагаем, что идеальное предназначение любой ценности состоит в возведении ее до уровня универсальной, не учитывая при этом, какую

смертельную опасность представляет собой такое продвижение: на самом деле это скорее не возведение, а разведение, размазывание ценности и низведение ее к нулевой степени.

Со времен Просвещения универсализация происходила из-за переизбытка, согласно восходящей линии прогресса, сегодня она происходит из-за недостатка, находясь в стремительном пике по направлению к наименьшему общему знаменателю. Так происходит с правами человека, свободой, демократией: экспансия этих ценностей совпадает со все более ослабляющимся их определением [définition].

Фактически, универсальное погибает в процессе глобализации. Глобализация обменов кладет конец универсальности ценностей. Это триумф единомыслия над универсальным мышлением. То, что глобализируется в первую очередь, это рынок, все разнообразие обменов и товаров, непрерывный денежный оборот. В культурном плане это промискуитет всех знаков и всех ценностей, то есть порнография. Поскольку глобальное распространение в Сети всего и вся — это и есть порнография, нет никакой необходимости в сексуальной общенности — достаточно этой интерактивной копуляции. И, как результат всего этого, нет больше никакой разницы между глобальным и универсальным. Универсализм сам глобализировался, демократия и права человека циркулируют точно так

же, как любой другой глобальный продукт, как нефть или как капиталы.

То, что происходит с переходом от универсального к глобальному, это одновременно гомогенизация и фрагментация до бесконечности. Не локальность сменила централизм, а дислокация. Не децентрализация сменила централизацию, а эксцентричность. А дискриминация и маргинализация не побочные последствия — это заложено в самой логике глобализации.

В таком случае встает вопрос: не разрушился ли тогда универсализм под весом собственной критической массы, да и вообще существовал ли когда-либо он и модерность, кроме как только в официальных речах [discours] и официальной морали? Как бы то ни было, для нас зеркало универсализма разбито. Но, может быть, это шанс, потому что в осколках этого разбитого зеркала все сингулярности появятся вновь: те, что считались под угрозой, уцелеют; те, что считались погибшими, воскреснут.

Ситуация радикализуется по мере того, как общечеловеческие [universelles] ценности теряют свой авторитет и легитимность. До тех пор пока они были необходимы в качестве посреднических ценностей, им удавалось с большим или меньшим успехом интегрировать сингулярности как различия в универсальной культуре различий (мультикультурализм), но отныне им это больше не удает-

ся, потому что торжествующая глобализация сметает все различия и ценности, кладя начало совершенно безразличной культуре (или бескультурью). С тех пор как исчез универсализм, всемогущая глобальная техноструктура осталась лицом к лицу со вновь одичавшими и предоставленными самим себе сингулярностями.

Универсализм имел свой исторический шанс, но сегодня — в столкновении с безальтернативным мировым порядком, с одной стороны, и с неуправляемыми или восстающими сингулярностями — с другой — понятия свободы, демократии, прав человека сильно блекнут, превращаясь в фантомы исчезнувшего универсализма.

Универсальное было культурой трансцендентности, субъекта и концепта, реального и репрезентации. Виртуальное пространство глобального — это пространство экрана, сетей, имманентности¹²⁵, цифрового формата — безразмерное пространство-время. В универсальном еще была естественная отсылка [référéncе] к миру, телу, памяти. Было что-то вроде диалектического напряжения и критического движения, которые находили свое выражение в историческом и революционном насилии. Именно вытеснение этой критической негативности дает дорогу другому виду насилия — насилию глобального: верховенству одной лишь позитивности и технической эффективности, всесторонней организации, интегральной циркуляции, эк-

вивалентности всех обменов. Отсюда и конец роли интеллектуала, связанной с Просвещением и универсализмом, а также и роли борца, связанной с историческими противоречиями и насилием.

Неизбежна ли глобализация? Все другие культуры, в отличие от нашей, каким-то образом смогли избежать фатальности безразличного обмена. Где критический порог перехода к универсальному, а затем к глобальному? Что за соблазн толкает мир к абстракции Идеи и что за страстное желание толкает к безоговорочной реализации этой Идеи?

А ведь универсальное было Идеей. Как только Идея реализуется в глобальном, она кончает с собой как Идея, как идеальная цель. Человеческое становится единственной точкой отсчета, и человечество, имманентное самому себе, занимает пустующее место умершего Бога — отныне человеческое царит безраздельно, но оно больше не имеет конечного смысла. Не имея больше врагов, оно вырабатывает их изнутри, выделяя из себя всевозможные нечеловеческие метастазы.

Отсюда это насилие глобального, насилие системы, которая преследует любую форму негативности и сингулярности, включая крайнюю форму сингулярности, которой является смерть сама по себе, насилие общества, где все мы практически лишены права на конфликт, лишены права на смерть, насилие, которое, так сказать, кладет ко-

нец самому насилию и которое пытается установить мир, свободный от любого естественного порядка, будь то телесность, секс, рождение или смерть. Более даже чем о насилии следует говорить о вирулентности. Насилие глобального имеет вирусный характер: оно осуществляется через заражение, цепную реакцию и постепенно разрушает весь наш иммунитет и нашу способность сопротивляться.

Однако игра еще не закончилась и глобализация заведомо не выиграла. Перед лицом этой гомогенизирующей и разлагающей власти видно, как повсюду возникают гетерогенные силы — не просто разные, но антагонистические. За все более сильным сопротивлением глобализации, сопротивлением социальным и политическим, надо видеть нечто большее, чем архаичное неповиновение: что-то вроде мучительного ревизионизма касательно достижений модерности и «прогресса», что-то вроде отторжения не только глобальной техноструктуры, но и ментальной структуры эквивалентности всех культур. С точки зрения нашей просвещенной мысли это воскрешение может принять насильственный, аномальный, иррациональный аспекты — как в виде коллективных этнических, религиозных, языковых форм, так и в виде индивидуальных поведенческих и невротических форм. Было бы ошибкой осуждать эти вспышки как популистские, архаичные или даже

террористические. Все то, что сегодня является событием, действует против этой абстрактной универсальности глобального, включая антагонизм ислама и западных ценностей (именно потому, что он их наиболее яростно оспаривает, ислам сегодня — враг номер один).

Что может помешать глобальной системе? Конечно же не антиглобалистское движение, единственная цель которого — притормозить дерегуляцию. Его политическое влияние может быть ощутимым, но символическое — ничтожно. Такое насилие к тому же что-то вроде внутренней перипетии, которую система может преодолеть, оставаясь хозяином положения [maître du jeu].

То, что может помешать системе, так это не позитивные альтернативы, а сингулярности. Они не являются ни позитивными, ни негативными. Они не являются альтернативой — они принадлежат к другому порядку. Они уже не подчиняются ни оценочным суждениям, ни принципам политической реальности. Следовательно, они не могут быть лучше или хуже. Их нельзя объединить в общем историческом действии. Они мешают любому единомыслию и любой доминанте, но сами не являются контрединомыслием — они изобретают свою игру и свои собственные правила игры.

Сингулярности не являются непременно насильственными, есть среди них и деликатные [subtiles], такие как язык, искусство, телесность,

культура. Но есть и жестокие — терроризм одна из них. Это сингулярность, которая мстит за все уникальные [singulières] культуры, которые заплатили своим исчезновением за установление этого единого глобального всемогущества.

Следовательно, речь идет не о «столкновении цивилизаций¹²⁶», но о почти антропологическом противостоянии между безразличной универсальной культурой и всем тем, что в какой бы то ни было области сохраняет нечто от непокорной инаковости.

Для глобального всемогущества, не менее фундаменталистского, чем религиозная ортодоксия, все отличные от него сингулярные формы являются ересями. Поэтому они обречены либо на добровольное или принудительное возвращение в лоно глобального порядка, либо на исчезновение. Миссия Запада (или скорее экс-Запада, поскольку он уже давно утратил собственные ценности) заключается в том, чтобы всеми доступными средствами подчинить многообразие культур бесчеловечному закону эквивалентности. Культура, которая утратила свои собственные ценности, может лишь мстить другим за то, что они у них есть. Даже войны, такие как в Афганистане, помимо политической и экономической стратегии, прежде всего направлены на нормализацию дикости и ударное выравнивание всей территории. Цель — сокращение всех непокорных зон, колонизация и покорение

ние всех диких пространств, как географических, так и ментальных.

Создание глобальной системы является результатом страшной зависти — зависти безразличной культуры с размытыми определениями по отношению к культуре с четкими определениями, зависти дезиллюзированной, дезинтенсифицированной системы, по отношению к культурам высокой интенсивности, зависти десакрализованного общества по отношению к культурам, сохранившим жертвенные формы. Для подобной системы любая непокоренная форма потенциально террористична*. Например, опять же Афганистан. Если на территории, где все «демократические» права и свободы (а также музыка, телевидение и даже лица женщин) под запретом, если страна полностью отвергает то, что мы называем цивилизацией, на какие бы религиозные устои она ни ссылалась, это полностью невыносимо для остального «свободного» мира. Даже и речи не может быть о том, чтобы модернность со всей ее претензией на универсальность возможно отрицать. Если она не является для кого-то несомненным Добром и чистым идеалом рода людского, с точки зрения единомыслия и консенсуального кругозора Запада это является преступлением; если универсальность наших нравов и наших ценностей кем-то ставится под сомнение, хоть немногими скептиками, это тут же характеризуется как фанатизм и изуверство.

Это противостояние (между глобальным и сингулярным) может быть понято лишь в свете символического обязательства. Чтобы понять ненависть всего остального мира к Западу, нужно сменить угол зрения. Это не ненависть тех, у кого взяли все и не вернули ничего, скорее это ненависть тех, кому все дали так, чтобы они не могли это вернуть. Следовательно, это не ненависть экспроприированных и эксплуатируемых, это ненависть униженных и оскорбленных. И именно на это терроризм ответил 11 сентября: унижением на унижение.

Худшее, чему может подвергнуться глобальное всемогущество, это не агрессия или разрушение, это унижение. И 11 сентября оно было унижено, поскольку террористы нанесли ему то, что оно не сможет вернуть. Все ответные действия, какие теперь применяет аппарат, связаны только с физической расплатой, в то время как поражение было нанесено символически. Война является ответом на агрессию, но не на брошенный вызов. Единственный способ принять вызов — это унижить Другого в ответ (но уж точно не стирая его в пыль под бомбами и не загоняя, словно скот, в Гуантанамо¹²⁷).

Основа всякого господства — это отсутствие возможности возмещения, согласно все тому же фундаментальному правилу. Односторонний дар — это акт власти. Имперство Добра, насилие

Добра именно в том, чтобы давать без возможности возмещения. То есть быть в положении Бога. Или господина, который оставляет жизнь рабу в обмен на его работу (но работа не является символическим возмещением, поэтому единственным ответом, в конечном счете, является либо бунт, либо смерть). Но Бог оставляет еще место жертвоприношению. В традиционном порядке всегда есть возможность возвращения дара Богу, природе или любой другой инстанции — в виде жертвы. Это то, что обеспечивает символическое равновесие существ и вещей. Сегодня больше нет никого, кому можно было бы возратить символический долг, — в этом и есть проклятие нашей культуры. Дело не в том, что дар невозможен, дело в том, что невозможен контрдар, поскольку все пути жертвоприношения отрезаны и обезврежены (остается только пародия жертвы, осязаемая во всех сегодняшних формах виктимальности¹²⁸).

Таким образом, мы находимся в патовой ситуации, получая, всегда получая, но уже не от Бога или природы, а благодаря техническому устройству [dispositif] обобщенного обмена и общего довольствования. В принципе, нам все дано, и мы имеем право на все, хотим мы этого или нет. Мы находимся в положении рабов, которым оставили жизнь и которые связаны неоплатным долгом. Все это может функционировать очень долго, потому что вписано в систему обмена и в эконо-

мический порядок, но в какой-то момент фундаментальное правило преобладает, и позитивный перенос неизбежно сменится негативным контрпереносом, сильной абреакцией на эту рабскую жизнь, на это защищенное существование, на это пресыщение существованием. Эта реверсия может принять форму либо открытого насилия (в частности, терроризма), либо бессильного неприятия действительности, характерных для нашей современности ненависти к себе и угрызений совести — всех тех отрицательных эмоций, которые являются искаженной [dégradée] формой невозможного контрдада.

То, что мы ненавидим в себе, смутный объект нашего ресентимента — это как раз избыток реальности, избыток власти и комфорта, эта вседозволенность, это окончательное исполнение, это, по сути, судьба, которую уготовил для покоренных масс Великий Инквизитор Достоевского. Именно это отвергают террористы в нашей культуре — отсюда отклик, который вызывают у нас терроризм и фанатизация, которую он излучает.

Точно так же как и на отчаянии униженных и оскорбленных, терроризм основывается на незримом отчаянии привилегированных от глобализации, на нашей собственной покорности интегральной технологии, подавляющей виртуальной реальности, засилью сетей и программ; на отчаянии, которое, по-видимому, уже очерчивает инво-

люционный профиль целого вида, рода человеческого, ставшего «глобальным» (верховенство Запада по отношению к остальному миру не является ли прообразом верховенства человеческого вида над всем остальным на планете?). И это незримое отчаяние — наше собственное — безапелляционно, ведь оно происходит из осуществления всех желаний.

Следовательно, если терроризм проистекает из избытка реальности и его невозможного обмена, из этой щедрости без возможности возмещения, из принудительного урегулирования конфликтов, тогда искоренение его как объективного зла — полная иллюзия, поскольку терроризм, как он есть, в своей абсурдности и своей бессмыслице, является осуждением и приговором, который это общество само себе и выносит.

* Можно даже выдвинуть предположение, что стихийные бедствия — это форма терроризма. В крупных техногенных катастрофах, таких как в Чернобыле, есть что-то и от террористического акта, и от стихийного бедствия одновременно. Отравление токсичным газом в индийском Бхопале — техногенная катастрофа — могло бы быть террористическим актом. За каждую случайную авиакатастрофу также можно возложить ответственность на какую-нибудь террористическую группировку. Отличительной чертой иррациональных

событий является то, что в них можно обвинить кого угодно и что угодно. В конце концов, при творческом подходе почти все может иметь преступные корни, даже заморозки или землетрясения, — впрочем, это далеко не ново: после землетрясения в Токио в 1923 году мы уже были свидетелями резни тысяч корейцев, которых обвинили в ответственности за сейсмические толчки.

В такой интегрированной системе, как наша, все может иметь дестабилизирующий эффект. Все может способствовать внезапному отказу системы, которая претендует на безотказность. И, учитывая все то, чему мы уже подвергаемся в рамках ее рационализации и программатизации, можно задаться вопросом: не является ли наихудшей катастрофой безотказность системы сама по себе?

ПОД МАСКОЙ ВОЙНЫ ¹²⁹

«Ни за, ни против. Совсем наоборот»¹³⁰ — так называется фильм Седрика Клапиша. Ни за, ни против войны. «Совсем наоборот» означает, что нет никакого различия между войной и не-войной и что, прежде чем высказываться за или против, необходимо иметь четкое представление о статусе события. Вторая война в Заливе — не-событие, а высказываться о не-событии — абсолютно бессмысленно. Гораздо важнее понять, что

эта война скрывает, что замещает, что пытается изгнать. И долго искать не придется: событие, которому противостоит не-событие войны, это 11 сентября.

Анализ должен исходить из этого стремления аннулировать, стереть из памяти, отмыться от первичного события, что делает эту войну призрачной, так сказать, невообразимой, ведь в ней нет ни необходимости, ни конечной цели, ни настоящего врага (Саддам лишь марионетка), эта война лишь попытка заговорить то событие, которое никак невозможно забыть. В результате чего прямо сейчас, еще прежде чем начаться, она уже стала бесконечной. По сути, она уже произошла, а ее напряженное ожидание само по себе является частью надувательства. С ожидания начинается бесконечность войны, которая никогда не произойдет. И отныне именно этот саспенс — то, что ждет нас в будущем: повсеместная (теле)трансляция шантажа и террора под видом универсального принципа их пресечения¹³¹.

Действие подобного механизма хорошо показано в недавнем фильме Стивена Спилберга «Особое мнение»¹³². Основываясь на предвидении преступлений, которые еще только должны произойти, сотрудники спецподразделения полиции перехватывают преступника, прежде чем он что-то совершит. Именно таков сценарий войны в Ираке: уничтожить в зародыше преступление, которое

еще только должно произойти (использование Саддамом оружия массового поражения¹³³). Неминуемо возникает вопрос: насколько вероятно, что предполагаемое преступление было бы совершено на самом деле? Об этом мы не узнаем никогда, ведь оно предотвращено. И дело тут не в Саддаме, а в том, что стоит за всей этой ситуацией: в автоматическом депрограммировании всего, что могло бы произойти, в своего рода пресечении на глобальном уровне не только всякого преступления, но и всякого события, которое могло бы нарушить гегемонию мирового порядка.

Устранение Зла во всех его формах, устранение врага, которого больше не существует как такового (его просто стирают с лица земли), устранение смерти: «нулевая смерть» становится лейтмотивом всеобщей безопасности. Настоящий принцип предохранения, устрашения (апотропии), но в отсутствие равновесия сил устрашения. Апотропия в отсутствие холодной войны, страх [terreur] в отсутствие равновесия страха, беспрестанное и беспощадное пресечение под знаком безопасности — вот что становится стратегией планетарного масштаба.

Зло — это то, что случается без предупреждения и, следовательно, без возможности его пресечения. Именно это произошло 11 сентября, и именно поэтому оно является событием и коренным образом противостоит не-событию войны.

11 сентября — событие невозможное, невообразимое. Оно произошло прежде, чем стало возможным (даже фильмы-катастрофы его не антиципировали, наоборот, они лишь исчерпали наше воображение). 11 сентября относится к порядку радикальной непредсказуемости (когда обнаруживается парадокс, согласно которому нечто становится возможным лишь после того, как оно произошло).

В этом колоссальное различие с войной, которая была настолько предсказуема, запрограммирована, антиципирована, что ей нет никакой необходимости происходить. И даже если она произойдет на самом деле, то не станет событием, поскольку уже произошла виртуально. Реальное в данном случае располагается на горизонте виртуального. Это ощущение виртуальности усиливается еще и благодаря тому, что анонсированная война словно бы дубль, клон войны в Заливе (так же как Буш-младший — клон Буша-старшего). Таким образом, ключевое событие словно заключено в скобки этими двумя событиями-клонами.

Исходя из всего этого совершенно ясно, что данная война — это подложное [substitution] событие, призрачное, марионеточное — по образу и подобию Саддама. Это колоссальная мистификация для самих американцев. 11 сентября запустило не только процесс переживания, но и одновременно невероятный процесс предохранения: американцы

старались сделать так, чтобы 11 сентября не произошло, согласно тому же принципу пресечения, но в этот раз в ретроспективном плане. Стремление безнадежное и бесцельное.

Но в таком случае какова же окончательная стратегия или что же является объективным результатом этого превентивного шантажа? Речь идет не о предотвращении преступления, воцарении Добра или направлении мира на путь истинный. И даже цены на нефть и непосредственные геостратегические соображения не являются основным мотивом. Конечная причина состоит в том, чтобы установить порядок абсолютной безопасности, повсеместной нейтрализации населения на основе окончательной и бесповоротной бессобытийности. В каком-то смысле можно сказать, что речь идет о конце истории, однако вовсе не под знаком торжествующего либерализма и достижения демократии, как у Фукуямы¹³⁴, а на основе превентивного террора, который кладет конец всякому возможному событию.

Террор, просочившийся по всей системе и заставивший ее терроризировать саму себя под видом обеспечения безопасности, — это и есть победа терроризма. И если виртуальная война была выиграна мировым порядком на территории, то в символической плоскости победа осталась за терроризмом, устроившим мировой беспорядок. Впрочем, именно террористический акт 11 сентя-

бря завершил процесс глобализации — не глобализации рынка, капиталов и разнообразных потоков, но глобализации символической, гораздо более основополагающей для мирового господства: он спровоцировал коалицию всех сил — демократических и либеральных, фашистских и тоталитарных, — все спонтанно сплотились и солидаризировались в деле защиты мирового порядка. Все власти мира против одного чужого¹³⁵. Все защитные механизмы и логические обоснования против одного лишь выступления Зла. И в то же время именно против этой мировой власти восстает сам мир, и именно против нее направлена символическая контрвласть терроризма. Он поколебал высокомерие и чрезмерность власти, подчинившей себе весь мир, и уверенность в неизбежности этой непонятной войны.

Этот превентивный террор, основанный на полном презрении к своим собственным (гуманистическим и демократическим) принципам, достиг драматической крайности в эпизоде с захватом Театрального центра в Москве¹³⁶ — здесь все произошло точно так, как в случае с коровьим бешенством, когда из предосторожности убивают всех подряд: Бог отличит правых от виноватых. Заложники и террористы перепутываются в массовой бойне и, таким образом, фактически становятся соучастниками. Террористический принцип экстраполируется на все население. В этом проявля-

ется тайное подозрение власти, что все население само по себе является для нее террористической угрозой. Терроризм в своей деятельности всегда стремится к солидарности с населением, но редко ее добивается. В данном же случае сама власть своим насилием осуществила это невольное соучастие.

Фактически, мы все — заложники власти, и мы имеем дело с коалицией всех властей против всего населения, сегодня это совершенно очевидно на примере неизбежности войны, которая, независимо от мнения мирового сообщества, произойдет в любом случае.

Глядя на эту глобальную ситуацию, остается признать правоту Вирильо, который говорит о гражданской войне планетарного масштаба. Самое драматичное политическое последствие всех этих событий заключается в крушении такого понятия, как международное сообщество, и, в более широком смысле, всей системы представительства и легитимности. И недавно прошедшие во всем мире антивоенные демонстрации, которые многие сочли проявлением протеста оппозиции и контрвласти, сами по себе являются еще более тревожным симптомом этого слома, этого краха всей системы политического представительства, ведь никто не хочет войны, но она все равно произойдет — с более или менее явного согласия правительств всех стран.

Отныне мы имеем дело с властью в чистом виде, с полномочиями без легитимности [souveraineté]. До тех пор пока власть основана на представительстве и ее существование политически оправдано, она может быть чем-то уравновешена — во всяком случае, против нее можно бороться, оспаривать ее. Однако, лишённая подобной легитимности, власть превращается в необузданную, беспелляционную, дикую (причем дикость эта уже опирается не на грубую естественность, а на технологическую развитость). Власть, не имеющая ни легитимной основы [référéncе], ни даже настоящего врага (поскольку он превратился в некое подобие преступного фантома), без зазрения совести оборачивается против своего собственного населения.

Но интегральная реальность власти является также и ее концом. Интегральная власть, которая основывается лишь на пресечении, апотропии, безопасности и контроле, символически уязвима: ей больше не против кого играть, не с кем бороться, и, в конечном итоге, она оборачивается против самой себя. Именно это слабое место, этот внутренний сбой глобального всемогущества и обнаруживает на свой лад терроризм, так же как бессознательное беспокойство выдают оговорки по Фрейду. Именно в этом и заключается «ад власти». Таким образом, с точки зрения власти, 11 сентября было чудовищным вызовом, в результате которого

глобальное всемогущество потеряло лицо. И эта война далека от того, чтобы считать ее ответом на тот вызов, она вовсе не сотрет унижение 11 сентября. Есть что-то пугающее [terrifiant] в той легкости, с которой виртуальный мировой порядок готов вторгнуться в реальность.

То, что совершили террористы, было событием необыкновенным, невыносимо странным. Грядущая не-война кладет начало зловещей обыденности террора.

ПОРНОГРАФИЯ ВОЙНЫ¹³⁷

Всемирный торговый центр — удар электрошоком по могуществу, унижение, которому подверглось это могущество, но извне. Изображения из тюрем Багдада¹³⁸ — хуже, это столь же символически смертельное унижение, которому глобальное всемогущество подвергает само себя, в данном случае американцы, электрошок позора и нечистой совести. Вот в чем связь этих двух событий между собой.

Оба они вызывают бурную реакцию во всем мире: в первом случае чувство сверхъестественного, во втором — чувство омерзения.

В случае 11 сентября — возвышенные образы грандиозного события, во втором случае — унижительные образы нечто такого, что является проти-

воположностью событию, не-события похабной пошлости, ужасного, но заурядного унижения [dégradation] не только жертв, но и авторов-любителей этой пародии на насилие. Ведь самое худшее состоит в том, что речь идет именно о пародии на насилие, пародии на саму войну, о порнографии, ставшей конечной формой мерзости войны, неспособной быть просто войной, на которой просто убивают и которая выродилась в гротескное и инфантильное реалити-шоу, в унылый симулякр военной мощи.

Эти сцены — иллюстрация могущества, достигшего высшей точки, но не представляющего, что самому с собой делать дальше, власти без объекта, без конечной цели, за неимением вероятного противника осознающей свою полную безнаказанность. Это могущество способно лишь подвергать беспричинному унижению других, а, как известно, насилие, применяемое к другим, является, в конечном счете, выражением насилия, применяемого к самому себе. Оно может лишь одновременно унизиться, опуститься и отречься от самого себя в каком-то извращенном остервенении. Низость и гнусность — вот конечные симптомы могущества, не знающего, что делать с самим собой.

11 сентября было словно общей реакцией всех тех, кто не знал, что поделаться с этим глобальным всемогуществом, и не мог больше выносить его. В случае жестокого обращения с иракскими за-

ключенными дело обстоит еще хуже: здесь могущество, которое не знает, что ему с собой делать, настолько само себя не переносит, что пародирует само себя самым бесчеловечным образом.

Эти образы столь же убийственны для Америки, как и образы объятых огнем Всемирного торгового центра. Однако это касается не только Америки, и не стоит валить все на американцев: адская машина сама запустила свое собственное самоуничтожение. По сути, американцы погребены под их же собственным могуществом. У них больше нет способов его контролировать. И все мы причастны к этому могуществу. А в этих изображениях выкристаллизована нечистая совесть всего Запада. Весь Запад стоит за раскатами садистского хохота американских солдат, так же как весь Запад стоит за возведением израильской стены¹³⁹.

Чрезмерное могущество, само себя определяющее как гнусное и порнографическое, — вот в чем кроется истина этих образов. Истина, а не достоверность. Ведь теперь уже не важно, подлинны они или фальшивые. Отныне и всегда мы будем пребывать в неуверенности по поводу образов. Важны лишь их воздействие и та мера, в какой они стали частью этой войны. Отпала необходимость в «прикрепленных [embedded]» журналистах, сами военные погружены в образ, и благодаря цифровой фотокамере образы окончательно интегрированы в войну. Они больше не отображают войну,

они больше не предполагают ни расстояния, ни восприятия, ни суждения. Они, в строгом смысле, больше не принадлежат ни к порядку репрезентации, ни к порядку информации, и внезапно вопрос о том, нужно ли их производить, воспроизводить, распространять, запрещать, и даже самый «главный» вопрос — подлинны они или фальшивые? — становится нерелевантным [не имеющим значения].

Для того чтобы образы представляли собой подлинную информацию, они должны отличаться от войны. Однако теперь они стали точно такими же виртуальными, как и война, а следовательно, их специфическое насилие лишь прибавляется к специфическому насилию войны. Кроме того, благодаря своей вездесущности и нынешнему всемирному правилу всевидимости образы, все актуальные образы превратились, по сути, в порнографические и, таким образом, самопроизвольно стали частью порнографического обличья войны.

Во всем этом, и особенно в последнем эпизоде иракской войны, есть имманентная справедливость образа: тот, кто делает ставку на зрелище, от зрелища и погибнет. Хотите властвовать с помощью образов? Тогда их обратная сторона вас и погубит.

Американцы извлекают из этого и еще будут извлекать горький опыт. И это, несмотря на все «демократические» увертки и унылый симулякр

транспарентности, соответствующий столь же унылому симулякру военной мощи. Кто совершал эти деяния и кто на самом деле несет за них ответственность? Военное начальство? Или же человеческая природа, остающаяся звериной даже при демократии? Настоящий скандал даже не в самом факте применения пыток, а в предательстве тех, кто знал о них и ничего не сказал (или же в предательстве тех, кто разоблачил все это?). Во всяком случае, все реальное насилие переадресовано теперь к проблеме транспарентности демократии, пытающейся превратить в добродетель разоблачение своих собственных пороков.

Но, кроме всего этого, какую еще тайну скрывают эти мерзкие сценографии? Опять же, вопреки всем стратегическим и политическим перипетиям, они являются ответом на унижение 11 сентября, желанием отомстить еще более сильным унижением, худшим, чем смерть. Не считая мешков на головах, что уже является формой обезглавливания (и что неявно соответствует обезглавливанию американца), не считая тесной скученности и вожделения на поводке, принудительное обнажение уже само по себе является изнасилованием. Многие видели, как американские солдаты водили по городу голых и связанных иракцев, а в новелле Патрика Декаерке «Аллах акбар» мы видим Фрэнка, эмиссара ЦРУ, заставляющего араба раздеться догола, надеть ажурные чулки, а за-

тем с силой затягивающего на нем жесткий корсет. В конце концов американец заставляет араба совершить половой акт со свиньей, при этом делая фотографии¹⁴⁰, которые он пошлет в деревню всем его родственникам. Только так чужой может быть истреблен символически. И вот здесь мы видим, что цель этой войны не в том, чтобы убить или победить врага, а в том, чтобы упразднить его, погасить (согласно Канетти¹⁴¹) свет на его небе.

Какое же, в конце концов, признание хотят добиться от этих людей, какую тайну хотят у них вырвать? Все очень просто: во имя чего, на основании чего они не боятся смерти. Вот откуда берется глубокая зависть и месть «нулевой смертью» тем, которые ее не боятся, именно поэтому их наказание будет хуже, чем смерть... Крайняя степень бесстыдства, бесчестие наготы, срывание всех покровов — это все та же проблема прозрачности: сорвать платки с женщин и надеть мешки на головы мужчинам, чтобы добиться еще большей обнаженности, еще большей непристойности... Весь этот маскарад, венчающий позор войны, докатившейся до извращения [travestissement], заключен в самом дичайшем (и самом страшном для Америки) образе, потому что он самый фантоматичный и самым реверсивный: заключенный в балахоне, с мешком на голове, к рукам и ногам которого прикреплены электроды,

заклученный, превратившийся в члена ку-клукс-клана, распятого себе подобными. На самом деле это и есть Америка, усадившая сама себя на электрический стул.

В ПОИСКАХ АБСОЛЮТНОГО ЗЛА¹⁴²

11 сентября 2001 года стало коренным переломом. С появлением и широким распространением террора и антитеррора стало очевидно, что все великие мифы будущего — Прогресс, Технонаука, История, которые до сих пор являлись, так или иначе, воображаемым образом всей западной, а затем мировой культуры и модерности, — с треском провалились. В результате этого крушения появилось бесчисленное множество мелких сказаний — религиозных, этнических, политических — или же крупное, но фальшивое повествование о всепланетной информатизации. Но всего этого недостаточно, и глобализация в долгосрочной перспективе невозможна без линии схода.

Не имея возможности представить себе светлое будущее, мы должны создать другую форму символического сплочения, в основе которого будет нечто иное, чем политика, экономика и моральные ценности, — первичный и основополагающий миф. Нечто, что сплотит человеческую общность любой ценой.

В отличие от великих нарративов, которые растворяются в истории, миф растворяется в почти вневременном прошлом... И даже если с течением времени мы уверовали, что изобрели другое — перспективное, историческое — видение, окончательное представление обо всем на свете, сегодня приходится констатировать, что наша точка зрения, перспектива Добра, инвертировалась и стала, согласно все той же логике поступательного движения вперед, прогрессивно чудовищной. Но стоит напрочь массовое сознание, и ввиду отсутствия целесообразности Добра, которая отныне не поддается обнаружению, мы найдем абсолютную точку отсчета в Зле и целесообразности Зла. Ничто так, как первородное преступление, не обеспечивает нам бесповоротный ориентир, и ничто так, как навязчивая идея непоправимости Зла, не сплачивает человеческое сообщество. У первородного преступления есть еще то преимущество, что оно уже совершено, худшее уже произошло, избавляя нас таким образом от страха перед грядущим апокалипсисом, неумолимое предчувствие которого нас не покидает.

Таким мифическим возведением Зла в абсолют стало событие холокоста, память о котором мы недавно почтили. Парадоксальным образом это гиперболизированное поминовение явилось чем-то новым по сравнению с пятидесятой годовщиной, как если бы это событие впервые всплыло в массо-

вом сознании. Но эта чувствительная разница говорит о чем-то большем, чем об историческом событии и муках незаживающей памяти. Совершенная в этом промежутке времени террористическая атака на Всемирный торговый центр открыла новую эру повсеместного и вездесущего террора, оголила всю нашу символическую защиту этим всеобщим «преступным» событием, которое необходимо уравновесить мифически — другим всеобщим легендарным событием, каковым является холокост. Так, например, в процессе накопления скорби и свидетельств незаметно изменяется сам смысл истребления и холокоста — из объективной стадии исторического события, за которое несет ответственность ограниченный круг лиц, он переходит в ирреальную стадию распределения ответственности на весь мир, становится культовым событием, фетишизированным. При этом нас должно объединить осознание общей жертвенности: мы все — депортированные и уничтоженные евреи, — но также и общей вины: мы все (потенциально-виртуально) ответственны, мы все — эсэсовцы.

Нечто вроде виртуальности овладевает событием и превращает его во вселенский миф. Вот что самое худшее: чтобы стать глобальным, событие должно стать виртуальным. Поминование противопоставляется памяти: оно происходит в реальном времени, отчего событие становится все менее

реальным и историческим и все более ирреальным и мифическим... Становясь основополагающим мифом, холокост ирреализируется. Негационистская позиция отражает это положение вещей корыстным и абсурдным образом, поскольку она направлена, вопреки всякой очевидности, против исторической реальности холокоста, в то время как ключевой момент — это его сдвиг в сторону мифа, к мифической навязчивой идее абсолютно-го Зла.

Зло, которое сейчас в едином порыве пытаются коллективно и упразднить, и обострить, борьба с терроризмом, с Осью Зла и эпидемия солидарности, последовавшая за катастрофой цунами¹⁴³, когда теракт перепутался со вторжением злых сил природы (цунами в прямом смысле стало частью Оси Зла). Подобие Провидения («чудесная возможность», по словам Кондолизы Райс¹⁴⁴), которое позволяет волей-неволей объединить все свои ресурсы и установить Новый Мировой Порядок под видом всемирного [universel] консенсуса и шантажа. Альтернативные формы террора в одном и том же эмблематическом облике Зла. Все таинственным образом соотносится между собой: волна гуманитарных операций после цунами и волна антитеррористических операций после 11 сентября 2001 года. Тот же тип последствий, которые сами по себе являются составной частью события Зла: борьба с терроризмом является заключитель-

ной стадией торжества террора, а гуманитарный вал — частью сейсмической ударной волны, добавляя нечто обценное к трагическому измерению событий.

Что же касается показного искупления холокоста, поминальная волна также представляется политическими метастазами события, она является его продолжением, подобно радиоактивному загрязнению, остающемуся после ядерной аварии. Есть нечто схожее во всех этих событиях, они как бы перетекают из одного в другое. Это международный терроризм принимает непредсказуемый и роковой образ стихийного бедствия или же это цунами и любое чрезвычайное происшествие во всех его проявлениях является эквивалентом террористического акта? Птичий грипп, коровье бешенство, атипичная пневмония, авария в энергосистеме США, жара в Европе — сколько аномальных явлений, столько же и «террористических» проявлений. Впрочем, эту путаницу уже используют в той или иной форме: либо когда какая-нибудь группировка берет на себя ответственность за несчастный случай и объявляет его терактом, либо когда власти маскируют теракт под несчастный случай.

Именно сам порядок принуждает нас к такому неограниченному восприятию терроризма, поскольку малейшее происшествие, в том числе природные катаклизмы, тут же преподносят как тер-

рористическое проявление: то, что было лишь физическим явлением, становится нарушением мирового порядка. Природа сама положила конец «естественному договору»¹⁴⁵ и мстит за то, что ее так жестоко эксплуатируют, контролируют, «терроризируют», а проявляющийся при этом беспорядок представляет собой витальную реакцию на переизбыток позитива и контроля.

А может, боги стали террористами? По поводу цунами можно было прочесть следующее: «Террористы, которые в отчаянии и очистительном фанатизме мечтают изменить мир, предварительно его разрушив, могут быть спокойны: боги подумали об этом первыми, и им намного проще преуспеть в этом деле». Зло повсюду, и его нужно искоренить. Всякая крайность относится к порядку Зла. Это идеальное алиби для тоталитарного распространения Добра. Если во всем виноват Бог — его нужно привлечь к ответу.

Предъявить обвинения Богу — вот благородное дело, к тому же на то есть масса оснований: злоупотребление служебной информацией — он слишком много знает, но отказывается давать показания, — а это уже нелегальное обладание (хранение) истиной; в своем надувательстве он дошел до того, что заставил нас поверить, что его не существует — создание фиктивных рабочих мест; оставление места происшествия — не существуя, он все же нашел способ исчезнуть. Если бы уда-

лось его схватить, лучше всего было бы его сжечь и развеять (распространить) пепел по Интернету.

Что же делать теперь, в отсутствие Бога и всякого намека на Провидение? Пытаться нейтрализовать любое событие, любой беспорядок, любую случайность, перейдя в режим резкого пресечения во имя обезличенного и умиротворенного универсума без вызова и насилия, но тогда мы оказываемся в мире превентивного террора. Новое равновесие страха, уравнивание Зла Злом. Всемирный заговор жертв и палачей, всемирный заговор Зла со Злом: мы сталкиваемся с идеей Зла, которым манипулируют силы Добра (Буш-Кентавр) в тени наибольшего общего знаменателя террора. Они действуют в том же режиме истребления, но на сей раз это истребление сил Зла.

11 сентября 2001 года, цунами и холокост относятся к той же грандиозной навязчивой идее искоренения Зла, к которой сводится наша идея Добра. Она дублируется канонизацией идеи Зла в первоначальном преступлении, благодаря чему мы уверены, что все хорошо, мы все вместе, в тепле, на пути постепенного отстранения от Зла.

Это искоренение Зла в любом случае обречено на провал, потому что умножение террора как раз и является результатом усиления гегемонии сил Добра (антитеррористической оси и т. д.): контртеррор — это «белый террор», который осуществляют силы Добра. Именно здесь и кроется корень абсо-

лютного Зла: дело в том, что наше Зло — и в этом заключается вся новизна — уже не то, что противостоит Добру, а то, что порождено переизбытком Добра. Именно эта дьявольская инверсия — наша современная форма трагедии: все, с помощью чего мы пытаемся отразить Зло, включая все витальные абреакции на этот летальный переизбыток позитива, все бурные реакции на эту интегральную реальность Добра ведут нас к еще более плохому исходу — к апокалипсису Добра.

МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ НИЦШЕ¹⁴⁶

*(интервью Жана Бодрийяра по поводу выхода
книги «Дух терроризма»)*

— Сегодня, спустя более чем полгода после одиннадцатого сентября, согласитесь ли вы с утверждением, что этими событиями закончилась эпоха постмодернизма? И если да, то кто был, по вашему выражению, «провокатором конца»?

— Для начала неплохо бы разобраться с термином «постмодернизм», который применяется слишком произвольно. До такой степени произвольно, что я бы назвал это понятие неопознанным теоретическим объектом. Да, современная эпоха — эпоха модерна — переживает драматический период, но можно ли говорить о ее конце? Скорее речь идет об иллюзии конца, о некоей мечте о конце всего — общества, политики, истории. И мы тешим себя этой иллюзией. Модернизм — явление необратимое, а потому четкой линии водораздела между ним и постмодерном, я думаю,

нет. Я бы скорее сказал, что модернизм развивается нелинейным образом, что он отражает сам себя, как в зеркале, его развитие как бы ускоряется, принимая иной характер — иногда характер катастрофы. В сущности, эпоха модерна — это эпоха кризисов: начиная с девятнадцатого века кризис неизменно сопровождал прогресс и все, что ему сопутствует. В фазе ускорения кризис принимает характер катастрофы, и тут возможны мутации. Может быть, роковая дата одиннадцатое сентября стала некоей критической точкой в развитии виртуальной катастрофичности эпохи модерна. Это одновременно судороги модернизма и приостановка его движения. В любом случае, мы уже не сможем верить в эту эпоху — наше доверие подорвано. Идеальная картинка потускнела: постмодернизм как идеальная фаза модернизма, наверное, окончился. В то же время много говорилось о том, что постмодернизм — это конец истории, но после одиннадцатого сентября она продолжается. Мы жили в виртуальном мире — теперь возвращаемся в реальный. Вот с этим я не согласен.

— *То есть, на ваш взгляд, система выстояла?*

— Да, но она утратила свою рациональность, структура ее изменилась, она поражена неким вирусом. Есть явные признаки ее разложения, она вроде функционирует, но как бы умозрительно, спекулятивно. Так иногда бывает с экономикой. Производство, эволюция, прогресс — этого боль-

ше нет, есть только умозрительные построения, зыбкие и неустойчивые. Конечно, глобализация, движение глобализма продолжается, но события одиннадцатого сентября, прозвучав сигналом тревоги, все же эту тенденцию притормозили.

— *Какова во всем этом роль терроризма? Можно ли говорить о появлении новой исторической силы или это проявление тотального антагонизма?*

— Есть проблема системы, которая находится в состоянии борьбы со своей собственной, внутренней катастрофой, — она в серьезном кризисе. Система несет в себе что-то самоубийственное, что-то, что идет слишком далеко — за пределы собственного конца. И в этот момент терроризм со своими религиозными, фанатичными мотивациями становится посредником или, точнее, оператором этого внутреннего кризиса системы. В нем находит воплощение возможность крушения системы.

Когда я это говорю, я, конечно, не имею в виду, что терроризм есть порождение системы, что это плод деятельности ЦРУ или что-нибудь в этом роде, — такие разговоры ходили. Конечно нет. Терроризм — это внешняя сила, которая приходит извне принять участие во внутренней драме системы — со своими актерами. Но их действия начинают резонировать с разладом, во власти которого находится система, — в качестве метафоры я употреблял даже слова «самоубийство систе-

мы». Здесь, правда, надо признать, что наряду с исламским терроризмом существует и внутренний американский терроризм, я говорю о крайне правых, о военных, о Пентагоне и так далее. Помните события в Оклахоме? Может быть, между этими силами есть некое притяжение, ощущение сообщничества, хотя в реальности быть заодно они не могут.

— Но почему же все-таки мусульмане? Ведь есть же и другие традиционные мощные цивилизации, живущие своей жизнью, не похожей на жизнь Запада.

— Но исламский мир — единственная культура, которая отрицает западную систему ценностей, систему ценностей эпохи модерна. Китайцы, японцы, индусы, по крайней мере сегодня, не противопоставляют себя процессу глобализации. Их культуры не антагонистичны западному глобализму. Однако нельзя исключать, что по мере развития глобализма особенности и своеобразие этих цивилизаций начнут ему противоречить. Очаги таких противоречий — лингвистических, религиозных, этнических — мы уже видим довольно часто, они множатся и могут взорвать ситуацию. Но сегодня это ислам. Имеет ли это противостояние религиозную сущность? Не думаю. Вряд ли речь идет о возрождении древнего ислама. Нынешний ислам — это тоже продукт глобализации и эпохи модерна. Он умело и агрессивно использует плоды

западного прогресса, его техническое совершенство: с технологической точки зрения покушение одиннадцатого сентября — это настоящий перформанс. Это потрясающе.

— *То есть ни нового Средневековья, ни нового Ренессанса ждать не следует?*

— Я не думаю, что этот ислам — террористический ислам — несет с собой Средневековье с его варварством, архаикой. Нет, это современная сила, которая пытается противостоять глобализму и модернизму в их системе координат — политических, экономических, технологических и прочих. Запад стал доминирующей силой, и это — унижение для других цивилизаций. Я не говорю о примитивных культурах, которые прожили свой век и исчезли с лица земли. Речь идет о древних, мощных, традиционных культурах, которые чувствуют себя оттесненными на задний план: их превращают в маргиналов. В том числе и в самих западных странах. Мы, по сути, вытеснили все другие системы ценностей. Но самое смешное во всем этом то, что западные ценности таковыми более не являются — мы сами их уничтожили. Наша система к ним равнодушна; она отлажена, высокотехнологична, оперативно функционирует, но о ценностях нет и речи. У мусульман они есть, а у нас — нет.

— *Вы говорите о религии?*

— Я сейчас говорю о моральных, трансцендентных, истинных ценностях. Мы о них рассуждаем,

но в реальности их больше нет. Мы движемся с нарастающей скоростью, но не знаем куда.

— *Кризис демократии?*

— Демократия обладает большим запасом возможностей автокоррекции, самоналадки. Но сегодня, похоже, эти возможности истощились. Взять хотя бы систему народного представительства — посмотрите, во что она превратилась в Америке. И у нас, во Франции, не лучше. Это не демократия, это издевательство. Права человека, свобода, демократия — все это превратилось в пародию. И очень мало шансов, что систему можно откорректировать.

— *У русских философов конца девятнадцатого века есть теория, согласно которой в жизни всякой цивилизации есть три периода: первичная простота, цветущая сложность и вторичное упрощение, которое может принимать форму всеобщего усреднения и объединения. И этот период — последний, это — закат цивилизации. Возможно, Запад вступает как раз в эту стадию своего развития?*

— Мне эта теория кажется довольно верной. Наша система достигла стадии предельной насыщенности и теперь начинает опошляться — в вашей трактовке это фаза вторичного упрощения: происходит нивелирование ценностей. Это мне напоминает известное высказывание Хайдеггера о том, что падение человека происходило дважды: первый

раз — в грех, второй — в банальность. И то, что происходит с модернизмом, это не упадок, это опошление. И это происходит на мировом уровне: все культуры упрощаются, делаются всеобщим достоянием, поскольку идет широкий обмен. Все становится равноценным, эквивалентным, и в этот момент всеобщего упрощения окончательно уходят страсть, идеал. Упадок ли это — не знаю. Скорее речь идет о движении к тотальной банальности.

— *Но это очень похоже на деградацию.*

— Возможно. Как в энцефалограмме: когда пики и провалы вытягиваются в прямую линию — это плохой признак. Если вспомнить теорию катастроф, то я бы сказал, что западная система входит в фазу энтропии, ее энергетика истощается. Но эта негативная тенденция проявляется в форме своей противоположности. Смотрите: глобализация означает, помимо прочего, огромный поток информации, который все нарастает. Чем больше информации, тем интенсивнее процесс обмена ею — вроде бы движемся к абсолютному прогрессу. Но в какой-то момент становится ясно, что, чем больше информации, тем ее в реальности меньше: когда ее слишком много, она перестает восприниматься. В этом парадокс глобализации: передозировка информации приводит к дезинформации, порождая энтропию. И все же энтропия — это не упадок, это другое: это физическая форма нивелирования, обезличивания системы.

— Сказанное относится только к западной цивилизации? Ведь другие, пусть и менее развитые, признаки деградации — или энтропии — не демонстрируют.

— Согласен. Но Запад сегодня представляет собой модель того, через что придется пройти другим культурам: или ты адаптируешься к глобализации, или исчезаешь. Западная культура — это модель эквивалентности, которая противопоставляет себя всем прочим культурам. Прочие — они своеобразные, оригинальные, они не эквивалентны друг другу, и обмен между ними не происходит. А в западной цивилизации все смешалось, все универсально и индифферентно, своеобразия и оригинальности больше нет. Всем остальным предлагается встроиться в схему западной эквивалентности, и здесь — по аналогии с теорией катастроф — можно уже говорить о теории хаоса. С появлением первоначального элемента процесс идет с ускорением, последствия теряют нормальные пропорции, рациональный порядок вещей уходит, нормальные причинно-следственные связи утрачиваются. Словом, хаос.

— И какие же перспективы у белой расы?

— Не знаю, я не прорицатель. Раньше, когда мир был проще, можно было что-то предсказать, предвидеть. Сегодня будущее непредсказуемо, ход событий приобрел хаотичный, случайный характер. И тот, кто вам скажет: я знаю, что будет, — это шарлатан.

— *Может быть, свобода все-таки слишком тяжелое бремя для человека? К тому же она порождает агрессию, отсюда и описанное вами отношение к другим цивилизациям со стороны Запада. Возможно, именно это и породило его сегодняшние проблемы?*

— В просвещенном обществе свобода — это благо, это великое завоевание человека. Кроме того, это норма: вспомним Руссо, который утверждал, что доброта и свобода суть естественное состояние человека. Но, похоже, со свободой происходит то же, что и с информацией: в умеренном количестве это благо, в избыточном — зло. Наступает эффект пресыщения: количество свободы нарастает, и параллельно растут тоска, тревога. Когда ты несвободен, единственное твое стремление — освободиться: свобода представляется идеалом. Но когда ты свободен, ты начинаешь задавать себе массу вопросов, и в душе твоей поселяются тревога и ужас. Кроме того, следует различать свободу и освобождение — это разные вещи. Свобода — это идеал, и взаимоотношения субъекта со своей личной свободой — это вопрос философии, морали. В любом случае свобода — это хорошо. Другое дело освобождение — безусловное освобождение всего и вся быстро приводит проблему к ее критической точке. Освобождаются силы добра, но одновременно освобождаются и силы зла, и с этой точки зрения освобождение — акт безнрав-

ственный. Тем более что зачастую силы зла оказываются активнее, чем их оппоненты. Потом начинается эта, если можно так выразиться, гонка преследования, довольно быстро наступает кризис, когда становится непонятно, что же делать с этой свободой.

Здесь есть проблема, что очень хорошо видно на примере представительной демократии. На низовом уровне это право избирать и быть представленным — вроде бы благо безусловное. Но мы же видим, что все больше и больше людей не хотят им пользоваться — они разочарованы. Кроме того, тотальное освобождение подкрепляется постоянно растущими техническими возможностями, которые парадоксальным образом нас не раскрепощают, а сковывают все сильнее и сильнее, мы снова становимся рабами — средств массовой информации, например. В каком-то смысле объект начинает доминировать над субъектом, подрывая наше доверие к окружающему. Да, безусловно, свобода — это идеал, трансцендентная, непреходящая ценность. Но вот она здесь — и что же?

— *В своей статье о событиях одиннадцатого сентября вы написали: они это сделали, но мы этого хотели. Что вы имели в виду?*

— Здесь тоже есть некий парадокс. Наша воля не всегда рациональна, есть в ней нечто темное, смутное. Человек хочет прогресса, добра, свободы — это светлая, открытая часть его сознания. Но

есть ведь и смутные желания — дойти до крайнего предела вещей, вытолкнуть их за некую грань. Понять, как далеко можно пойти, попричастствовать при конце, при исчезновении. Ведь это же великий спектакль, согласитесь! Исчезновение — это же целое искусство, здесь очень велика эстетическая составляющая. И в общественном сознании, видимо, есть это желание представить себе окончательную катастрофу. Картина атаки одиннадцатого сентября была для нас откровением, и многие наверняка сказали себе: черт возьми, это красиво! Это настоящий шедевр! Здесь я шучу, конечно, потому что шедевр — это уже искусство, а искусство — вещь все же более рациональная. И здесь, разумеется, речь не идет и о влечении к смерти — это уже психопатология: все мы извращенцы, но не до такой степени. Хотя в нас намешано много всякого, в том числе и то странное влечение, которое мы испытываем к зрелищу конца.

— *Что же все-таки движет историю — добро или зло?*

— Еще в восемнадцатом веке голландский прозаик и философ Бернард де Мандевиль в одной из своих басен выдвинул теорию, согласно которой общество развивается исключительно благодаря своим порокам. Например, коррупция была им представлена как одна из главных движущих сил прогресса. Выходит, что к добру человек испытывает всего лишь стремление, а к пороку — тягу, ко-

тору можно сравнить с сексуальным чувством. Это нечто подсознательное и могучее. (*Смеется.*) В иные моменты эти обе силы находятся в равновесии, но чаще зло оказывается сильнее. Меня интересовал вопрос синхронного развития этих двух начал. С точки зрения морали мы полагаем, что, чем больше в мире добра, тем меньше зла. Но это заблуждение, на самом деле, чем больше добра, тем больше и зла. Это даже не противоречие, это проблема, и проблема практически неразрешимая. Более того, если уничтожить все зло, то исчезнет и добро. А ведь уничтожение зла: болезней, несчастий, смерти — это как раз задача, которую ставит перед собой человеческая цивилизация. На самом же деле, уничтожая зло, мы уничтожаем ту энергию, за счет которой развиваемся. Мне кажется, что там, где нет ни добра, ни зла, там — ад.

— *Так возможно все-таки синхронное развитие этих начал?*

— В идеально задуманной, сбалансированной модели универсума они должны уравновешивать друг друга. Некоторые примитивные культуры научились символически нейтрализовывать дурную энергию зла через определенные ритуалы — например, через жертвоприношение. И борясь таким образом со злом, они ведут себя честнее, поскольку признают его существование. Мы же не желаем принять зло как очевидность. Прекрасный пример тому дают американцы: они просто не могут пред-

ставить себе зло — его для них не существует. И когда в один прекрасный момент оно является им во всей своей красе, как это случилось одиннадцатого сентября, они приходят в полный ужас. Принять существование зла можно, только согласившись с существованием «другого», ощутив его «самость». Вот американцы к этому абсолютно не способны. Они представляют себя наедине с Богом, и «другие» для них просто не существуют. А если все же появляется «другой», то он глуп, он варвар, психопат, он животное и так далее. То есть он — воплощенное зло, которое надо немедленно уничтожить.

— *Вы говорите, что американцы ощущают себя наедине с Богом. На самом деле существует мнение, что общение с Богом для западного общества давно выхолощено и превратилось в чистую формальность.*

— Да, свой символический, сакральный смысл церковь потеряла. Она стабильно функционирует как общественный институт, как объединяющая социальная сила, если угодно, но вдохновение из нее ушло. Секуляризация, как и повсюду. Но это случилось не вчера: тенденция проявилась несколько веков назад, в момент открытия испанцами Америки. На новом континенте они встретили индейцев, чья религиозность была гораздо более интенсивной, чем религиозность испанцев: у последних на уме уже были деньги, завоевания и все

такое прочее. И именно поэтому индейцы подлежали уничтожению, так как мир, утративший свои ценности, всегда ревниво относится к другим мирам, у которых эти ценности есть. Когда своих ценностей не осталось, надо разрушать чужие. Так что Запад был истинно христианским лишь в Средние века, а с шестнадцатого века религиозные ценности стали утрачиваться. Тогда же начинается и эпоха завоеваний, поскольку равнодушие дает силу для экспансии, религиозный же мир замкнут и герметичен. И с этих пор все ценности, которые сопротивлялись завоеванию и были несовместимы с западными, подлежали уничтожению. Парадоксальным образом в этом постепенном исчезновении чужих ценностей, особенно христианских, был и положительный аспект — построение светского, рационального общества. То есть западное общество взросло на этом поглощении. И сегодня это ударило по нему бумерангом.

— Это поглощение и есть глобализация. Или, как утверждала русская философская мысль, вторичное упрощение и объединение. То есть закат цивилизации.

— На мой взгляд, глобализация ведет мир все к большей дискриминации. Будет класс привилегированных — в основном из белой расы, хотя он может включать и представителей других культур. То есть будут хозяева создающейся сети — денег, информации, технологий — и будут изгои, кото-

рых абсолютное большинство. Иными словами, глобализация — это отход от демократии, и неравенство будет нарастать по мере обострения демографических проблем. До сих пор мы имели дело с традиционными противоречиями — слабо-развитые страны, третий мир и так далее. Эти противоречия разрешались через мировые кризисы. Сегодня они остаются, но появляются и новые. Если эволюция продолжится в том же направлении, что и сейчас, то Африка, например, превратится в хранилище людских резервов, только их трудно будет отнести к человеческому роду. С другой стороны, мы получим суперклон белой расы, очень продвинутый в развитии и располагающий современным технологическим инструментарием, властью и деньгами. И если прежние противоречия выливались в кризисы, то нынешняя ситуация в перспективе создает идеальные условия для мировой революции. А как иначе обитатели будущего всемирного гетто смогут оспорить огромные привилегии абсолютного меньшинства населения? Хочу надеяться, что этого не случится, хотя я не вижу силы, способной сломать все более отчетливую линию демаркации между хозяевами и изгоями.

— *Может ли такой силой стать терроризм?*

— Да, сама ситуация становится террористической. Должен быть взрыв, но это будет не политический или военный кризис, это будет взрыв тер-

роризма. Здесь уместно вспомнить прекрасную новеллу Борхеса. Некая империя поработила все соседние народы и приговорила их оставаться по ту сторону зеркала. Так, что рабы должны были походить на своих хозяев, быть их отражением. То есть фактически перестать существовать, попав в ситуацию полной дискриминации. Однако с течением времени народы в зеркале начали терять сходство с хозяевами, вновь обретать свои собственные черты, и в какой-то момент, пишет Борхес, они перейдут на ту сторону зеркала и там победят. И это будет мегасобытие, перед которым померкнет даже одиннадцатое сентября.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прямая отсылка к известной пьесе Жана Жироду «Тро-янской войны не будет» (1935). «Войны в Заливе не было» представляет собой переработанные и дополненные статьи, публиковавшиеся в газетах *Libération* и частично в *The Guardian* до, во время и сразу после Войны в Персидском заливе (17 января — 28 февраля 1991 года). Это столкновение между многонациональными силами (во главе с США, по мандату ООН) и Ираком (во главе с Саддамом Хусейном) за освобождение и восстановление независимости Кувейта прославилось не только участием большого количества стран и использованием огромного количества средств, но и тем, что транслировалось телеканалами на весь мир. Сама постановка вопроса Бодрийяром о, казалось бы, совершенно очевидном факте, о том, что все видели в прямом эфире, вызвала довольно серьезный скандал, а блестящая аргументация принесла философу мировую известность. Название книги с тех пор превратилось в поговорку, мем, даже своего рода мантру.

² Дословно название книги звучит как «Война в Заливе не имела места», что Бодрийяр постоянно и обыгрывает, поскольку «не иметь места» означает одновременно «не быть», «не происходить», «не состояться», «не существовать».

³ Восточный блок — термин, использовавшийся на Западе для обозначения социалистических стран Центральной и Восточной Европы во главе с СССР. Часто под этим термином подразумевалась Организация Варшавского договора как противостоящая блоку НАТО.

⁴ Апотропия (*др.-греч.* (пред)отвращение, отпугивание) — термин, используемый для перевода многозначного французского слова *dissuasion* («разубеждение, разуверение, отговаривание» и одновременно «устрашение, отпугивание»,

а также «сдерживание, удержание, предотвращение»). Наиболее точное толкование: сдерживание путем разубеждения и (или) устрашения, причем угроза зачастую симулятивна.

⁵ Виртуальное — наиболее распространенное значение: то, что не существует в действительности, но появляется благодаря программному обеспечению. Стоит отметить, что в европейских языках это слово многозначно и обозначает также «возможное», «потенциальное», «скрытое», «мнимое», что Бодрийяр постоянно и обыгрывает.

⁶ Саспенс (неопределенность, приостановка; от *лат.* *suspendere* — подвешивать) — состояние тревожного ожидания, напряжения, беспокойства. Также — подвешенное состояние.

⁷ Слово «информация» во французском языке имеет более широкий смысл, чем в русском, обозначая как то, что связано с информационными технологиями, так и последние известия, информационные сообщения в СМИ.

⁸ Ирано-иракская война — военный конфликт между Ираком и Ираном с 1980 по 1988 год. По продолжительности, задействованным ресурсам и человеческим жертвам является одним из крупнейших военных столкновений после Второй мировой войны. По факту, закончилась ничем, хотя каждая из сторон объявила себя победителем.

⁹ События в Восточной Европе — антикоммунистические революции, волна смены власти в Центральной и Восточной Европе осенью 1989 года. Падение коммунистических режимов было связано с перестройкой в СССР и началось с Польши, за этим последовали мирные массовые протесты, приведшие к смене власти в ГДР, Чехословакии и Болгарии, а также реформы, осуществлявшиеся по инициативе коммунистических властей в Венгрии. Румыния стала единственной страной, где смена власти прошла насильственным путем, а бывший глава государства был расстрелян.

¹⁰ Транспарентность (прозрачность, проницаемость) — отсутствие секретности, ясность, основанная на доступности информации; информационная прозрачность.

¹¹ Обсценный, obscenity — в текстах Бодрийера это слово означает не только «непристойный» или «неприличный»: он обыгрывает в этом термине еще и слово «сцена», то есть отсутствие сцены, неуместность, неприсценность.

¹² Гости — так называл Саддам Хусейн несколько тысяч граждан западных стран, взятых в заложники.

¹³ Тимишоара — город, с событий в котором началась Румынская революция 1989 года. Бодрийер часто употребляет название этого населенного пункта в качестве синонима самой вопиющей мистификации с участием СМИ. Доподлинно восстановить события невозможно даже спустя много лет. Все началось с того, что президент Румынии Чаушеску отдал приказ стрелять по демонстрантам, которые собрались в Тимишоаре. Сколько на самом деле прозвучало выстрелов, никому не известно, но по всем мировым телеканалам тут же были показаны около десятка трупов неизвестного происхождения, при этом объявлялось, что их тысячи, даже десятки тысяч — и все это жертвы режима Чаушеску. Кадры крутились в эфире постоянно и назойливо, так что многие поверили в многотысячные жертвы. Сколько их было, кроме десяти показанных трупов, да и были ли они на самом деле, никого не интересовало.

¹⁴ GARAP — французское рекламное агентство, прославившееся своей саморекламой. Весь Париж был обклеен плакатами, на которых GARAP рекламировал то бакалейщик — и все думали, что это реклама продукта питания, — то аптекарь — и все думали, что это реклама таблеток, — то автодилер — и все думали, что это реклама машины, и т. д. В итоге оказалось, что никакого продукта нет, а рекламируется сам бренд.

¹⁵ Плакаты Мириам — реклама рекламы на билбордах. Билборды не пользовались популярностью во Франции, и одно из рекламных агентств удачно исправило это следующим образом. По всему Парижу развесили огромные плакаты, на которых была изображена девушка, обещавшая: «Завтра я сниму верхнюю часть купальника». Затем, уже топлес, она обещала: «Завтра я сниму низ». На третьем плакате де-

вушка действительно оказывалась голой, но показана сзади. Надпись гласила: «Будущее (завтра) за наружной рекламой, которая держит свое слово».

¹⁶ Клаузевиц, Карл фон (1780-1831) — немецкий военный теоретик и историк, офицер русской армии, генерал-майор прусской армии. Своим сочинением «О войне» произвел переворот в теории и основах военных наук.

¹⁷ Спектакулярный (потрясающий, сенсационный) — зрелищный, впечатляющий, драматичный, яркий, демонстративный, наглядный, показательный, эффектный.

¹⁸ Телепрограммирование — игра слов: отсылка к собственно программированию, планированию операции и одновременно к телепрограмме.

¹⁹ Деонтология (наука о должном) — раздел этики, в котором рассматриваются проблемы моральных требований, долга и должного.

²⁰ Неразрешимость — то, что не может быть ни доказано, ни опровергнуто, относительно чего нельзя решить, является ли это правдой или ложью.

²¹ War-processors — игра слов: по аналогии с word-processor (машина или программа для обработки текстов) — машина или программа для обработки войны.

²² Эпохе (остановка, прекращение) — принцип рассуждения в философии, когда субъект исключает из поля зрения все накопленные историей научного и ненаучного мышления мнения, суждения, оценки предмета и стремится с позиции чистого наблюдателя сделать доступной сущность этого предмета.

²³ Элизия (выдавливание, выталкивание) — отпадение звука в слове или фразе с целью облегчения произношения для говорящего. Иногда звуки могут быть опущены с целью улучшения благозвучия.

²⁴ Антиципация — предвосхищение, предугадывание, представление о предметах или событиях, возникающее до их реального проявления.

²⁵ Субституция (ставлю вместо) — замещение одного другим, подстановка, подмена.

²⁶ Терминальная стадия — словосочетание в основном применяется в онкологии. Подразумевается последняя стадия заболевания, которая является непоправимым, неконтролируемым процессом распределения и разрастания опухолевых клеток в организме.

²⁷ Холостая машина (*machine célibataire*) — термин берет свое начало от проекта Марселя Дюшана «Невеста, раздетая собственными холостяками». Машина, у которой нет никаких функций, или производимые ею операции абсурдны. В контексте приобретает дополнительное значение — одинокая машина.

²⁸ Игра слов: при перетягивании каната нельзя сдвинуть с места (поставить на место) другого, прежде чем самому не сдвинуться с места.

²⁹ Редукция (сокращение) — уменьшение, ослабление чего-либо; сведение сложного к более простому; сведение многообразия к однообразию.

³⁰ Обманка — здесь и далее по тексту Бодрийяр использует многозначное слово «*leurre*» — обман, приманка, ловушка, ложная цель, средство отвлечения, введение в заблуждение и т. д. Обманка наиболее верно совмещает все эти значения.

³¹ Раскаявшийся (*итал. pentito*) — обозначение мафиози, решившего завязать с преступным миром и перейти на сторону полиции. Синонимы «информатор», «осведомитель», «стукач» не совсем уместны, так как Бодрийяр употребляет слово в самом широком смысле.

³² Имплозивность, имплозия — взрыв, направленный внутрь, быстрое разрушение под влиянием внутренних факторов, схлопывание, сжатие.

³³ Иракцы открыли ракетный огонь по Саудовской Аравии, но ракеты не долетели. Одна была сбита, остальные просто упали в Аравийской пустыне.

³⁴ Интерференция — игра значениями слова: помеха и вмешательство.

³⁵ Сказка о Белоснежке — образ спящей красавицы очень распространен, но чуть ниже, в сказке про ООН, Бодрийяр пересказывает сюжет именно Белоснежки.

³⁶ Всего Ирак выпустил по Израилю 39 ракет «скад». В результате погиб один человек, еще несколько умерло от сердечных приступов во время объявления воздушной тревоги.

³⁷ Одни из самых эксцентричных африканских диктаторов-людоедов второй половины XX века.

³⁸ Реальное время и виртуальное время. Реальное время соответствует темпу человеческой жизни и всей биосферы Земли, является временем биологическим. Его обычно связывают с движением, но в виртуальном пространстве нет физического движения тел, а лишь движение потоков информации, следовательно, возможно устанавливать любые временные масштабы и длительности. Виртуальное время нелинейно и обладает инверсией, вектор времени может быть направлен не только вперед, но и назад. Если виртуальное время совпадает с реальным, говорится о режиме реального времени.

³⁹ Вирильо, Поль — французский философ, социальный теоретик, специалист по урбанистике и архитектурный критик.

⁴⁰ Инволюция (свертывание, сворачивание, завиток) — обратное развитие, переход к прежнему состоянию.

⁴¹ Апория (безысходность, безвыходное положение) — вымышленная, логически верная ситуация, которая не может существовать в реальности. Наибольшую известность получили апории Зенона.

⁴² *Cinéma vérité* (правдивое кино) — термин, обозначающий направление в киноискусстве, добывающееся документальной правды в художественном фильме. Возникло во французском кинематографе 60-х, изображавшем людей в обыденных ситуациях, с подлинными диалогами и естественностью происходящего действия.

43 Имажинерия — сам процесс воображения, продуцирования образов.

44 Когерентный (сцепление, связь) — происходящий согласованно по времени; соотнесенный, сопряженный, взаимосвязанный, целостный.

45 «Селин и Жюли совсем заврались» (фр. *Céline et Julie vont en bateau*) — фильм режиссера Жака Риветта 1974 года. Название фильма включает в себе игру слов: французское *aller en bateau* (плыть на лодке) имеет фигуральный смысл: нести околесицу. В фильме актуализированы оба значения — лодка появляется почти под занавес, зато всё происходящее может рассматриваться как плод разгоряченного воображения двух подруг, которые сами становятся причудливым отражением друг друга. Перефразируя название фильма, Бодрийяр дает понять, что усматривает подобную фантазмагорию и в войне в Заливе.

46 «Бувар и Пекюше» — неоконченный роман французского писателя Густава Флобера о двух друзьях, многочисленные начинания которых заканчивались плачевно. В этом романе Флобер намеревался запечатлеть все накопленные знания о человечестве и показать человеческую глупость.

47 Мейстерзингеры (искусные певцы) — в Германии XIV–XVI веков члены профессиональных цеховых объединений поэтов-певцов из среды среднего и мелкого бюргерства.

48 Жан-Пьер Шевенман — с 1988 по 1991 год министр обороны Франции.

49 Поражение времени или подавление времени — отсылка к определению, которое использует в своей работе *Camera lucida* (1980) Ролан Барт. Согласно Барту, этот эффект возникает при взгляде на старые фотографии, на которых запечатлены давно умершие люди. При этом они выглядят настолько живо, что забываешь о том, что их давно нет. То есть получается, что время не властно, оно терпит поражение, подавляется. По Бодрийяру, эффект поражения времени насту-

пает, когда событие заранее смоделировано, запрограммировано, еще до того, как оно произойдет.

⁵⁰ Электрокуция (электричество + экзекуция) — казнь на электрическом стуле, поражение током.

⁵¹ Обмануть, надуть (фр. *faire un enfant dans le dos*) — буквально: родить ребенка против воли отца.

⁵² По всей вероятности, иракское командование отправило около двухсот своих самолетов в Иран в надежде сохранить их от уничтожения и использовать после завершения войны, однако иранская сторона впоследствии отказалась возвращать эти самолеты и включила их в состав собственных военно-воздушных сил.

⁵³ Мысленная оговорка [*reservatio mentalis*] — схоластическое изобретение ордена иезуитов. Смысл ее сводился к тому, что, сообщая заведомо ложную информацию иноверным, язычникам и еретикам или произнося клятву, иезуит не согрешит, если мысленно оговорится, например: Крестового похода не будет. (В этом году.)

⁵⁴ «Козерог один» — фантастический фильм 1977 года режиссера Питера Хайамса. Сюжет строится на обыгрывании деталей широко известной конспирологической теории — «лунного заговора» — применительно к несуществующей экспедиции на Марс.

⁵⁵ Республиканская гвардия Ирака — элитные и наиболее боеспособные войска в составе вооруженных сил Ирака, существовавшие в 1980—2003 годах.

⁵⁶ Дымовая завеса — от горящей нефти. В ответ на наступление коалиции и перед своим отступлением Ирак начал массовый поджог кувейтских нефтепромыслов.

⁵⁷ Цена крови — компенсация за убийство, вытеснившая кровную месть. Вид наказания, существовавший у многих народов. Бодрийяр обыгрывает это понятие с «кровавой ценой».

⁵⁸ Саладин — легендарный полководец и политический деятель Средневековья. Вновь объединил Египет, Сирию и

Месопотамию в одно царство. Известен своими постоянными столкновениями с крестоносцами.

⁵⁹ О точности в науке — рассказ Борхеса о карте, покрывшей всю территорию империи, с которого Бодрийяр начинает свою книгу «Симулякры и симуляция».

⁶⁰ Дезиллюзия — утрата иллюзий, разочарование.

⁶¹ Информационное обеспечение — игра слов: освещение в СМИ, а также разнообразные средства электронной войны.

⁶² Перверсивный — извращенный, отклоненный от нормы. В контексте — непредвиденный, побочный (эффект).

⁶³ «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества» (1714) — произведение английского писателя Бернарда де Мандевилля, где рассказывается, как общество аморальных пчел, несмотря на пороки, процветало и как это самое общество чуть было не погибло после того, как пчелы стали моральными и добродетельными. Аллегория состоит в том, что общество, решившее ради бережливости расстаться с роскошью и сократить вооружения, ждет печальная участь. Несмотря на то что книга была запрещена, она во многом предвосхитила либерально-экономическую теорию.

⁶⁴ Шварцкопф, Норман (1934-2012) — американский военачальник, возглавлявший группировку Многонациональных сил во время войны в Персидском заливе.

⁶⁵ Афродизиаки (от имени богини Афродиты) — возбуждающее средство; вещества, стимулирующие или усиливающие половое влечение или половую активность.

⁶⁶ Постсинхронизация — озвучивание роли после окончания съемок, когда актеры произносят тот же текст, что и в кадре, но уже в условиях студии.

⁶⁷ Успехи войск коалиции вызвали всеобщее восстание шиитов и курдов против режима. Саддам подавил эти восстания, используя высвободившиеся после заключения мира части Республиканской гвардии. Подавление сопровождалось пытками и массовыми казнями шиитов. Затем массирован-

ной бомбардировке были подвергнуты курдские поселения. Десятки тысяч курдов были загнаны в горы, где многие из них погибли от холода и голода. В ходе подавления курдского восстания более 2 миллионов курдов стали беженцами.

⁶⁸ «Книга хитростей» — средневековый сборник арабских историй на тему политической морали. Но Бодрийяр упоминает «Книгу» скорее абстрактно.

⁶⁹ Здесь и далее цитаты из сборника «Разговоры беженцев» немецкого драматурга Бертольда Брехта.

⁷⁰ Первые строки гимна «Патмос» немецкого поэта Фридриха Гельдерлина: «Близок и труден для понимания Бог. Но там, где возрастает опасность, возрастает и спасение».

⁷¹ Бодрийяр намеренно избегает общепринятого термина «глобализация», впервые употребленного еще Марксом. В тексте присутствует исключительно французский аналог *mondialisation*, от *monde* — «мир», от которого, в свою очередь, образуются прилагательные «мировой» и «всемирный». Такая цепочка дает Бодрийяру возможность постоянно играть словами, сохранить которую в русском языке не всегда возможно.

⁷² Этот текст был написан в октябре 2001 года и опубликован в газете *Le Monde* 3 ноября. Это первая попытка глубокого анализа четырех скоординированных терактов, произведенных 11 сентября 2001 года в США девятнадцатью камикадзе. Террористы захватили четыре рейсовых самолета, два из которых направили в башни Всемирного торгового центра, расположенные в Нью-Йорке. В результате попадания самолетов в день атаки разрушились три здания ВТЦ. Все эти события в прямом эфире транслировались на весь мир. От терактов пострадали около 7000 человек, 3000 из которых погибли. Ответственность за эти атаки взяла на себя террористическая организация «Аль-Каида» во главе с Бен Ладеном.

⁷³ Абреакция; отреагирование; разрядка — термин в психоанализе, означающий повторное переживание травматического события, с целью дать выход избытку сдерживаемых эмоций.

⁷⁴ Фасцинация — хотя термин давно присутствует в русском языке, его стремятся перевести как «очарование», «обворожительность», «завороженность». Последний вариант наиболее точен, но Бодрийяр употребляет термин еще шире — как гипноз, ослепление, даже зомбирование.

⁷⁵ Еще в 1976 году в своей работе «Символический обмен и смерть» Бодрийяр задался вопросом: почему комплекс ВТЦ в Нью-Йорке венчают две башни, а не одна, как того требуют устоявшиеся архитектурные каноны? И выступил как провидец, усмотрев в этом некий вызов, ответ на который был получен 11 сентября.

⁷⁶ ILOVEYOU — компьютерный вирус, который успешно атаковал миллионы компьютеров под управлением Windows в 2000 году, когда он был разослан в виде вложения в электронное сообщение. Предполагаемый ущерб, который червь нанес мировой экономике, оценивается в размере 10—15 миллиардов долларов, за что вошел в Книгу рекордов Гиннеса как самый разрушительный компьютерный вирус в мире.

⁷⁷ Единомыслие (*pensée unique*) — французский политический термин с уничижительным оттенком. Обозначает идеологический конформизм любого толка, а также слепое следование какой-либо определенной доктрине. Возник как реакция на утверждение, что неолиберализм является единственным правильным способом структурировать общество.

⁷⁸ Обобщенный обмен, в отличие от взаимного, предполагает наличие по меньшей мере трех сторон, при этом любой индивидуальный участник может не получать вознаграждение непосредственно от лица, которому он что-либо отдает. Понятие ввел французский этнограф, социолог и культуролог Клод Леви-Стросс.

⁷⁹ Сингулярность (единственный, особенный) — в философии единичность существа, события, явления.

⁸⁰ Диспозитив — в широком смысле порядок, расположение, диспозиция, система, устройство, механизм, аппарат.

В узком — отсылка к Фуко, для которого диспозитив — гетерогенная совокупность элементов, к числу которых относятся дискурсы, политические и общественные установления, административные решения и мероприятия, а также научные, философские и моральные высказывания в той мере, в какой они носят регламентирующий характер.

⁸¹ Реверсия, реверсивность — возврат в исходное состояние, обратимость, перемена направления, отдача, отмена.

⁸² Цитата из Интернационала: «Вставай, проклятем заклеянный, / Весь мир голодных и рабов!»

⁸³ Нулевая смерть [нулевые потери] — лозунг войны в Заливе, подразумевающий достижение победы без человеческих потерь. Получил в Америке самое широкое распространение и применяется практически ко всем сферам человеческой жизнедеятельности: нулевая смертность на дорогах, на производстве и т. д.

⁸⁴ Из заявления Аль-Каиды от 10 октября 2001 года.

⁸⁵ На самом деле 7000 — это количество пострадавших, из которых погибших около 3000. Статья была написана по горячим следам, и цифры постоянно менялись.

⁸⁶ Из речи президента США Буша: «Сама свобода была атакована сегодня утром безликим трусом, и свобода будет защищена!»

⁸⁷ Окончательное решение еврейского вопроса — нацистский план геноцида евреев.

⁸⁸ Первичная сцена — вспоминаемая или воображаемая сцена из детства, относящаяся к некоторому раннему сексуальному опыту, чаще всего о половом акте своих родителей.

⁸⁹ Майские события 68-го года (Красный май) — социальный кризис во Франции, вылившийся в демонстрации, массовые беспорядки и всеобщую забастовку. Хотя все это и привело, в конечном счете, к смене правительства, но не привело к революции. По мнению Бодрийяра, исключительно по

вине СМИ, которые сначала способствовали распространению протеста, а затем просто его нейтрализовали.

⁹⁰ Баллард, Джеймс (1930–2009) — британский писатель, одна из крупнейших фигур английской литературы второй половины XX века. Первоначально известность ему принесли научно-фантастические рассказы и романы, а позже психопатологические триллеры («Автокатастрофа», «Бетонный остров» и др.).

⁹¹ Спектакулярный (потрясающий, сенсационный) — зрелищный, впечатляющий, драматичный, яркий, демонстративный, наглядный, показательный, эффектный.

⁹² Рецессия — спад производства или замедление темпов экономического роста. Депрессия, застой, падение активности.

⁹³ Автоматическое письмо — процесс письма, который предположительно является результатом бессознательной деятельности пишущего в состоянии гипнотического, медитативного или медитативного транса.

⁹⁴ Имеется в виду рассылка писем со смертельно опасными спорами сибирской язвы вскоре после терактов, что вызвало в США настоящую панику. Во всех этих письмах, от руки датированных 11 сентября, было написано: «Смерть Америке. Смерть Израилю. Аллах велик». В результате погибли 5 человек, еще 17 оказались в больницах. Впоследствии выяснилось, что письма якобы рассылал сумасшедший ученый-биолог, работавший в правительственной лаборатории.

⁹⁵ Это переработанный материал нескольких выступлений автора в Европе и США в 2002 году. Тогда особое внимание было приковано к Бодрийяру не только в связи с нашедшей статью «Дух терроризма», но и в связи с тем, что еще в 1976 году в книге «Символический обмен и смерть» он, по сути, предугадал печальную судьбу башен-близнецов, усмотрев в их конструкции некий вызов и символ всей системы. Бодрийяр начинает с того, что цитирует этот отрывок из своей книги.

⁹⁶ Референция — соотнесение знака с объектами внеязыковой действительности, реального мира — референтами.

⁹⁷ Юкио Мисима (1925–1970) — японский писатель и драматург. В основе его романа «Золотой храм» лежит реальная история поджога храма Кинкаку-дзи в городе Киото.

⁹⁸ «Секретный агент» или «Тайный агент» — книга английского писателя Джозефа Конрада, опубликованная в 1907 году. Относится к жанру шпионского романа.

⁹⁹ Перформанс (исполнение, представление, выступление) — форма современного искусства, в которой произведения составляют действия художника или сам факт выставления некоего объекта в определенном месте и в определенное время.

¹⁰⁰ Штокхаузен, Карлхайнц (1928–2007) — немецкий композитор, дирижер, музыкальный теоретик. За высказывание о теракте 11 сентября был подвергнут глобальному остракизму.

¹⁰¹ Ротко, Марк (1903–1970) — американский художник, ведущий представитель абстрактного экспрессионизма, один из создателей живописи цветового поля.

¹⁰² Репрезентация (представленность, представление) — воспроизведение виденного, слышанного, прочувствованного человеком с возможными изменениями представляемой информации.

¹⁰³ Ситуационизм — направление в западном марксизме, возникшее в послевоенный период. В отличие от многих других художественно-политических движений Европы того времени, ситуационизм проповедовал не эпатаж или эстетическое созидание, а «прямое политическое действие».

¹⁰⁴ Речь идет об американском скульпторе Майкле Ричардсе (1963–2001) и его работе *Tar Baby vs. St. Sebastian*, представляющей фигуру летчика эскадрона «Таскиги», пронзенную множеством фашистских самолетов. Сюжет повторяет известную иконографию святого Себастьяна, христианского мученика, который выжил, несмотря на то что был пронзен множеством стрел. Техника Ричардса заключалась в том, что в качестве модели для всех своих скульптур он использовал самого себя. Считалось, что все его работы

погибли вместе с ним под завалами ВТЦ, однако та самая скульптура, о которой идет речь, была впоследствии обнаружена в другом месте и теперь находится в коллекции Художественного музея Северной Каролины.

¹⁰⁵ Каузальность — причинность, причинная обусловленность, необходимая связь причины и следствия.

¹⁰⁶ Аллюзия с Ницше: «Что падает, то нужно еще и подтолкнуть!»

¹⁰⁷ Ресентимент (озлобление, враждебность) — французское слово, которому Ницше придал особый смысл: чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач («врагу»), бессильная зависть.

¹⁰⁸ Арундати Рой — индийская писательница. Придерживается левых политических взглядов, активный противник неолиберальной глобализации.

¹⁰⁹ Интегральный — объединяющий, неразрывно связанный, составляющий неотъемлемую часть целого

¹¹⁰ Ground Zero — участок в Нижнем Манхэттене, на котором до 11 сентября 2001 года располагался комплекс зданий Всемирного торгового центра. Само название участка связано с событиями 11 сентября и происходит от английского термина, обозначающего эпицентр.

¹¹¹ God bless America — известная американская патриотическая песня, написана в форме торжественной молитвы. Аллюзия с английским гимном «Боже, храни Короля».

¹¹² Зеркальные существа (*Animales de los espejos*) — символические персонажи китайской мифологии, обнаруживаемые в глубине зеркал. Притча о них входит в «Книгу вымышленных существ» (1954) Хорхе Луиса Борхеса.

¹¹³ Филипп Мюрей (1945–2006) — французский писатель, поэт, публицист и известный острослов.

¹¹⁴ Лихтенберг, Георг Кристоф (1742–1799) — немецкий ученый и публицист. Современному читателю наиболее известен своими афоризмами, опубликованными посмертно.

¹¹⁵ Роман, Жан-Клод — известный французский массовый убийца. В 1993 году разными способами убил жену, двух своих детей и родителей, затем поджег свой дом, но в критическом состоянии был спасен из пожара.

¹¹⁶ Каролина Генрих — профессор философии (Германия). Была дружна с Бодрийяром в последние его годы жизни.

¹¹⁷ Безразличие, безразличный — в большинстве случаев Бодрийяр употребляет эти слова в буквальном смысле: «без различий», «отсутствие различий».

¹¹⁸ См. Славой Жижек, «Добро пожаловать в пустыню Реального» (М., 2002).

¹¹⁹ Взрыв Boeing 747 над Локерби — авиакатастрофа, произошедшая 21 декабря 1988 года. Самолет авиакомпании Pan American, совершавший рейс из Лондона в Нью-Йорк, был взорван террористами над городом Локерби (Шотландия). В результате погибло 270 человек (259 на борту и 11 на земле). В 2003 году Ливия признала ответственность своих официальных лиц за взрыв самолета.

¹²⁰ Теракт в Оклахома-Сити — террористическая акция, совершенная 19 апреля 1995 года и до событий 11 сентября 2001 года являвшаяся крупнейшим терактом на территории США. В результате взрыва заминированного автомобиля было разрушено федеральное здание, погибли 168 человек и более 680 получили ранения. Совершенно неожиданно оказалось, что организаторами теракта были ультраправые американцы.

¹²¹ Негационизм — вид исторического ревизионизма, при котором «новая» концепция строится на отрицании или игнорировании твердо установленных наукой фактов. Также нигилизм, отрицающий события прошлого, например армянский геноцид в Турции или холокост в фашистской Германии. Бодрийяр употребляет термин в значении «отрицание реальности».

¹²² Римская декларация от 28 мая 2002 года положила начало Совету Россия — НАТО. Саммит 19 лидеров стран — членов НАТО и президента России проходил на военной базе США при беспрецедентных мерах безопасности. 1 апреля

2014 НАТО остановило военное сотрудничество с Россией из-за кризиса на Украине.

¹²³ Глобальное — Бодрийяр, как и многие его предшественники и современники, избегает категоричности сущительного, поскольку прилагательное позволяет вместить в себя все смыслы. В данном случае: глобализация — процесс, глобализм — идеология, глобальность — свойство. То же самое касается и употребления слова «универсальное».

¹²⁴ Модерность — Бодрийяр употребляет это словно не столько в значении «современность», сколько как противопоставление традиционности.

¹²⁵ Имманентность (пребывание внутри) — понятие, обозначающее свойство, внутренне присущее предмету, процессу или явлению; то, что пребывает в самом себе, не переходя в нечто иное. Противоположное понятие — трансцендентность.

¹²⁶ «Столкновение цивилизаций» — книга американского социолога и политолога, автора концепции этнокультурного разделения цивилизаций Сэмюэля Хантингтона (1927–2008).

¹²⁷ Тюрма в Гуантанамо — лагерь для лиц, обвиняемых властями США в различных преступлениях, в частности в терроризме, ведении войны на стороне противника, на бессрочно арендуемой США военно-морской базе в заливе Гуантанамо (Куба). Тюрма появилась в январе 2002 года, когда туда были доставлены из Афганистана первые 20 человек, обвиняемых «в участии в боевых действиях на стороне исламских экстремистов» — талибов.

¹²⁸ Виктимальность [victimalité] — неологизм от слов «жертва» и «зло», «несчастье». К ее формам можно отнести жертвы преступлений, стихии, несчастных случаев, сексуальных домогательств, включая садомазохизм, то есть все те жертвы, которые не имеют отношения к сакральности либо к войне.

¹²⁹ Jean Baudrillard. *Le masque de la guerre, Libération* — 10 mars 2003.

¹³⁰ Впервые эта статья была опубликована всего за десять дней до начала официального вторжения американских

войск в Ирак, то есть Второй войны в Заливе. В отличие от 1991 года никакого единогласия по поводу новой войны не было. Это положение и обыгрывает Бодрийяр, начиная с названия недавно вышедшего французского фильма.

¹³¹ *Prévention* — многозначное французское слово: профилактика, предотвращение, предупреждение, недопущение, предохранение.

¹³² «Особое мнение» (*Minority Report*) — американский фантастический триллер Стивена Спилберга 2002 года по мотивам одноименной повести Филипа Дика.

¹³³ Речь идет о знаменитом докладе в ООН госсекретаря США Колина Пауэлла, включая демонстрацию пробирки якобы со спорами сибирской язвы. Менее чем через год он лично признался, что обнародованные им данные были во многом сфальсифицированными. Оружие массового поражения в Ираке никогда обнаружено не было.

¹³⁴ Фукуяма, Фрэнсис — американский госчиновник, стал известен благодаря статье «Конец истории?» 1989 года, в которой предсказал скорое падение СССР и окончательную победу западной модели устройства общества.

¹³⁵ В оригинале намеренно употреблено английское слово «alien» — отсылка к фантастическому инопланетному виду из вселенной фильма «Чужой» и его продолжений.

¹³⁶ Террористический акт на Дубровке, также известный как «Норд-Ост», — теракт в здании Дома культуры в Москве, длившийся с 23 по 26 октября 2002 года, в ходе которого группа чеченских боевиков захватила и удерживала 916 заложников из числа зрителей и актеров мюзикла «Норд-Ост». В результате операции по освобождению были убиты все находившиеся в здании террористы и освобождена часть заложников. В общей сложности, по официальным данным, погибли 130 человек из числа заложников (по другим данным, 174 человека).

¹³⁷ Jean Baudrillard. *Pornographie de la guerre*, *Libération* — 19 mai 2004.

138 В апреле 2004 года стало известно о жестоких пытках заключенных в иракской тюрьме Абу-Грейб, совершавшихся американскими солдатами, которые включали в себя изнасилования, избиения и другие издевательства. Во время истязаний американцы делали фотоснимки, позируя на фоне своих жертв. Опубликованные фото- и видеоматериалы вызвали широкий общественный резонанс.

139 Израильский разделительный барьер — пограничное сооружение Израиля, отделяющее Израиль от Западного берега реки Иордан, строительство которого началось в 2003 году. Критики разделительного барьера утверждают, что под предлогом обеспечения безопасности Израиль стремится в одностороннем порядке и без переговоров установить выгодные для себя границы между Израилем и будущим Палестинским государством.

140 Впоследствии этот эпизод был обыгран в культовом сериале «Черное зеркало», где место араба занял британский премьер-министр.

141 Канетти Элиас (1905–1994) — австрийский, болгарский, британский писатель, драматург, культуролог, социальный мыслитель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1981).

142 Jean Baudrillard. *A la recherche du Mal absolu*, Libération — 17 février 2005.

143 Подводное землетрясение в Индийском океане 26 декабря 2004 года, вызвавшее цунами, которое было признано самым смертоносным стихийным бедствием в современной истории. Цунами привело к огромным разрушениям и огромному количеству погибших людей даже за несколько тысяч километров от эпицентра. По разным оценкам, погибло от 225 тысяч до 300 тысяч человек.

144 Райс, Кондолиза — госсекретарь США с 2005 по 2009 год.

145 Аллюзия к Общественному договору.

146 Жан Бодрийяр, Наталья Архангельская. Меланхолический Ницше. Эксперт, 29 апреля 2002.

Литературно-художественное издание

Бодрийяр Жан

**ДУХ ТЕРРОРИЗМА
Войны в заливе не было**

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Руководитель редакции *И. Ремеева*
Выпускающий редактор *Л. Данкова*
Художественное оформление: *С. Лях*
Компьютерная верстка: *Т. Мосолова*
Корректор *В. Павлова*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

Подписано в печать 28.12.2015 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Minion Pro»
Усл. п. л. 11,76. Тираж 3000 экз.
Заказ № 187.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Провокационная теория Жана Бодрийяра — выдающегося французского философа — принесла ему всемирную известность. В ее основе — лишь один вопрос: знаем ли мы, **что происходит в мире на самом деле?**

Глобализация ускоряется. Современные СМИ спекулируют на темах войны, террора и бессилия политиков.

Парадоксально, но даже те события, за которыми весь мир следил в онлайн-режиме, могут оказаться фикцией...

В эпицентре анализа два события: война в Персидском заливе и теракт 11 сентября — и проблема искажения информации.

Как не утратить чувство реальности? Жан Бодрийяр дает ответ:

« Не поддаваться правдоподобию любой информации, любого образа, какими бы они ни были. Не пытаться восстановить истину — у нас нет для этого никаких средств, но не давать себя обмануть... Быть метеочувствительными к глупости и вранью, как к плохой погоде. »